

КАЗАХСТАН И МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО

Научно-аналитический журнал

- Учредитель:** Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан.
- Шеф-редактор:** У. Т. Касенов, директор Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан.
- Исполнительный редактор:** Д. Б. Кыдырбекулы, научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан.
- Технический редактор:** Т. Ф. Пьянова, Алматинский полиграфический комбинат при Министерстве печати и массовой информации Республики Казахстан.
- Адрес редакции:** Республика Казахстан, 480024, Алматы, проспект Ленина 87-б, Казахстанский Институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан,
Телефон (3272) 64-34-04,
факс (3272) 64-49-95
E-mail: dastan © Kaziss. Alma-ata. Su

Издание зарегистрировано Министерством печати и массовой информации Республики Казахстан 7 февраля 1994 г. Регистрационное свидетельство № 1240.
При перепечатке, микрофильмовании и других формах копирования статей ссылка на журнал обязательна.
Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.

Сдано в набор 05.12.95. Подписано в печать 25.01.96 г. Усл. печ. л. 10,4. Уч. изд. л. 11. Формат 70×100¹/₁₆. Заказ 1493. Тираж 700 экз.

Полиграфкомбинат Национального агентства по делам печати и массовой информации Республики Казахстан, 480002, г. Алматы, ул. Макатаева, 41.

© Казахстан и мировое сообщество

КАЗАХСТАН И МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО № 3 (4) 1995

Специальный выпуск, посвященный Центральной Азии

СОДЕРЖАНИЕ

- Серик Примбетов**
Интеграция в центральноазиатском регионе: проблемы и перспективы 3
- Каиргельды Кабылдин, Анатолий Лобаев, Клара Рахметова**
Нефть Казахстана в центральноазиатском, российском и мировом контексте 11
- Мурат Лаумулин**
Центральная Азия глазами западных политологов 20
- Александр Кадырбаев, Константин Сыроежкин**
Китай и Центральная Азия: история и современность 33
- Алма Султангалиева**
Центральная Азия и исламский мир 45
- Василий Василенко, Абдумалик Нысанбаев, Виталий Шабельников, Мурсалнаби Туякбаев**
Стратегия Центральной Азии на XXI век: от экологической уязвимости к устойчивому развитию 57
- Куаныш Султанов**
Наш сосед — Китай 83
- Марта Б. Олкотт**
12 мифов о Центральной Азии 96
- КИСИ (хроника)** 110
- РЕЦЕНЗИИ** 118
- RESUME** 125
- СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ** 128

KAZAKSTAN AND THE WORLD COMMUNITY
NO 3 1995

Special Issue on the region of Central Asia

CONTENTS:

Serik Primbetov	
Integration in Central Asian region: Problems and Perspectives	3
Khairgeldy Qabyldin, Anatoly Lobaev, Klara Rahmetova	
The Oil of Kazakstan in the Central Asian, Russian and World context	11
Murat Laumullin	
Central Asia in the Western politologists' opinion	20
Alexander Kadyrbaev, Konstantin Syroyezhkin	
China and Central Asia	33
Alma Sultanghalieva	
Newly-Independent States of Central Asia and Islam	45
Vasily Vasilenko, Abdumalik Nysanbaev, Vitaly Shabelnikov, Mursalnabi Tuyaqbaev	
The Strategy for XXI century: from Environmental Vulnerability to Sustainable Development	57
Quanysh Sultanov	
China is our neighbour	83
Martha Brill Olcott	
Twelve Mythes of Central Asia	96
Kazakstan Institute for Strategic Studies in 1995: Latest news of Scientific life	110
REVIEWS	118
RESUME	125
INFORMATION OF AUTHORS	128

Серик Примбетов

ИНТЕГРАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Председатель Исполнительного Комитета Межгосударственного Совета Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана

Обретение государственной независимости Центральноазиатскими республиками потребовало определения новых стратегических подходов в построении рыночно ориентированной экономики, в вопросах межгосударственного сотрудничества и интеграции. Необходимо отметить, что региональное сотрудничество и интеграция становятся сегодня все более усиливающейся тенденцией мирового развития. На региональных уровнях возникают десятки экономических союзов и сообществ, которые содействуют и более тесному политическому сотрудничеству. Фактически весь мир сегодня — это совокупность глобальных и региональных блоков (ЕС, НАФТА, МЕРКОСУР, ЭСКАТО, АСЕАН/АЗСТ, ЗПТ, ОЭСР, АТЭК и др.). Интегрируются и совместно решают общие проблемы и страны Центральной Азии.

Современное развитие Центральноазиатского региона предопределено исторической общностью народов, населяющих этот регион. Сама природа предоставила народам Центральной Азии величайший свой дар — быть и жить соседями. В Ферганской долине испокон веков вели совместное хозяйство народы Кыргызстана и Узбекистана, Чуйской долине — Кыргызстана и Казахстана. Водные ресурсы — это база, на которой сложились и возникли древние цивилизации этого региона, их хозяйствование и они являются важнейшим, определяющим фактором в развитии этого региона.

В древности эти территории представляли собой цветущий оазис, где было развито земледелие, основанное на срошении, скотоводство, ремесленничество и т. д. Исторические корни уходят в глубокое, многовековое взаимодействие народов создало уникальный сплав и богатство культур. Такие города, как Самарканд, Бухара, Хива, Ургенч, Отрар, Тараз, Туркестан, Аулие-Ата и многие другие издавна являлись торговыми, культурными, научными центрами Центральной Азии и они играли важную роль в мирохозяйственном развитии того времени. Выгодное геополитическое положение данного региона являлось не только катализатором их развития, но и способствовало взаимопроникновению и обогащению цивилизаций Востока и Европы.

Геополитическое расположение, общие границы, наличие транспортных и других коммуникаций, связывающих государства региона, а также наличие богатейших природно-сырьевых ресурсов создают все предпосылки для кооперирования промышленного производства, организации совместных предприятий и взаимодействия агропромышленного комплекса. Государства Центральной Азии имеют развитую промышленность: горнодобывающая, цветная и черная металлургия, неф-

тепереработка и нефтехимия, электроэнергетика, легкая и пищевая. Благодаря благоприятным природно-климатическим условиям в регионе достаточно хорошо развито сельское хозяйство.

Несмотря на большое сходство и общую историческую судьбу государства региона далеко не однородны. Между ними есть и большие различия.

Казахстан — обладает большой территорией, богатыми минерально-сырьевыми ресурсами, развитой промышленностью и сельским хозяйством, отличается большим разнообразием в этническом отношении, культурных традициях.

Кыргызстан — сравнительно небольшое государство. Высокая степень разделенности горами на изолированные части привело и к неоднородному экономическому развитию и, как следствие, к наличию существенных социальных различий между населением отдельных регионов.

Таджикистан — также страна высочайших гор: 93 процента занято горами и всего 7 процентов территории долины, где сосредоточено практически все земледелие, размещено большинство промышленных предприятий и расположены крупные населенные пункты. Это один из древних мировых очагов человеческой культуры, одно из немногих мест мира, где уцелел уникальный, растительный генофонд.

Туркменистан — страна, избравшая свой самобытный путь к государственному, политическому и экономическому переустройству. Она объявила политику позитивного нейтралитета, «открытых дверей» во внешнеэкономической деятельности, разработала программу «10 лет стабильности», которая предусматривает защиту социально уязвимых слоев населения*.

Узбекистан — большое и густонаселенное государство с относительной этнической однородностью населения, которое давно и стабильно расселено по городам и селам республики. Страна числится среди пяти крупнейших производителей хлопка и занимает вторую позицию в мире по экспорту этого продукта. Имеются богатые запасы природного газа, угля, нефти, гидроэнергетических ресурсов, золота, шелка-сырца и др. видов сырья.

В 1991 году границы внутри бывшего Советского Союза превратились в государственные. Многие производственные, технологические, торгово-экономические взаимосвязи, относившиеся в недавнем прошлом к единому общесоюзному механизму, оказались нарушенными и новые независимые государства Центральной Азии остались на один со своими проблемами. Попытки решить возникшие проблемы самостоятельно не привели к особым успехам, так как вопросы распределения и обеспечения водными, топливно-энергетическими и другими ресурсами, развития производственной и непроизводственной инфраструктуры требуют своего решения на межгосударственном уровне.

* Так, с 1993 г. население Туркменистана бесплатно пользуется водой, газом, электроэнергией, в 1995 г. — солью. С 1997 года планируется, что население будет бесплатно потреблять хлеб. Немногие государства могут позволить себе такое в нынешних сложных условиях переходного периода.

Существуют объективные условия для дальнейшего развития стран Центральноазиатского региона на основе их интеграции. Единая система управления экономикой и снабжением, высокий уровень промышленной кооперации, монокультурность в сельском хозяйстве, единая транспортная сеть определяли в прошлом и еще долго будут определять перспективы развития Центральноазиатского региона.

Реальные процессы экономической интеграции и сближения этих стран начались в 1993 г. В июле 1993 года Казахстаном и Узбекистаном было подписано Соглашение о мерах по углублению экономической интеграции на 1994—2000 гг., а в январе 1994 года Главы этих государств для создания соответствующих необходимых правовых основ подписали Договор о создании Единого экономического пространства, а 30 апреля 1994 года в городе Чолпон-Ата Главы Государств подписали тройственный Договор о создании Единого экономического пространства между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Республикой Узбекистан.

Согласно Договору о создании Единого экономического пространства для обеспечения эффективной и взаимовыгодной их экономической интеграции необходима безотлагательная реализация следующих условий:

1) создание реальных правовых, экономических и организационных предпосылок для беспрепятственного перемещения финансовых и трудовых ресурсов;

2) проведение скоординированной политики в области развития транспортной и коммуникационной систем;

3) использование свободных (договорных) цен во взаимной торговле и запрещение односторонних действий, ограничивающих доступ товаров (услуг) на внутренние рынки государств-участников;

4) приведение в действие механизма, способствующего развитию прямых экономических связей между хозяйствующими субъектами и наращиванию производственной кооперации;

5) оказание действенной помощи в создании и развитии совместных предприятий, производственных объединений в приоритетных отраслях экономики, сети коммерческих и финансово-кредитных структур;

6) обеспечение равных экономических условий при взаимном инвестировании капиталов, согласованной инвестиционной политики при привлечении иностранных инвестиций и кредитов в сферы экономики, в которых страны региона имеют взаимную заинтересованность;

7) смягчение таможенного режима, гармонизацию таможенных законодательств и постепенное снижение ставок налоговых сборов и других ограничений.

Далее возможно формирование монетарного союза, который предполагает взаимное признание и конвертируемость национальных валют, их официальных котировок, осуществление платежей в национальных валютах.

В целях практической реализации основных положений этого Договора на встрече Глав государств-участников в городе Алматы 8 июля 1994 года был создан Межгосударственный Совет, учреждены Советы Премьер-министров, министров иностранных дел и обороны и их рабочий орган — Исполнительный комитет Межгоссовета.

Руководствуясь интересами сохранения торгово-экономических отношений между нашими странами, а также развития совместных производств, Соглашением от 8 июля 1994 г. образован Центральноазиатский банк сотрудничества и развития, учредителями которого являются Правительства государств-участников. Он должен стать источником привлечения внутренних и иностранных инвестиций и долгосрочных кредитов для финансирования приоритетных проектов в рамках Программы экономической интеграции государств-участников.

Значительным событием в жизни стран Центральной Азии явилось заседание Совета Премьер-министров трех республик 24 апреля 1995 года в г. Бишкеке. На заседании был принят ряд важнейших документов по углублению экономической интеграции стран Центральной Азии, таких как Программа экономической интеграции между государствами-участниками на 1995—2000 гг., Перечень первоочередных инвестиционных проектов и ряд других документов и соглашений. Утвержден план-график подготовки проектов основных документов и их реализации в рамках Договора о создании Единого экономического пространства. Идеи экономической интеграции постепенно приобретают реальное воплощение. Процесс экономического сближения государств набирает силу.

Стремление трех государств к формированию единого экономического пространства Центральной Азии основывается на ранее сложившейся единой энергетической, транспортной системах, сети нефте- и газопроводов. Стало необходимо обеспечение единых согласованных таможенных и торговых режимов, обеспечивающих свободу перемещения товаров (услуг), капиталов, рабочей силы.

Процесс формирования единого экономического пространства идет медленно и нелегко. На интеграционные процессы природными ресурсами, сказывается неравенство стран в обеспеченности природными ресурсами, производственном потенциале, а главное — основные экономические интересы многих государств Центральной Азии лежат за пределами региона, в СНГ или дальнем зарубежье. Рынок Центральной Азии призван не только конкурировать с рынками России и других стран СНГ, но и дополнять их.

Негативные последствия, порожденные развалом бывшего Союза ССР, обусловили, в свою очередь, спад активности в области торгово-экономического сотрудничества стран центральноазиатского региона. Положение также усугубило введение национальных валют, вызвавшее разрушение единого денежного пространства, возникновение таможенных и других барьеров перед продвижением товаров и капиталов.

В этих условиях не вызывает сомнений необходимость интеграции и выгоды экономического союза, который безусловно даст дополнительные преимущества национальным экономикам государств-участников, позволит достичь стабилизации и динамичного экономического роста и, как следствие этого, добиться усиления совокупного производственного и экспортного потенциала, самообеспечения региона сырьевыми ресурсами, наиболее рационального использования трудовых, материальных и финансовых ресурсов.

Приоритеты экономической интеграции стран Центральной Азии должны определяться их интересами, целями эффективного использования их совокупного экономического потенциала и ускорения социально-экономического развития этих стран.

Развитие торгового сотрудничества и формирование общего рынка — первый и важнейший шаг к интеграции стран центральноазиатского региона. Как указывалось выше, распад СССР и образование Новых Независимых Государств обусловили резкое снижение интенсивности товарообменных операций между государствами Центральной Азии. Эта, в общем-то, отрицательная ситуация заключает в себе и позитивный момент, так как происходит параллельное стимулирование рационализации взаимовыгодных хозяйственных связей и выхода цен на мировой уровень. Появилась новая, но, по нашему мнению, временная форма торговых отношений: межправительственные соглашения о взаимных поставках продукции на клиринговой основе.

Практика, однако, показала неэффективность подобной формы экономического сотрудничества, поскольку поставки по межправительственным договорам вызывают необходимость дополнительной кредитной эмиссии, административных ограничений, директивных заданий. Для организации эффективного торгового сотрудничества центральноазиатские государства должны отказаться от заключения межправительственных соглашений и сосредоточить усилия на создании льготных условий для роста товарообменных операций между хозяйствующими субъектами государств. Необходимо обеспечить беспрепятственное продвижение товаров на рынки государств-участников, пересмотр тарифные и нетарифные ограничения на ввоз и вывоз товаров (услуг), таможенные пошлины, всемерно способствуя развитию финансовой и рыночной инфраструктур, а также окончательно освободив цены от административного диктата. Фактически, это означает создание зоны свободной торговли в рамках Центральноазиатского региона, ибо на наш взгляд страны нашего региона пока не готовы к созданию полноценного Таможенного Союза.

Определенные перспективы имеются в области совместной эксплуатации минерально-сырьевых ресурсов и организации на их основе производства по выпуску продукции высокой степени готовности. Подобное сотрудничество может быть реализовано через создание транснациональных финансово-промышленных групп, совместных предприятий или путем взаимного участия в капиталах (владение акциями) предприятий, связанных единой технологической цепочкой, при приведении в соответствие национальных законодательств.

Одним из основных преимуществ экономического союза государств Центральной Азии является достижение полного самообеспечения региона топливно-энергетическими ресурсами, сбалансированное и эффективное использование которых может и должно стать основой экономического роста.

Совместная эксплуатация месторождений топливно-энергетических ресурсов дает возможность достичь сбалансированности в их производстве и потреблении внутри региона, а также обеспечить рациональное использование и благоприятные экспортные перспективы. Это выгодно и стране, разрабатывающей месторождение, так как она

получает дополнительный приток материальных и финансовых ресурсов, и стране, вкладывающей капитал, поскольку она обеспечивает покрытие внутренних потребностей, а также получает возможность претендовать на часть прибыли от экспорта.

Немаловажное значение в процессе экономической интеграции стран Центральной Азии имеет развитие транспортной и коммуникационной систем. На сегодняшний день транспортная и коммуникационная инфраструктура Центральной Азии не отвечает современным требованиям и совершенно не приспособлена для обслуживания экономического роста стран этого региона. Для реализации преимуществ своего выгодного географического положения государствам региона необходимо в кратчайшие сроки осуществить довольно существенные инвестиции в развитие транспортной и коммуникационной сети, эффективность которых проявилась бы при обязательном условии совместного участия всех заинтересованных сторон. Приоритетное значение для Центральноазиатского региона имеет осуществление проекта Трансазиатской железнодорожной магистрали Пекин-Алматы-Ташкент-Тегеран-Анкара-Стамбул общей протяженностью 10,5 тыс. км.

Важным шагом на пути к формированию Единого экономического пространства является создание межгосударственной платежной системы, обслуживающей торгово-экономическое сотрудничество стран Центральной Азии. Необходимость организации межгосударственной платежной системы выдвигает на первый план задачу взаимного признания национальных валют и выработки механизма их взаимной котировки. Сложность здесь заключается в наличии перманентных инфляционных процессов в государствах региона, неконвертируемости их валют, а также до сих пор существующем в некоторых странах государственном регулировании цен на энергоносители, сырьевые ресурсы и продовольственные товары. Директивно поддерживаемые на низком уровне внутренние цены, отражаемые в торговых соглашениях с партнерами из других государств, уменьшают для последних отдачу и лишают стимулов к наращиванию экспорта товаров. Следовательно, создание зоны свободной торговли потребует от государств Центральной Азии отказа от административного регулирования цен. Не секрет, что темпы становления центральноазиатского общего рынка во многом будут обуславливаться уровнем либерализации цен в этих странах.

Безусловно, важной предпосылкой ускорения процесса интеграции в рамках центральноазиатского региона является финансовая стабилизация во всех странах-участницах формирующегося экономического союза. Пока реально существуют прецеденты девальвации национальных валют, непредсказуемость темпов инфляции, интеграция денежных систем этих государств весьма маловероятна. Отсюда и главная задача, которую предстоит решить в ближайшей перспективе — обеспечение нормального обслуживания текущих торговых операций.

В заключение следует отметить, что экономическая интеграция стран Центральной Азии предоставляет широкие возможности для решения комплекса экономических и социальных проблем в регионе. Экономическая интеграция выгодна всем государствам центральноазиатского региона и будет, без сомнения, важным фактором ускорения социально-экономического развития этих стран.

На наш взгляд, набирающий темпы в регионе интеграционный процесс имеет довольно хорошие перспективы, которые обусловлены исторической, географической, культурной и языковой общностью при сохранении национального своеобразия, государственного суверенитета и политической независимости. Одновременно центральноазиатская интеграция не означает регионального обособления. Договор о создании Единого экономического пространства открыт для присоединения к нему и других государств СНГ.

Очевидно, что развитие интеграционного процесса в регионе должно происходить в несколько этапов.

Можно условно выделить следующие:

— первый этап: организация общего рынка и производственная кооперация;

— второй этап: сближение национальных законодательств, регулирующих экономическую деятельность, и создание наднациональной координационной структуры для обеспечения согласованности экономической политики стран региона;

— третий этап: обустройство общего экономического и денежного пространства, которое предполагает свободное перемещение товаров, услуг и капиталов, рабочей силы и обеспечивает согласованную расчетную, бюджетную, налоговую, ценовую, таможенную и валютную политику на основе принципов дружбы и добрососедства, равноправия и невмешательства во внутренние дела друг друга, добросовестного выполнения взаимных обязательств, а также других общепризнанных норм международного права.

В таблицах № 1 и 2 приводятся по оперативным данным статистических органов государств-участников основные социально-экономические показатели Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана за 8 месяцев 1995 года.

Таблица 1

Основные социально-экономические показатели Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана за 8 месяцев 1995 года

	Казахстан		Кыргызстан		Узбекистан	
	8 месц. 1995 г.	% к 1994 г.	8 месц. 1995 г.	% к 1994 г.	8 месц. 1995 г.	% к 1994 г.
1	2	3	4	5	6	7
Валовый внутренний продукт в действующих ценах (млрд. ед) *	529,7	83,6	8,7	92,2	96,9	96,4
млрд. дол. США.	8,63	—	0,8	—	2,9	—
Объем промышленной продукции, работ и услуг	398,2	92,1	4,6	86,1	128,0	96,1
Объем производства потребительских товаров	65,7	53,2	2,0	70,2	45,8	95,0
Капитальные вложения — всего	65,4	57,6	1,4	46,0	39,6	—

* — Казахстан — тенге, Кыргызстан — сомы, Узбекистан — сумы.

1	2	3	4	5	6	7
Ввод в эксплуатацию жилых домов (тыс. кв. м)	872,7	71,0	142,1	75,0	2901,9	97,0
Перевозка грузов всеми видами транспорта (млн. тонн)	145,8	69,7	21,7	92,3	146,0	70,0
Розничный товарооборот в сопоставимых ценах	10,6	46,2	3,1	87,3	58,2	89,1
Общий объем экспорта, млн. дол. США **	2066,4	153,0	173,8	121,0	1380,5	84,6
Общий объем импорта, млн. дол. США **	1530,9	80,0	217,9	117,0	1111,5	90,7
Средняя заработная плата (июль)	5185	107,4***	380,6	108,2***	1014,0	368,0***

** — за первое полугодие 1995 года.

*** — к июлю 1994 года.

Таблица 2

Социальные индикаторы

	Республика Казахстан		Кыргызская Республика		Республика Узбекистан	
	август 1995 г. в % к					
	пред. м-цу	декаб. 1994 г.	пред. м-цу	декаб. 1994 г.	пред. м-цу	декаб. 1994 г.
Индекс цен производителей на промышленную продукцию	106,7	135,2	103,7	120,0	103,4	212,8
Индекс потребительских цен	102,1	139,2	99,7	120,0	100,9	181,9

Каиргельды Кабылдин, Анатолий Лобаев, Клара Рахметова

НЕФТЬ КАЗАХСТАНА В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ, РОССИЙСКОМ И МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

Наличие углеводородного сырья мирового значения в Казахстане и других государствах Центральной Азии придает этому экономическому региону глобальную значимость.

Приоритетная роль топливно-энергетических ресурсов государств центральноазиатского региона объясняется тем, что их добыча, использование и переработка являются ключевыми в структурной перестройке их экономик, системы жизнеобеспечения этих государств, основой экспортной базы. Немаловажен и тот факт, что в условиях раздробленности и становления национальных рынков, несогласованности мирохозяйственной политики, ограниченности финансовых и технологических ресурсов узкими рамками национальных экономик, новые независимые государства Центральной Азии не в состоянии эффективно противостоять мощной конкуренции со стороны более богатых в отношении топливно-энергетических ресурсов и технологически развитых государств.

Ряд объективных факторов предопределяет весьма жесткие рамочные условия для введения местных сырьевых запасов в мировой оборот. Главные среди них следующие (1):

- геополитическое положение государств Центральной Азии;
 - географическая структура размещения мировой нефтяной промышленности. В целях минимизации производственных издержек освоение нового региона, возможно, будет максимально привязано к уже сложившимся системам трубопроводов, портов и терминалов, перерабатывающим комплексам;
 - условия залегаания нефти и газа, а также повышенная агрессивность, вязкость и сернистость центральноазиатской нефти императивно предполагают использование новейших технологий и масштабных капиталовложений. И то и другое имеется в распоряжении лишь американских, западноевропейских и японских корпораций;
 - долговременная динамика энергопотребления в основных центрах мировой экономики. По сути дела, в диверсификации источников поставок нефти и газа нуждаются главным образом Западная Европа, Япония и, возможно, Китай в случае сохранения там высоких темпов экономического роста.
 - наконец, конкуренция со стороны других богатых углеводородным сырьем регионов мира. Ведущие транснациональные корпорации придерживаются глобальной стратегии, тщательно выверяя издержки и потенциальную прибыль.
- Следовательно, проблема обеспеченности ресурсами нефти или гарантированности ее поставок по приемлемым ценам остается одним из важнейших факторов формирования национальных стратегий развития и одной из серьезнейших проблем всего мирового хозяйства. Этот

фактор имеет весьма огромное значение для формирования топливно-энергетического баланса Казахстана. Республика Казахстан обладает крупными и эффективными ресурсами топлива и выступает как один из важнейших региональных топливно-энергетических комплексов.

Однако экономика Республики Казахстан в настоящее время испытывает дефицит топливно-энергетических ресурсов. Предварительный анализ расходной части внешнеторгового баланса Республики Казахстан за 1994 год и текущий период 1995 года констатирует, что его расходная часть формируется в основном за счет импорта топливно-энергетических ресурсов (нефть, газ, нефтепродукты, сжиженный газ, электроэнергия), которые исходя из данных различных источников формируют от 29 до 34% суммарного импорта. За 1994 год отрицательное сальдо торгового баланса Республики составило 1269,7 млн. долларов США, из общего объема импорта 3114,7 млн. долларов США в том числе из стран СНГ 1295 млн. долларов США составили энергоресурсы.

Поставка нефти, газа и нефтепродуктов из стран СНГ в первую очередь России в любой ситуации будет не выгодна для Республики Казахстан из-за применения дискриминационных цен и сохранения всех видов косвенных доходов стране-производителе энергоресурсов. Страны СНГ, Россия в первую очередь, пользуясь полной зависимостью республики как по экспорту, так и по импорту этих ресурсов, будет вести неравноправную торговлю, а в вопросах развития транспортных систем и перерабатывающих мощностей будет защищать свои интересы.

Государства Центральной Азии: Кыргызстан, Туркменистан и Узбекистан так же в вопросах поставки природного газа и электроэнергии будут пытаться навязывать мировые или завышенные цены, что постоянно подтверждается на практике.

Казахстан более, чем на 50% зависит от России в отношении поставок сырой нефти на свои нефтеперерабатывающие предприятия. Шымкент и Павлодар получают западно-сибирскую нефть по трубопроводу из Омска (Россия) в Чарджоу (Туркменистан). Шымкент обычно работает на 75% на западно-сибирской смеси и Кумкольском сырье (Кумкольское месторождение в центре Казахстана связано ответвлением с магистральным трубопроводом). Павлодар на 100% зависит от западно-сибирской нефти. Атырау — единственный завод, работающий исключительно на Казахстанском сырье (из Мангышлака, Тенгиза, Мартыши).

В условиях распада Союза, снижения добычи нефти на западно-сибирских месторождениях (табл. 1), непрохождения проплат из Казахстана в Россию вопрос обеспечения нефтью Павлодарского и Шымкентского нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ) приобрел критический характер: заводы неоднократно полностью останавливались из-за отсутствия сырья.

Россия предполагает стабилизировать и увеличить добычу нефти за счет инвестиционных средств в ближайшие три-пять лет и испытывает значительные трудности в ее экспорте в связи с потерей экспортных терминалов на Балтийском и Черном морях и несоответствием существующих нефтепроводных систем сложившейся политико-экономической обстановкой.

Таблица 1

Прогнозный баланс нефти России (млн. т) (2)

	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2005 г.
1. Добыча нефти в России	310.8	300.0	300.0	305.0	310.0	310.0	330.0
2. Поступление из Казахстана в т.ч. взаимообмен	3,0	3,0	3,0	3,0	3,0	3,0	3,0
3. Для НПЗ России	175.0	170.0	170.0	175.0	180.0	180.0	195.0
4. В Казахстан (включая взаимообмен)	6.0	6.0	6.0	6.0	6.0	6.0	6.0
5. Экспорт России на мировой рынок	100.0	98.1	100.7	111.2	111.2	124.2	148.1

По исследованиям, проведенным американской фирмой «Plan Econ. Inc», сумма капитальных вложений необходимых для доведения добычи нефти в России до уровня 310 млн. т/год к 2000 году, составляет приблизительно 30 млрд. долларов США.

Международный Валютный Фонд главным условием выдачи кредитов России ставит вопрос о том, чтобы она не снижала экспорт нефти.

Экспорт российской нефти на международный рынок по данным «Plan Econ. Inc» предполагается до 107 млн. т в 1995 году, почти достигнет своего прежнего максимума (имевшего место в 1988 г), до 124 млн. т в 1996 году, и возрастет до 144 млн. т в 2000 году, а затем до 175 млн. т к концу 2010 года.

Баланс нефти России показывает, что из-за отсутствия ресурсов нефти в связи с прогнозируемым увеличением ее экспорта на мировой рынок, не предусматривается полная загрузка существующих нефтеперерабатывающих заводов Казахстана западно-сибирской нефтью.

Наблюдается значительное снижение объемов переработки нефти на НПЗ республики (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициент использования мощностей Павлодарского и Шымкентского НПЗ:

Наименование НПЗ	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.
Павлодарский	K=0.95	K=0.86	K=0.69	K=0.44
Шымкентский	K=0.96	K=0.93	K=0.76	K=0.57

Чтобы оттянуть эффект низких поставок западно-сибирского сырья, Шымкентский НПЗ сегодня получает наибольшее количество актюбинской нефти, транспортируемой по железной дороге с Запада Казахстана, тем самым уменьшая свою зависимость от западно-сибирских смесей почти на 50%.

Наиболее острой проблемой разработки и рационального использования нефтей Казахстана остается отсутствие развитой системы неф-

тепловодов, которая позволила бы ему выйти на мировой рынок и связывать производителей и потребителей нефти, продукции ее переработки по территории Казахстана рациональным образом.

В целях достижения энергетической независимости республика в состоянии будет удовлетворять потребности в углеводородном сырье за счет собственного производства. Так как при стабилизации и росте производства товарной продукции, к 2000 году предполагается рост в 1.5—2.0 раза потребления энергоресурсов. Увеличение их импорта до 2.5—3.0 млрд. дол. США в год будет служить одним из основных факторов, сдерживающих развитие экономики государства. Преодолеть его можно либо путем возвращения к нормальным отношениям с Россией, либо построив трубопровод с Запада на Восток Казахстана, тем самым сделав страну независимой от поставок российского сырья.

Однако неопределенности в будущих отношениях с Россией привели Казахстан к необходимости рассмотреть возможность развития некоторой независимости, увеличивая объем использования на своих заводах казахстанского сырья. Связь между Кумкольским месторождением и трубопроводом из Западной Сибири — первый шаг в этом направлении, что позволяет Шымкенту перерабатывать Кумкольское сырье. Однако добыча Кумколя (Тургайский регион) составит всего 3,1 млн. тонн/год, что лишь частично решает проблему нефтяной автономии для Шымкента. Для более серьезного использования национальной нефти должна быть расширена сеть трубопроводов, чтобы сделать возможным использование добытой нефти в таких западных регионах как Актюбинск (Жанажол, Кенкияк), Эмба или Тенгиз на Павлодарском и Шымкентском заводах.

Это особенно важно, так как самый крупный Павлодарский НПЗ зависит от России не только в отношении поставок сырья, но и в рынках сбыта продукции. Таким образом, даже если Павлодар будет независимым от России в поставках сырья, Россия сможет затруднить прибыльную работу завода, экспортируя нефтепродукты в Казахстан по низким ценам. Политические и стратегические соображения, с другой стороны, могут отдать предпочтение более высокой степени независимости, чем у Казахстана сегодня.

В связи с этим серьезной проблемой является строительство нефтепровода Западных Казахстан — Кумколь, в целях преодоления сильной зависимости от России по поставке нефти на нефтеперерабатывающие заводы в гг. Павлодаре и Шымкенте. Сегодня эта проблема наряду с проблемой самостоятельного транспортного выхода на мировой рынок является более приоритетной, чем наращивание добычи нефти.

Для решения вопросов поставки казахстанской нефти на Павлодарский и Шымкентский НПЗ необходимо строительство нефтепровода Атырау—Кенкияк—Кумколь протяженностью 1195 км. и стоимостью, в соответствии с подготовленным ТЭО, равной 1094,5 млн. долларов США. Проектная пропускная способность трубопровода составит 23 млн. тонн в год. Мощности по переработке нефти на этих НПЗ возрастут с 13,4 до 22,5 млн. тонн в год.

Реализация этого проекта позволит не только полностью обеспечить внутренние потребности республики, но и получить возможность

экспорта продуктов нефтепереработки. Именно доходы от экспорта нефтепродуктов должны возместить затраты на строительство нефтепровода. Построенные в советское время мощности Шымкентского нефтеперерабатывающего завода были рассчитаны на покрытие потребности в нефтепродуктах юго-восточной части Казахстана, а также республики Средней Азии.

Рынок экспорта нефтепродуктов на Запад ограничен как по причине географического положения страны, так и из-за серьезной конкуренции со стороны российских нефтеперерабатывающих заводов. Огромные расстояния между Казахстаном и западными рынками мешают рассматривать Запад в качестве жизнеспособного долгосрочного будущего рынка, особенно учитывая тот факт, что экспортировать сырую нефть по трубопроводу в 10 раз дешевле, чем нефтепродукты — по железной дороге.

Благодаря огромному избытку перерабатывающих мощностей в России и прямому доступу к поставкам сырья маловероятно, что какой-либо из трех заводов страны сможет, действуя самостоятельно, составить конкуренцию на российском рынке. Павлодарский завод будет иметь такую возможность, только если у него будет российский партнер. Однако, узбекистанский рынок, который составил около 2,2 млн. тонн нефтепродуктов в 1991 году, получает лишь 1,3 млн. тонн от своего единственного завода в Фергане, являясь потенциальным рынком для экспорта из Шымкента, который расположен близко к узбекистанской границе, а также к другим государствам Центральной Азии (Кыргызстан и Таджикистан), испытывающим значительный дефицит в продукции переработки нефти.

В связи с происходящими в последние два года дезинтеграционными процессами и переориентацией поставок на внешний рынок появилась опасная тенденция к «сверхдобыче» нефти и газа в Центрально-азиатском регионе, стремление каждой из стран перейти на самообеспечение внутренней потребности в топливно-энергетических ресурсах. Однако, без согласованной сырьевой политики, привлекательные с точки зрения среднесрочной перспективы, но требующие больших капитальных затрат проекты могут оказаться не столь выгодными с точки зрения долгосрочной перспективы.

Проблема поставок нефти связана с проблемой экспорта сырья (за твердую валюту), так как любая возможность для внутреннего использования казахстанской нефти автоматически уменьшает объем сырья потенциально доступного для экспорта и для получения такой необходимой иностранной валюты. Маловероятно, что иностранный инвестор будет вкладывать средства в месторождение, вся добыча которого должна быть передана собственным заводам. Планы по снабжению собственных предприятий казахстанским сырьем должны быть скоординированы с возможностями экспорта.

В ближайшем будущем, однако, Казахстан будет ограничен в объеме сырья, которое он может экспортировать (3). Не имея прямого выхода к морю, он, таким образом, зависит от других стран в отношении экспорта сырья. До сих пор экспорт сырья производился, в основном, через Россию по существующей сети российского трубопровода. Трудности, испытываемые Тенгизшевройлом в экспорте сырья, показали сла-

бость этого пути, предполагают, что должна быть создана возможность экспорта напрямую независимо от существующей сети Российского трубопровода. Рассматриваются и другие альтернативные варианты прокладки нефтепроводов.

У Казахстана большие запасы нефти, и многие международные компании уже вовлечены в исследование, разработку и добычу. Это, в свою очередь, даст Казахстану большие преимущества в переговорах с Россией, так как Россия сама нуждается в технической и финансовой помощи со стороны этих компаний и их Правительств.

В перспективе можно предположить экономическую и политическую целесообразность строительства и использования внутреннего трубопровода Атырау—Кумколь—Каракаин в качестве элемента региональной нефтепроводной сети для обеспечения возможности экспорта дополнительных объемов казахстанской и российской нефти.

Возможность использования внутреннего нефтепровода для целей экспорта казахстанской и российской нефти в Китай может разрешить практически все существующие вопросы технического, политического и экономического характера, препятствующие реализации этого проекта, и обеспечить стабильный паритет интересов. Возможное совместное с Россией строительство и владение этой нефтепроводной системой, позволит сократить на 20—30% строительные затраты, и может служить положительным фактором, стабилизирующим нефтяную отрасль промышленности Казахстана.

В контексте перспектив развития энергетического сектора экономики Казахстана в ближайшие 10—15 лет, представляют интерес анализ, выводы и прогнозы ученых о потребностях и поставках энергетических ресурсов в странах АТР (4).

По данным исследования, потребности стран региона в энергоносителях возрастают гораздо быстрее, чем где бы то ни было в мире, и составят почти половину мирового потребления добываемого из недр топлива к 2010 году, даже если развитие науки позволит увеличить использование неископаемых видов топлива и новых технологий.

К концу первого десятилетия следующего столетия регион будет потреблять на 133% больше коммерческой энергии (нефть, газ, уголь и электричество), чем в настоящее время. Для производства электроэнергии проектируется большее использование угля и гидроэнергии и меньшее — нефти. Однако, несмотря на то, что использование гидро и ядерной энергетики может почти удвоиться, потребление ископаемых видов топлива — угля, нефти и природного газа, увеличится по меньшей мере на 90 процентов.

Потребность в нефти будет возрастать в среднем на 4.1% ежегодно до конца столетия и на 3% ежегодно в течение первого десятилетия 21 века. В то же время ожидается, что производство сырой нефти в регионе слегка снизится, что соответственно значительно увеличит зависимость АТР от импорта.

Импорт нефти, в первую очередь ближневосточной, составит три четверти потребностей региона к 2010 году.

Природный газ является топливом, которое все больше предпочитают потребители, поскольку цены и поставки относительно стабильны, экологически оно более чище и, потребность в нем ожидается будет

расти в размере 6% ежегодно, или еще быстрее, если цены на нефть будут оставаться высокими. Однако, рост потребления природного газа, также как и сырой нефти, ограничивается недостатком в регионе трубопроводов.

Правительства стран АТР ожидают, что вклад региона в мировое производство ископаемых видов топлива возрастет с 31% в 1993 году до 46% в 2010 году. Одновременно предполагается, что осуществление ряда амбициозных ядерных и гидроэнергетических проектов не будет реализовано, что вынудит потребителей больше использовать ископаемые виды топлива и, что, соответственно, потребует еще большего увеличения их производства в АТР.

Энергетические потребности Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии растут значительно быстрее потребностей других регионов мира. Основными рынками в данном регионе являются Китай, Япония, Южная Корея, Тайвань, Филиппины и Вьетнам. Прогнозы указывают на значительный прирост в данных странах, в особенности в Китае. Например, китайская экономика удвоится к 2000 году, и данный уровень роста потребует огромного количества энергии. После 1993 года Китай стал основным импортером нефти и будет продолжать импортировать более 7 миллионов тонн в год, несмотря на ожидаемое увеличение добычи в Таримском бассейне.

В 1990 г. общая потребность азиатского-тихоокеанского региона составила 625 миллионов тонн в год. По оценкам, наибольшее увеличение спроса на нефть, используя 1991 г. в качестве базисного года и планируя до 2010 г., ожидается в Азиатско-тихоокеанском регионе. В частности, увеличение спроса Китая, планируемого на уровне 200 миллионов тонн в год, удвоится в целом по сравнению с южноазиатскими странами (100 миллионов тонн в год) и составит около 70% от суммарного роста спроса для западноазиатских стран (280 млн. тонн в год).

Ряд прогнозов утверждают, что Китай станет таковым государством не только в регионе, но и в мире уже в ближайшие четыре года, учитывая его ежегодный рост экономического развития в 11.5% и, что правительство этой страны уже сегодня располагает средствами в размере 2,85 триллиона долларов США в год на импорт энергоносителей.

Неизбежный быстрый рост ряда стран региона заставляет США играть активную роль в формировании Азиатско-Тихоокеанского Экономического Сотрудничества (АПЕС), регулировать создание ее механизмов, в определенной степени даже сдерживая развитие организации с тем, чтобы выиграть время для восстановления конкурентной способности своей внутренней экономики и укрепления американского капитала на международном рынке, которые в последние годы были значительно поколеблены экономическим ростом Японии, Китая и ряда других стран.

В стратегическом же плане США видят успех своего дальнейшего экономического роста в создании мировой системы свободной торговли на базе региональных структур сначала в Северной, Центральной и Южной Америке (НАФТА) и затем в АТР (АПЕС).

Исходя из этого, развитие АТР лежит в жизненно важных для экономики США интересах и, следовательно, они будут делать все для успешного, но в то же время регулируемого ими, движения вперед.

Как представляется, перспективы дальнейшего роста развития в странах АТР предполагают необходимость принятия мер для поиска своего места Республики Казахстан в этом процессе, в силу экономической и географической близости к ведущим странам АТР, и их заинтересованности в экономическом сотрудничестве с Казахстаном.

Принимая во внимание исследования Центра Ф. Фешараки (4), прогнозы ряда других ученых, занимающихся проблематикой АТР, временные темпы роста Азиатско-Тихоокеанского региона в целом и, особенно, стран-членов АРЕС, видится необходимым изучить возможности вывода казахстанского и центральноазиатского энергетического сырья, наряду с его западным направлением, на Восток. В качестве одного из вариантов можно было бы рассмотреть проект соединения казахстанских газо- и нефтепроводов, в частности с юга страны, с трубопроводными магистралями Китая. Имеются, как известно, все основания предполагать, что крупные японские, южнокорейские и юговосточноазиатские частные компании проявляют непосредственный практический интерес к энергетическим запасам Центральной Азии и изъявляют намерение инвестировать строительство трубопроводов из Казахстана на Восток. При соответствующей постановке вопроса к осуществлению этих проектов могли бы быть привлечены и крупные западные частные капиталовложения, включая, в первую очередь, американские.

Представляется, что это направление интеграции Казахстана в мировую экономику является перспективным путем, требующим активных действий для успешного его осуществления в ближайшие десятилетия.

Из вышеизложенного следует, что Республика Казахстан имеет реальные возможности для резкого изменения структуры торгового баланса уже к 2000 году. Для этого одновременно с увеличением объемов экспорта энергоресурсов необходимо предусмотреть в ближайшей перспективе сокращение импорта, в первую очередь ресурсов нефти, газа и продуктов нефтепереработки. Это позволит резко улучшить структуру торгового баланса государства и соответственно его экономику.

В целях достижения энергетической независимости одной из приоритетных задач в стабилизации топливно-энергетического комплекса республики является осуществление плана строительства нефтепровода Западный Казахстан—Кумколь, который обеспечит собственными ресурсами нефтеперерабатывающие заводы Казахстана и создаст возможности для экспорта углеводородного сырья в государства центральноазиатского региона и страны АТР.

Некоторые расчетные данные позволяют сделать выводы, что при одинаковой внутренней цене на нефть в России и Казахстане транспортные расходы на поставку нефти на Шымкентский НПЗ из России больше на 8—10 долларов США за тонну, чем по нефтепроводу Кенкияк—Шымкент. Высокий уровень валового дохода — 45 долларов США за тонну делает выгодным перерабатывать на Шымкентском НПЗ казахстанскую нефть, которую можно поставить на завод при строительстве первой очереди нефтепровода Западный Казахстан—Кумколь (Кенкияк—Кумколь).

Сравнительно низкая себестоимость используемой казахстанской нефти на собственных НПЗ позволит стране конкурировать на рынках нефтепродуктов в Центральной Азии.

Если не будет осуществлен план строительства такого нефтепровода, республика вынуждена будет закупать ежегодно как минимум 6 млн. тонн нефти по цене, которую будет диктовать Россия.

В условиях кризиса неплатежей, заводы Казахстана не в состоянии будут платить за нефть, поэтому, абсолютно очевидно, что Казахстан вынужден будет принять толинговую схему переработки российской нефти на своих заводах и рынок нефтепродуктов окажется в руках российских нефтяников.

В дальнейшем, в процессе приватизации нефтеперерабатывающих предприятий, они могут оказаться в собственности, а соответственно и в управлении российских нефтяников.

Нефтедобывающие предприятия Казахстана будут вынуждены продавать нефть в Россию по низким ценам, либо сворачивать производство.

Это приведет к экономическим потерям и ухудшению торгового сальдо по нефти с Россией. Например, если уже сегодня цена российской нефти для поставок в Казахстан составляет около 100 долларов США за тонну, а казахстанская нефть стоит не более 75 долларов США за тонну, то при этой схеме потери Казахстана составляют 25 долларов США за тонну или 150 млн. долларов США ежегодно при покупке 6 млн. тонн в год. Кроме того вся прибыль от реализации нефтепродуктов, также будет вывозиться из республики, либо направляться на приобретение ее собственности. Таким образом, все это в конечном счете приведет к полной утрате энергетической независимости.

Реализация плана строительства нефтепровода Западный Казахстан—Кумколь будет иметь чрезвычайно важное экономическое и политическое значение, позволит уменьшить или исключить энергетическую зависимость от других государств СНГ, тем самым будет обеспечен один из главных показателей экономической безопасности нашего государства — энергетическая независимость.

Использованная литература:

1. С. Жуков, О. Резникова. «Центральная Азия в мировой политике и экономике» //Мировая экономика и международные отношения, № 12, 1994 г. с. 26.
2. Баланс нефти России. Минтопэнерго Российской Федерации, 1994 г.
3. Нефтегазовый сектор. ЕС Консорциум/Бейсип — ЕС ТАСИС, 1994 г.
4. Энергетический обзор до 2010 года: потребности, поставки и последствия для окружающей среды в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Центр исследований Восток—Запад (Гонолулу, Гавайские острова, США), 1995 г.

Мурат Лаумулин

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ ГЛАЗАМИ ЗАПАДНЫХ ПОЛИТОЛОГОВ

Крах СССР создал возросший спрос на Западе на специалистов по исламу и мусульманским республикам бывшего Советского Союза; на Западе столкнулись с необходимостью принятия решений в связи с образованием на месте советских среднеазиатских республик новых независимых государств с возможной исламской ориентацией.

Первым крупным смотром сил западной политологии была прошедшая в Алма-Ате конференция «Современный Казахстан в мировом сообществе» (апрель 1992), организованная радиослужбой «Свободная Европа/Свобода». Эта конференция собрала крупнейших западных специалистов по СССР и Средней Азии, причем специалистов-практиков, многие годы и десятилетия работавших в сфере пропаганды, разведки и в околоправительственных аналитических службах (Радио «Свобода» и «Свободная Европа», РЭНД Корпорейшн, Посольство США в Москве, Федеральный институт восточноевропейских и международных исследований в Кельне, Королевский институт международных исследований в Лондоне, учреждения Министерства обороны США, Гарвардский университет); среди них Б. Браун, Ч. Карлсон, Дж. Кричлоу, Г. Фуллер, Г. Глисон, У. Хальбах, Н. Малькольм и другие.

На этой конференции представители западной стороны сосредоточились на обсуждении вопросов, непосредственно интересовавших политиков Запада: судьба ядерного оружия в Казахстане, угроза исламского фундаментализма в Центральной Азии, этнический фактор и национальные отношения как источник нестабильности, переход к рыночной экономике, демократические реформы, возможности экономического сотрудничества с Западом. На первом плане в ходе дискуссий оказались ядерная и исламская проблемы, официально в программе встречи не декларированные. Так рельефно отразился подлинный интерес Запада к Казахстану и другим государствам региона, вытекавший в первую очередь из заботы о собственной безопасности.

Первой крупной работой в политологии США, где была сделана попытка обобщить результаты первых лет самостоятельного развития среднеазиатских республик, выявить проблематику политических отношений в регионе в новых условиях и сделать прогноз политической эволюции постсоветских режимов в регионе, была книга Грехэма Фуллера «Центральная Азия: новая геополитика» (1992). Исследование было подготовлено в рамках проекта РЭНД Корпорейшн «Крах Советского Союза: последствия для безопасности Соединенных Штатов», который подразумевал изучение альтернативных вариантов развития политических событий в различных регионах бывшего Советского Союза. Появлению работы Г. Фуллера предшествовала двухлетняя подготовительная работа. Сам Г. Фуллер, опытный сотрудник ЦРУ США, долгое время работавший на советском направлении, занялся среднеазиатской

проблематикой еще до распада СССР. В 1991—92 гг. он несколько раз посетил Москву, Узбекистан, Киргизию и Казахстан с целью сбора материала непосредственно на местах. Автор имел встречи с представителями политических элит Казахстана и Узбекистана, сотрудниками государственного аппарата и министерств, представителями оппозиции, различных политических групп и этнических общин, журналистами, писателями и религиозными деятелями. Таким образом, исследование Фуллера с самого начала было ориентировано на максимальное изучение всей палитры политических взглядов и направлений.

Г. Фуллер так сформулировал точку зрения на обретение советскими среднеазиатскими республиками независимости во взаимосвязи с мировой политикой: «Мусульманские республики Центральной Азии только что дебютировали на мировой сцене в качестве независимых наций, тем самым изменяя геополитику окружающих регионов и существенно влияя на баланс сил внутри всего мусульманского мира из-за своей преобладающей тюркской ориентации» (№ 7, с. V).

Уже в том же 1992 г. Г. Фуллер смог достаточно уверенно и концептуально сформулировать свое видение будущей американской политики в Центральной Азии и предложить нечто вроде доктрины, которая была изложена им в его «Новой геополитике». На собственный вопрос, каков характер американских интересов в Центральной Азии, он ответил, что он относительно скромен: «Если дела в регионе пойдут хорошо, то интересы США достаточно умеренны; но если ситуация будет развиваться в негативном направлении, то интересы США могут быть затронуты достаточно серьезно» (№ 7, с. 77). Однако в данном случае закономерен вопрос, что значит «позитивное» и «негативное» развитие событий для американских интересов?

Фуллер разделяет американские интересы на несколько категорий. 1. В первую входят те, которые зависят от отношений между Центральной Азией и Россией; Россия в любом случае остается для США объектом номер один, но нестабильность, национализм или дискриминация русского населения могут спровоцировать рост российского авторитаризма или экспансионизма; отсюда следует вывод, что в интересах Запада и США способствовать развитию хороших отношений между центральноазиатскими республиками и Россией. 2. Соединенные Штаты заинтересованы в том, чтобы республики региона сохраняли способность активно противостоять политике иностранных государств в Центральной Азии, особенно если речь идет о региональных конфликтах, войнах, сепаратизме и религиозном экстремизме (Фуллер не называет эти государства, но речь, конечно, идет об Афганистане и Иране). 3. Весь мир заинтересован в недопущении ядерного распространения из центральноазиатских государств. Оно может исходить из двух источников: ядерного оружия бывшего СССР, оставшегося в распоряжении местных правительств, и знаний в ядерной технологии, которые остались у специалистов-граждан этих государств и которые могут быть использованы ими как для укрепления положений собственных стран, так и за границей. (Невозможно не сделать два замечания: во-первых, речь идет прежде всего о Казахстане; во-вторых, Фуллер выдает американскую точку зрения на проблему ядерного нераспространения за общемировую). 4. Соединенные Штаты будут заинтересованы в будущем в цент-

ральноазиатском сырье, в первую очередь в казахстанской нефти. 5. Геополитическое положение региона затрагивает интересы всех, поэтому во всеобщих интересах способствовать укреплению в регионе стабильных и умеренных правительств (№ 7, с. 77—78).

Итак, несмотря на их «умеренность», наличие американских долгосрочных интересов было признано уже непосредственно вслед за образованием новых независимых государств региона. Однако позиция Соединенных Штатов в отношении принципа национального самоопределения не всегда была последовательной, а очень своеобразно эволюционировала. Так, Фуллер отмечает, что в эпоху конфронтации этнический конфликт в СССР был наиболее желателен в Америке, а национализм всячески поддерживался и поощрялся. С утверждением так называемого нового мышления Запад пересмотрел свою точку зрения на этнические конфликты; в августе 1991 г. Буш информировал Украинский парламент, что США хотели бы видеть Украину в составе Союза. Вашингтон был также озабочен армяно-азербайджанским конфликтом, а особенно ситуацией в мусульманских республиках, где могли усилиться религиозный фундаментализм и этнический экстремизм.

Тем не менее, существование новых независимых государств стало реальностью. Как в этих условиях Соединенным Штатам строить свои отношения с Содружеством Независимых Государств? США не следует рассчитывать, что в Содружестве возобладает тенденция к установлению рациональных и гармоничных отношений; курс следует брать на установление двусторонних отношений с каждой республикой, где Америка хотела бы установить свое влияние. Соединенным Штатам также будут небезразличны попытки Содружества выработать единую военную политику; в этом случае прямое американское влияние на каждую республику было бы более чем желательно. В случае военных конфликтов внутри СНГ США могут сотрудничать для их прекращения с Россией или с любой из республик, а также действовать на уровне международного сообщества с применением механизма поддержания мира.

Но новым государствам следует всегда трезво отдавать себе отчет и помнить о том, что в конце концов Россия остается главным партнером для США в силу ее размеров, населения, международного влияния, военного потенциала, ядерного оружия и делать вывод, что их отношения с США будут зависеть от характера их отношений с Россией (№ 7, с. 78—81).

В отношении других государств Вашингтон должен внимательно следить, какие режимы идут на установление более тесных отношений с государствами Центральной Азии. Речь идет прежде всего о мусульманском мире, который наверняка попытается усилить здесь свое влияние. Учитывая, что этот раздел — «Борьба за мусульманский характер Центральной Азии» — завершает его книгу, тема исламского будущего в судьбе региона превращается у Фуллера в доминирующую. Автор считает, что регион оказался на пересечении интересов различных международных геополитических и идеологических группировок. По его мнению, это может быть ряд комбинаций:

- тюркская группировка против Ирана;
- тюрко-иранская группировка против арабских государств;

— «Исламистан» в составе Турции, Ирана, Пакистана, Афганистана и Центральной Азии, обособленный от арабского мира и Индии;

— более обширная группировка на уровне всего мусульманского мира, которая может быть как направленной, так и ненаправленной против Запада или Израиля (№ 7, с. 83).

Фуллер считает участие центральноазиатских государств в антизападных блоках вполне вероятным в том случае, если они останутся неудовлетворенными своим участием в Содружестве контактами с Западом. Подобная трансформация облегчается еще тем обстоятельством, что эти республики три четверти века находились в составе государства, чьей идеологией была борьба против Запада. Здесь необходимо сделать отступление, что в 1991 г. Фуллер в своей статье «Москва и война в Персидском Заливе» утверждал, что симпатии советских мусульманских республик во время антииракской войны были на стороне Багдада.

Однако усиление происламской тенденции может быть спровоцировано не только влиянием мусульманских государств, но и политикой таких держав как Китай и Россия, которые могут объединиться против угрозы создания враждебного для них «мусульманского пояса». Индия также заинтересована в нейтрализации исламского влияния в Центральной Азии. В свою очередь, в Пакистане уже говорят о новой региональной конгломерации — «Исламистане», который охватывает пространство от Центральной Азии до Пакистана, включая Афганистан и Иран.

С точки зрения Фуллера, наилучшим кандидатом для роли старшего партнера центральноазиатских республик и приемлемым для интересов США является Турция, которая отходит от традиционного со времен Ататюрка отношения к внешним тюркам и представляет пример умеренного, светского, демократического и рыночного государства, что делает её единственным желательным государством в мусульманском мире, способным влиять на эволюцию региона (№ 7, с. 85).

Что касается позиции самого автора, то Фуллер считает, что наиболее мудрым решением целого комплекса проблем — политических, экономических, территориальных и этнических — было бы возникновение в регионе конфедерации или федерации. Однако здесь неясно: это официальная позиция Соединенных Штатов, ретранслированная автором, или только самого автора. Во всяком случае он указывает, что не в интересах США пересмотр границ и возникновение конфликта в балканском стиле, экономическая стагнация и движение в сторону исламского радикализма. Фуллер заключает: «В конечном счете, Запад максимально заинтересован в ровном, стабильном и политически умеренном развитии этого нового геополитического региона на мировой сцене. Интересы России диктуют тоже самое. Центральная Азия лежит в сердце Азиатского континента и располагает возможностью будоражить своих соседей со всех сторон в том случае, если она превратится в хронически кризисный и беспокойный регион» (№ 7, с. 86).

Безусловно, Г. Фуллер не был единственным, кто пытался в 1992 г. сформулировать интересы США и Запада в отношении только возникших независимых государств Центральной Азии. Это попытались сделать историк Ф. Каземзаде, политолог Дж. Кричлоу и М. Олкотт, уже

ставшая к тому времени советником Президента Буша (апрель—май 1992 г.). Среди стандартных рекомендаций о необходимости стабильности в этом регионе, соблюдении прав человека и развитии демократических режимов следует выделить следующие: Соединенные Штаты должны много работать с образованными слоями центральноазиатского общества, не допустить возникновения антиамериканских настроений в этой среде и иметь разработанный план по приобщению молодежи, ученых и культурных слоев населения этих республик к т. н. американским ценностям (№ 18, с. 24). Лейтмотив этих рекомендаций звучит так, что новые независимые государства не могут трансформироваться из авторитарных в демократические в одну ночь. Исходя из этого, США должны их «учить демократии», то есть вести целенаправленную политику по подготовке и обучению будущей политической, экономической и технологической элиты этих республик.

М. Олкотт вкладывает в это понятие еще один смысл: научить их быть независимыми государствами, независимыми прежде всего от России, только тогда Центральная Азия из де-юре станет независимой де-факто; вот что в действительности будет способствовать интересам США в регионе (№ 18, с. 28).

Дж. Кричлоу считает, что судьба региона должна быть небезразлична Соединенным Штатам уже потому, что существует реальная угроза того, что центральноазиатские республики могут повлиять на развитие авторитаризма в России и нарушить баланс между Москвой и Западом возрождением «холодной войны» (№ 18, с. 27). Характерно, что Кричлоу выступил против распространенной на Западе точки зрения об опасности экспорта Ираном исламской революции. Он аргументировал свою позицию тремя причинами: 1) революция в Иране — продукт местного ислама; для повторения этого феномена в Центральной Азии нет культурных и политических оснований; 2) в самом Иране эта революция уже утрачивает свою идеологическую привлекательность и поддержку у населения; 3) несмотря на то, что Иран проявляет огромный интерес к региону, нет оснований утверждать, что Иран пытается направить свои отношения с республиками в идеологическое русло. Он заключает: самая близкая угроза Центральной Азии исходит с Севера, но не от Юга (№ 3, с. 29). Не может быть никаких сомнений в том, что США и западные демократии имеют свои интересы в регионе, и ради них они должны поддерживать реформистские элементы (№ 3, с. 29).

Помимо политологов повлиять на формирование внешнеполитической концепции Америки в отношении Центральной Азии пытались официальные лица и некоторые политические деятели. Так, в 1993 г. сенатор А. Кренстон сформулировал свое видение интересов США в регионе. Он начал с того, что призвал признать ошибочной политику США, отдающую предпочтение России. Этот регион, по мнению Кренстона, в будущем будет играть важную экономическую роль, что не могут игнорировать Соединенные Штаты, а с другой стороны — Центральная Азия является естественным барьером против распространения исламского фундаментализма из Ирана и Афганистана.

Фактически Кренстон официально признал, что политика Соединенных Штатов была направлена на обеспечение влияния Турции как модели для центральноазиатских государств. Эта идея принадлежала

администрации Буша, которая всячески вдохновляла Турцию на роль лидера новых тюркских государств. Но в дальнейшем, считает сенатор, Соединенные Штаты должны вести более активную политику, непосредственно присутствовать в регионе и обеспечивать не чье-то, а свое собственное влияние ради достижения главной цели — укрепления в регионе демократических институтов (№ 2, с. 63).

Ряд авторов, принадлежащих к более академическому направлению, в частности Н. Любин (Институт мира, США), советует правительству США больше уделять внимания гуманитарной помощи и экономическим программам (№ 11, с. 9). Немецкий экономист Р. Мюллер (Фонд науки и политики, ФРГ) также считает, что экономическая помощь странам Центральной Азии неразрывно подразумевает экологическую. Здесь индустриальные страны Запада должны объединить свои усилия с исламскими странами, «чтобы дать этому региону шанс выжить» (№ 13, с. 62).

Внутрирегиональные проблемы и развитие каждого из государств Центральной Азии рассматриваются во всех крупных исследованиях, посвященных региону. Как правило, для анализа берутся возможности интеграции республик региона — с одной стороны, а с другой — выискиваются мнимые и реальные противоречия в их национальных интересах. При этом учитывается вся совокупность факторов, способных влиять на возможности того или иного государства играть свою роль в региональной политике, среди которых — геополитическое расположение, внутренний потенциал, характер политического режима, внешнеполитическая ориентация, отношения с великими державами и другие.

Ч. Анделэнд и Н. Платт, авторы книги «Фрагменты империи» (1994), сравнивают таким образом четыре государства региона с Казахстаном. Они отмечают, что все республики региона вынуждены формировать свою внешнюю политику и строить отношения с другими государствами под воздействием комплекса различных факторов: экономических, этнических и геополитических. С одной стороны, у них меньше возможностей, чем у богатого ресурсами и обширного Казахстана, а с другой — они обладают большей способностью к политическому маневрированию, чем зажатый между великими державами, разными цивилизациями и мирами Казахстан. Тем не менее, менее крупные соседи Казахстана выбирают собственные приоритеты и следуют им во внешней политике. Для Кыргызской Республики такой приоритет — Россия, Казахстан и Узбекистан, от которых зависит ее экономическое здоровье. Помимо этого, Бишкек кровно заинтересован в сохранении стабильности в соседнем Таджикистане. Схема экономических и культурных контактов Кыргызстана достаточно проста: первые — с Китаем, вторые — с Турцией, но несмотря ни на что, республика остается в орбите России (№ 17, с. 12).

Туркменистан в своей внешней политике провозгласил принцип «позитивного нейтралитета», под которым подразумевается политика взаимовыгодных двусторонних отношений со всеми странами. Исходя из этого принципа, Президент Туркменистана Сапармурад Ниязов, по видимому, дистанцировался от интеграционных процессов в СНГ, не присоединился к Договору о коллективной безопасности, но в то же время пошел на такой беспрецедентный шаг как двойное гражданство с

Россией (в Казахстане это восприняли бы как крушение национально-го суверенитета). Помимо этого, Туркменистан предоставил контроль за противовоздушной обороной России, демонстрируя тем самым свои особые отношения с Москвой. Судя по многим признакам, другим приоритетом в политике Туркменбаши является Узбекистан, учитывая наличие в республике большой узбекской общины. Картина была бы неполной без достаточно убедительных примеров тесных связей Туркменистана с Турцией (обширная программа культурной помощи со стороны Анкары и переход на латинский шрифт) и Ираном, который рассматривается в Ашхабаде как альтернатива экспортным путям энергоносителей через Россию, Казахстан или Кавказ. В свою очередь, Тегеран пошел на уступки в режиме пограничных контактов своего туркменского населения (т. н. Туркмен сахра). Учитывая все это, а особенно специфический характер режима Туркменбаши, С. Ниязов не был принят Клинтоном во время визита туркменского лидера в США в 1993 г. (№ 17, с. 84).

Узбекистан в силу комплекса объективных причин является союзником России. Ташкент абсолютно согласен с политикой Москвы по изоляции региона от любого иностранного влияния; в свою очередь, Россия предпочитает действовать в Центральной Азии, опираясь на Узбекистан. Несмотря на то, что отношения двух государств подвергались серьезным испытаниям (в конце 1993 г. в связи с попытками Москвы оказать давление на И. Каримова по проблеме русского населения в республике и выдавливания Узбекистана из рублевой зоны), оба государства выдержали испытание собственной «дружбы» во время таджикского кризиса и в настоящее время заинтересованы в охране границ Таджикистана и всего региона от проникновения воинствующих исламских радикалов.

Узбекистан сохраняет прекрасные отношения с Туркменистаном и, это главное, с Казахстаном. Кроме того, Ташкент и Алматы действовали слаженно и эффективно по таким проблемам как введение собственных валют и создание свободного рынка в регионе (февраль 1994 г.). Анделэнд и Платт считают также, что в основе хороших отношений лежит общность происхождения этих лидеров из недр коммунистической бюрократии; этим же фактом они объясняют холодные отношения между Каримовым и Акаевым (№ 17, с. 101).

Необходимо добавить, что многочисленные западные источники говорят о поддержке Каримовым генерала Рашида Дустума, контролирующего Северный Афганистан. Таким образом, вовлеченность Узбекистана в афгано-таджикский кризис у большинства исследователей не вызывает сомнений. Таджикская оппозиция (в лице казикалона Тураджонзаде) обвиняет Каримова в эскалации гражданской войны в республике в 1992 г. и в претензиях на региональный гегемонизм. Цитируемые выше авторы пришли к выводу, что несмотря на определенные преимущества Узбекистана (демографические, историко-культурные или экономические) и амбиции его лидера, республике суждено всегда оставаться в тени геостратегической политики России в Центральной Азии, на что ее обрекает именно общность интересов (№ 17, с. 102).

Дж. Кричлоу считает, что этнический фактор играет существенную роль в формировании внешней политики государств Центральной Азии.

Причем, степень его влияния разная на разных уровнях реализации внешней политики. Кричлоу выделяет пять таких уровней: 1) отношения центральноазиатских государств между собой; 2) Центральная Азия и СНГ; 3) Отношения со странами Азии; 4) Центральная Азия и мусульманский мир; 5) Центральная Азия в мировом сообществе. Каждая из республик региона в зависимости от характера обстоятельств и уровня отношений с внешним миром в различной мере апеллирует своей принадлежностью к тюркскому, мусульманскому или постсоветскому (СНГ) сообществу.

На его взгляд, этнический фактор сыграл колоссальную роль при формировании отношений центральноазиатских республик с Турцией, играет определенную роль внутри Содружества, но, как ни парадоксально может показаться, не оказывает никакого влияния на интеграционные процессы в самом регионе. Кричлоу объясняет это тем фактом, что современная политическая элита в республиках была воспитана в советском духе (то есть привержена западным ценностям); но эволюция политических и социальных процессов может привести к такой ситуации, когда к власти придут люди, в гораздо большей степени озабоченные этническими, культурными и религиозными ценностями, что придаст действиям центральноазиатских государств в международной сфере «мусульманские» и «пантюркистские» мотивы (№ 4, с. 25).

Необходимо остановиться еще на одной западной концепции. Понятие «исламский полумесяц Евразии» использует в своих работах Р. Барыльский (Южнофлоридский университет, США). В 1994 г. он посвятил этой проблеме отдельное исследование «Российская Федерация и Евразийский исламский полумесяц». Под этим историко-географическим понятием Барыльский подразумевает пространство от Средиземного моря до Китая, то есть от Турции до Восточного Туркестана, которое включает в себя страны Среднего Востока, Кавказ и Среднюю Азию. С точки зрения этнической, Исламский полумесяц Евразии — это пространство, населенное тюркскими и иранскими народами, которое отделило славянский и арабский миры. С геополитической точки зрения, «Исламский полумесяц» препятствовал проникновению Российской империи, а затем СССР к «теплым морям». Линия, разделяющая северное и южное полукольцо «Исламского полумесяца», совпадала с бывшими границами России и Советского Союза на юге.

Автор предлагает рассматривать систему «Исламского полумесяца» как модель международных отношений в течение продолжительного исторического периода: англо-русское соперничество на Востоке в XIX веке, советский железный занавес и политика изоляции, распад СССР и вызов России со стороны вновь образовавшихся государств в зоне «Исламского полумесяца». Характерной чертой этого пространства является многонациональный состав государственных образований. Автор делит государства в зоне «Полумесяца» на северное полукольцо (советские, российский и китайские территории с мусульманским населением) и южное полукольцо (страны Среднего Востока). Разграничительная линия между обеими частями после 1991 г. переместилась на север, и если она окончательно исчезнет с коллапсом России, это может вызвать взрыв этнических конфликтов. Таким образом, Россия, а так-

же Турция и Иран заинтересованы в сохранении статус-кво и размыкании двух частей «Исламского полумесяца» (№ 1, с. 391).

Детонатором этого процесса (т. е. выход зоны «Исламского полумесяца» из-под контроля великих держав) был уход Советского Союза из Афганистана. Попыткой восстановить разграничительную линию между северной и южной частями было Соглашение о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. В заключение автор прогнозирует, что России придется волей-неволей играть доминирующую и разграничительную роль между севером и югом «Исламского полумесяца», но внутри этой системы вероятны комбинации ее элементов. Их три: 1) государства Полумесяца фигурируют как суверенные; влияние Москвы преобладает, но не ведет к гегемонии; 2) восемь приграничных республик (пять в Центральной Азии и три на Кавказе) вовлекаются в сложную систему отношений по линиям Север—Юг и Восток—Запад; 3) объединение усилий России, Ирана, Турции и Пакистана по предотвращению дестабилизации северной части полумесяца (№ 1, с. 413). Наиболее предпочтительным для Казахстана и его соседей является второй вариант, для развития которого существуют все предпосылки.

Ш. Хантер (Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон), изучавший взаимосвязь Центральной Азии и стран Среднего Востока, считает, что будущее развитие и взаимодействие этих регионов будет базироваться на мощном культурно-историческом фундаменте. Однако роли и цели участников этого процесса будут дифференцированы. В Пакистане воспринимают новые мусульманские государства как «стратегический тыл» исламского сообщества на Среднем Востоке. Турция делает ставку на культурную экспансию; что касается экономических связей и исламского измерения, то в данном случае роли неясны и здесь с равным успехом могут выступать как Иран, так и арабские государства. Запад не должен допустить образования мусульманского военного блока с участием каких-либо государств Среднего Востока и Центральной Азии, а обязан нейтрализовать последних от источников антизападного влияния (№ 9, с. 15). Россия для того, чтобы держать Центральную Азию в зоне своего влияния, играет на противоречиях между государствами Среднего Востока. Хантер считает, что Россия уже практикует подобную тактику в отношении Турции и Ирана, используя Турцию против фундаменталистских устремлений Тегерана и Иран против пантюркистских настроений Анкары (№ 9, с. 16).

Вовлечение мусульманских государств Среднего и Ближнего Востока в центральноазиатскую политику неизбежно привело к появлению на сцене нового игрока — Израиля. В Тель-Авиве проявили самое пристальное внимание к дебюту новых государств, потенциально укрепляющих мусульманский мир, и в первую очередь — к Казахстану. С января 1992 г. начались интенсивные контакты, а в апреле 1992 г. установились дипломатические отношения между Казахстаном и Израилем. В последнем живо интересовались проблемой ядерного оружия в республике, особенно в связи со слухами о продаже ядерных боеголовок Ирану. Однако Израиль не предпочел афишировать свои стратегические интересы в регионе, а выдвинуть на первый план вопрос экономического сотрудничества. Р. Фридман (Еврейский Университет в Балтиморе, США) убежден, что израильские политики должны сохранять за-

воеванные дипломатические, экономические и политические позиции в регионе «так долго, как это возможно», поскольку предсказать дальнейшую политическую эволюцию государств Центральной Азии не представляется возможным (№ 6, с. 20).

В 1994 г. начался процесс подведения итогов первых лет самостоятельного развития новых независимых государств политологами. Для этих работ характерно уменьшение доли прогнозов в общем контексте, которое было компенсировано анализом существующих и уже достаточно выраженных тенденций в развитии этих государств. К таким исследованиям следует отнести книгу Р. Даниройтера (Международный Институт стратегических исследований, Лондон) «Становление новых государств Центральной Азии», выполненную в рамках программы МИСИ. Учитывая концептуальные установки своих предшественников и сделанные ими прогнозы относительно дальнейшей эволюции ситуации в регионе, Даниройтер попытался положить в основу своего исследования ряд тезисов, чья жизненность, на его взгляд, уже доказана практикой. Он пришел к выводу, что в 1991—93 гг. регион развивался относительно стабильно (в отличие от Балкан и Кавказа), за что пришлось заплатить свою цену — демократией. Безусловно, что вокруг Центральной Азии развернулось политическое соперничество, напоминающее «Большую Игру» прошлого столетия. Удивительно, что революционный, фундаменталистский Иран сумел проявить больше прагматизма и отказаться от исламской идеологии в пользу экономического партнерства с государствами региона, в то время как Турция, сделавшая ставку на амбициозные планы тюркского единства, фактически потерпела неудачу, не сумев подкрепить эмоциональные пантюркистские планы более основательной экономической основой (№ 5, с. 4—5).

Не оправдались прогнозы о том, что Россия покинет Центральноазиатский регион. Наоборот, вся экономическая, политическая и военно-стратегическая реальность продемонстрировала необходимость российского присутствия в этой части бывшего Советского Союза. Но, подчеркивает автор, такое постсоветское российское присутствие нельзя рассматривать в качестве какой-то формы неоимпериализма: центральноазиатским государствам необходимо время для перехода от зависимости советской эпохи к подлинной национальной независимости. Далее автор подходит к главной посылке своего труда: центральноазиатские государства уже обретают свою собственную региональную и международную идентичность. Государства региона, особенно Узбекистан, не могут рассматриваться в качестве квази-советских адъюнктов; это действительно новые независимые образования со своими планами и амбициями, и они будут играть все более возрастающую роль в центре Евразии и на Среднем Востоке, что отразится на интересах таких стран как Россия, Китай, Иран и Афганистан. Здесь Даниройтер приходит к главному выводу: политики Запада, России и стран Среднего Востока должны начать пересмотр своих концептуальных подходов к региону с учетом будущего значения Центральной Азии для внешнеполитических интересов своих государств (№ 5, с. 5).

Объем данной статьи не позволяет представить достаточно подробный анализ всего обилия западной литературы, посвященной Центральной Азии и увидевшей свет в последние годы. Современная политология

демонстрирует также разнообразие подходов, моделей и концепций в отношении региона Центральной Азии. В заключении необходимо вкратце остановиться на тех, которые выражают точку зрения наиболее известных исследователей. Так, М. Олкотт, рассуждая о возможности объединения Центральной Азии, склонна провести параллель между современным регионом и арабским миром в послевоенную эпоху: несмотря на то, что идея единства никогда не была воплощена в жизни, она все же является действенным политическим фактором (№ 15). Среди тех, кто отстаивает тезис о том, что центральноазиатский регион со временем повернется лицом к Среднему Востоку, находится Д. Пайпс (сын известного советолога-классика Ричарда Пайпса). Он сравнивает стремление новых мусульманских государств Центральной Азии воссоединиться с исламским миром с движением бывших советских сателлитов в Центральной Европе в сторону Запада (№ 16). Х. Малик видит возможность для создания содружества мусульманских государств Юго-Западной и Центральной Азии через объединение республик региона в Центральноазиатский Региональный Союз, на базе которого будет строиться экономическое и оборонно-стратегическое пространство этого союза со странами ЭКО (№ 12).

За рамками настоящего обзора остались такие темы как отношения Центральной Азии с Китаем и политика России в регионе. Эти темы достаточно серьезны и подробно рассматриваются в западной политологии, в силу чего они очевидно заслуживают отдельного рассмотрения. Отметим только, что в зарубежной политологии уже сложилась определенная точка зрения, согласно которой Россия в своей политике в ближнем зарубежье оперирует неким аналогом «доктрины Монро» и рассматривает Центральную Азию как зону своих национальных интересов (№ 8). Дж. Лепингуэлл предупреждает, что рано или поздно Западу придется столкнуться с дилеммой: или защищать свои интересы в этом регионе или «потерять лицо», отдавая право на существование наиболее параноидальным претензиям некоторых российских политиков и их выборщиков» (№ 10, с. 87).

Все без исключения исследователи признают, что Китай невозможно игнорировать при анализе геополитического положения Центральной Азии (№ 14). В настоящее время невозможно уверенно прогнозировать, как будут развиваться отношения центральноазиатских республик с КНР; это зависит от комплекса факторов, среди которых либерализация коммунистического режима в КНР, эволюция российско-китайских отношений, внутрицентральноазиатские процессы, рост национализма в различных районах Китая реакция правительства Китая и другие. Подчеркивается, что уже с самого начала отношения Центральноазиатских государств и Китая были омрачены взаимными подозрениями: с одной стороны — в экспансии, с другой — в поощрении сепаратизма. Причем, как отмечал Р. Даннройтер, в Казахстане «страх от близости китайской границы становился параноидальным» (№ 9, с. 63); на его взгляд, это было главной причиной, почему Казахстан на определенном этапе стремился удержать на своей территории ядерное оружие. Положение усугубляется тем фактом, что в Центральной Азии не существует общей концепции поведения в отношении КНР. Как замечают Ч. Анделэнд и Н. Платт, именно Китай способен в будущем составить серьезную аль-

тернативу доминированию России в регионе. Стратегия Китая в отношении Центральной Азии будет заключаться в постепенном, но неуклонном наращивании экономических связей, а за углублением экономического влияния неизбежно последует политическое (№ 17, с. 117).

Таким образом, можно констатировать, что в течение последних лет перед западными политологами стояли две задачи: первая — практическая; они должны были дать четкие и недвусмысленные рекомендации политическому руководству своих стран как строить политику в отношении новых независимых государств Центральной Азии; вторая — теоретическая, для ее решения делаются прогнозы, создаются концепции и моделируются те или иные варианты политической эволюции региона. Их точность может быть проверена только временем, но здесь следует уточнить, что эти концепции являются не просто отвлеченным теоретизированием, а представляют собой часть того, что на Западе называют *political decision making*. Яркой иллюстрацией к сказанному может быть книга Г. Фуллера; которая в кратчайшие сроки ответила на первую задачу и задала тон в этом направлении для последующей литературы.

Внимательное изучение западной политологии может быть также полезным для молодой казахстанской политологии и преподнести ряд заслуживающих внимания уроков. Во-первых, успех западной, прежде всего американской политики в Центральной Азии и особенно в отношении Казахстана объясняется тем фактом, что перед американскими политиками стояли четко сформулированные задачи, что предполагает достаточно основательное знакомство с объектом исследования. Во-вторых, политика Запада не руководствуется альтруизмом, хотя и не является заведомо inferнальной, как ее изображала советская пропаганда в эпоху конфронтации: в ее основу положен принцип отстаивания национальных интересов, что вполне объяснимо; но необходимо всегда помнить, что во имя этих интересов могут быть принесены в жертву любые другие. Следует также знать, что защита Западом своих ценностей — демократии и прав человека — в Центральной Азии не является самоцелью, а только средством соблюдения и защиты своих интересов. Достаточно вспомнить эволюцию и перемену акцентов в работах некоторых политологов в течение последних лет: благородная цель поддержать молодые демократии в Центральной Азии отступает в них все более на второй план. И остается главное — направить «новую геополитику» в Центральной Азии в выгодное для себя русло. И это, по-видимому, главный урок для молодой казахстанской политологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Baryl'skiy R. V. The Russian Federation and Eurasia's Islamic Crescent // *Europe—Asia Studies*. 1994. Vol. 46. No 3, pp. 389—416.
2. Cranston A. Out of Focus: US Policy toward Central Asia // *Harvard International Review*. 1993. Vol. XV. No 13, pp. 30—31, 63.
3. Critchlow J. What is the US Interest in Central Asia's Future // *Central Asia Monitor*. 1992. No 5, pp. 27—29.

4. Critchlow J. The Ethnic Factor in Central Asian Foreign Policy.— Washington, D. C., College Park (MD): Russian Littoral Project, No 17, June 1993.— 27 p.
5. Dannreuther R. Creating New States in Central Asia.— London: IISS, 1994.— 83 p.
6. Freedman R. Israel and Central Asia: a preliminary analysis // Central Asia Monitor. 1993. No 2, pp. 16—20.
7. Fuller G. E. Central Asia. The New Geopolitics.— Santa Monica: RAND, 1992.— XVI+86 pp.
8. Fuller G. E. Russia and Central Asia: Federation or Fault Line? // Central Asia and the World. Ed. by M. Mandelbaum.— New York, 1994.— P. 94—129.
9. Hunter Sh. T. Central Asia and the Middle East: Patterns of Interaction and Influence // Central Asia Monitor. 1992. No 6, pp. 10—18.
10. Lepingwell J. W. R. The Russian Military and Security Policy in the «Near Abroad» // Survival. 1994. Vol. 36. No 3, pp. 70—92.
11. Lubin N. Dangers and Dilemmas. The Need for Precedent Policy toward Central Asia // Harvard International Review. 1993. Vol. XV. No 3, pp. 6—9.
12. Malik H. New Relationship between Central and South West Asia and Pakistan's Regional Politics // Central Asia: its Strategic Importance and Future Prospects. Ed. by H. Malik.— New York: St. Martin Press, 1994.— XI+334 pp.
13. Müller S. T. Ecology and the Economy in Central Asia // Harvard International Review. 1993. Vol. XV. No 3, pp. 22—24, 62.
14. Munro R. H. Central Asia and China // Central Asia and the World. Ed. by M. Mandelbaum.— New York, 1994.— P. 225—238.
15. Olcott M. B. Ceremony and Substance: the Illusion of Unity in Central Asia // Central Asia and the World. Ed. by M. Mandelbaum.— New York, 1994.— P. 17—46.
16. Pipes D. The Event of Our Era: Former Soviet Muslim Republics Change the Middle East // Central Asia and the World. Ed. by M. Mandelbaum.— New York, 1994.— P. 47—93.
17. Undeland Ch., Platt N. The Central Asian Republics: Fragments of Empire, Magnets of Wealth.— New York: The Asia Society, 1994.— XIV+143 p.
18. United States Policy toward Central Asia. Statements by F. Kazemzadeh, M. B. Olcott, G. Myrski // Central Asia Monitor. 1992. No 2, pp. 21—31.

Александр Кадырбаев, Константин Сыроежкин.

КИТАЙ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Взаимоотношения стран Центральной Азии с Китаем имеют более чем двухтысячелетнюю историю, начиная со второго века до рождения Христа. Поэтому у народов Центральной Азии в целом, а Казахстана в частности, накоплен многовековой, хотя и неоднозначный опыт общения со своим восточным соседом. Центральная Азия издревле была регионом активных взаимосвязей великих цивилизаций Запада и Востока, кочевого и оседлого мира, различных расовых и языковых групп.

По мере того, как расширялся географический кругозор древних китайцев, понятие «Сиюй» в китайских летописях, означающее в переводе с китайского «Западный край», стало включать в себя все известные им земли к западу от Китая вплоть до восточного Средиземноморья и далее, торговые связи с которыми осуществлялись посредством знаменитого Великого Шелкового пути.

Первые известия о народах Центральной Азии в Китае связаны с именем дипломата и путешественника Чжан Цяня. Он первым открыл путь из Китая на запад Центральной Азии, а конкретно — в юго-восточный Казахстан, Ферганский и Ташкентский оазисы в 137—127 годах до нашей эры (1). Последствия его путешествий велики и с ними, в частности, связывается появление в Китае культуры возделывания винограда, огурца, люцерны, грецкого ореха, фигового дерева, заимствованные у народов Центральной Азии, которая с того времени стала как бы «окном в мир» для Китая.

Пестр и многогранен был облик древней Центральной Азии — перекрестка Евразии, где встречались великие цивилизации континента. Не говоря о разнородной хозяйственной жизни этого региона с его сочетанием высокоразвитых оазисного земледелия и кочевого скотоводства, народы древней Центральной Азии издавна испытали сильнейшее воздействие прежде всего иранской, индийской, греко-бактрийской и лишь частично и ограниченно китайской культуры. Неудивительно, что наиболее распространенными религиями в Центральной Азии на протяжении первых восьми веков нашей эры были мировые религии — буддизм, родина которого Индия, христианство несторианского толка, зороастризм и манихейство — верования иранского мира (2), а с VIII века до наших дней — ислам.

Оазисы и кочевая степь Центральной Азии поддерживали торговлю с Китаем. Как гласят китайские летописи, «не проходило года, чтобы страны Западного края не приносили [китайскому] двору дань». Если отбросить эту оболочку традиционного китайского этноцентризма, то окажется, что под тем, что китайцы считали данью, скрывался торговый обмен, который оазисы и кочевники Центральной Азии вели с Китаем. Из Центральной Азии в Китай поставляли золото, яшму, несгораемую асбестовую ткань, высококачественный войлок, а также верб-

людов, лошадей, павлинов. Отсюда же проникло в Китай искусство выделки.

Весьма плодотворны были для Китая и культурные контакты с Центральной Азией, откуда в Китай пришел буддизм и чьи миссионеры познакомили китайцев с буддийским искусством и архитектурой, иконографией, скульптурой и музыкой. Замечательным памятником раннего буддийского искусства в Китае, где ошутимо центральноазиатское влияние, остаются и поныне не утратившие своей свежести и сочности красок фрески «Пещер тысячи будд» близ Дуньхуана — сухопутных ворот в Китай.

Выходцы из Центральной Азии составляли важный контингент переводчиков буддийских религиозных текстов на китайский язык. Ими была проделана гигантская работа по переводу этих текстов, составивших философскую основу китайского буддизма. Популярная буддийская литература подарила Китаю массу новых персонажей и сюжетов, дала мощный толчок развитию художественных приемов композиции и стиля. Переводческая деятельность центральноазиатских миссионеров буддизма не только ввела в обиход китайцев десятки тысяч новых слов и выражений, но и заставила их задуматься над законами своего родного языка.

Не менее интересна и другая сторона связей Центральной Азии с Китаем — путешествия на запад китайских паломников буддизма — Чжу Шисина в 260 г., Фасяна в 399 г. и особенно Сюань Цзана в 630 г., оставившего подробное описание Кашгарии, Юго-Восточного Казахстана, Средней Азии.

Особо следует сказать о распространении в раннесредневековом Китае музыкальной культуры Центральной Азии. О приверженности раннесредневековых обитателей Центральной Азии к музыке и танцу, о значении, которое имело их искусство для истории музыки и театра на Востоке в целом и в Китае в частности, свидетельствует средневековая литература и памятники как Китая, так и Ирана и арабских стран. Их искусству посвящен целый ряд стихов китайских поэтов эпохи Тан (VI—IX века) (3).

Заметную роль во взаимоотношениях Центральной Азии с Китаем в течение 500 лет играли согдийцы — ираноязычный народ, чьи колонии с III века обосновались в Юго-Восточном Туркестане и внутри Китая. Согдийское царство возникло в III веке в районе Ферганы и Самарканда, контролируя караванную торговлю с Китаем, а к VI веку согдийский язык стал общепризнанным языком международного общения от Мерва до Китая и Монголии. В начале VII века у южного берега озера Лобнор возникли сразу четыре согдийских города, среди них знаменитый «Путоачэн» — «Виноградный город», в центре которого цвели виноградные лозы (4).

Однако политические отношения Центральной Азии с Китаем были отнюдь не равнозначны их торговым и культурным связям. Ведь Китай — великая держава с тысячелетними имперскими традициями, прошедшими изощренную историческую практику. И этому есть свое объяснение. Известно, что китайская цивилизация, одна из древнейших в истории человечества, в силу географического фактора на протяжении длительного периода ее формирования развивалась в большей изоля-

ции от других цивилизаций, чем какая-либо другая культура. И это являлось одной из причин, породивших идеологию исключительности китайского образа жизни, взгляд на другие народы как на периферию, «варваров», что нашло отражение даже в названии страны, дошедшего до наших дней: Китай — «Чжунго», что дословно переводится с китайского как «Срединное государство», то есть Китай — центр мира, окруженный варварской ойкуменой. Авторитарный строй древнего и средневекового Китая не мог не оказать качественно нового структурообразующего влияния на первоначально возникшую модель видения мира. Этноцентристские представления об окружающем их мире получили у древних китайцев новый импульс в виде теории верховных прав древнекитайских монархов в качестве наместников («сыновей») неба на земле и над всеми окружающими Китай народами. Поэтому уже в древности китайский этноцентризм был связан с представлениями о мироустроительных функциях именно китайских правителей. А если учесть, что по своему материальному и духовному уровню развития древний Китай до II века до н.э., то есть до времени знакомства с цивилизациями Центральной Азии, действительно находился на более высокой ступени цивилизационного статуса, чем его ближайшие соседи, то следует признать существование и благоприятных объективных условий для формирования именно в Китае этноцентристской модели видения мира.

Завершение процесса формирования внешнеполитической доктрины китайского государства, когда концепция этноцентризма в Китае получила качественно новое развитие, относится ко времени создания централизованных китайских империй Цинь и Хань (III век до н.э. — III век н.э.). Основана эта концепция на противопоставлении Китая так называемым «варварам», к числу которых относились и оседлые и кочевые народы Центральной Азии, что подразумевало особое положение Китая в мире (5). Характерно и то обстоятельство, что в китайской доктрине политический аспект был традиционно приоритетным над другими, но сама теория воплощалась на практике иными, нежели политические, методами.

Китайская военная экспансия против стран «Синюй» началась уже спустя 20 лет после установления с ними посольских отношений. В конце II века до н.э. войска У-ди, императора китайской династии Хань, двинулись в поход на Фергану и Семиречье с целью захвата этих земель. Однако в боях через Восточный Туркестан дошли до Средней Азии и Юго-Восточного Казахстана из 60 тысяч лишь 30 тысяч китайских воинов. Понеся огромные потери, несовместимые с приобретенными выгодами, китайцы отступили и до VIII века н.э. не предпринимали более подобных операций. Отношения Китая со странами Центральной Азии вернулись в русло торговых и дипломатических контактов, иногда «дополняемых» пограничными столкновениями.

Для укрепления своего влияния в Центральной Азии в древности и средневековье китайские императоры предпочли сочетание дипломатии и интриги, создание опорных пунктов на границах, инспирирование распрей между народами Центральной Азии в интересах китайцев — «воевать с варварами руками варваров».

Древнему Китаю не хватало военной мощи для завоевания Центральной Азии. У него не было ни стойкой бессиеспособной гехоты, могу-

щей сковать степенную конницу, ни более эффективной кавалерии — ни легкой, ни особенно тяжеловооруженной, без которой углубляться в степные просторы Центральной Азии было весьма опасно. Ощущая свою военную слабость, китайские стратеги стремились действовать «не силой, а хитростью». Интересен в этой связи трактат Сунь-цзы, древнего китайского военного теоретика, многие положения которого актуальны и сегодня. «Война — путь обмана», — гласит первая заповедь Сунь-цзы. Характерно и понятие «цзими», содержащее все средства политики, все методы борьбы, как военные, так и невоенные. Его суть именно в манипулировании противником по правилам психологической войны. «Вносить смутение в сердца и тем завоевывать их» — вот суть «цзими».

В идеале эта система могла быть действенной, но этому мешали догмы китаецентристского мышления, недооценка и пренебрежение к культуре «варваров» (6), некоторые из которых справедливо считали китайскую культуру достаточно развитой, но ниже собственной. И в этих условиях учение Сунь-цзы открывало широчайшее поле деятельности. Поэтому в китайской политической традиции сильна роль разведки, психологической войны и дипломатии на дальнюю перспективу.

Лишь спустя более чем полтысячи лет, в 640 г. после объединения Китая под властью династии Тан, китайцы возобновили военное наступление на Центральную Азию, сокрушив Восточный каганат тюрков с центром на Орхоне в Монголии, захватили Кашгарию и вышли к Памиру. В 679 г. они разбили Западнотюркский каганат, разрушив его столицу г. Суяб в Семиречье. Казалось, ничто не могло остановить натиск Китая на запад. Но такая сила нашлась в лице Арабского халифата, чья войска в 751 г. у реки Талас около города Тараза наголову разбили танские войска и отбросили их далеко на восток. Эта битва явилась поворотным моментом. С этого времени Китай на целое тысячелетие утрачивает свое влияние в Центральной Азии, а народы и государства Центральной Азии в течение столь длительного срока развиваются без вмешательства в их внутренние дела «Срединной империи» (7).

Но будем справедливы: не только Китай выступал инициатором военной экспансии. На протяжении тысячелетий и Китай подвергался экспансии со стороны кочевых народов Центральной Азии, этнических предков казахов, монголов, кыргызов, уйгуров и других современных народов данного региона. И Великая Китайская стена, построенная в течение почти двух тысячелетий для обороны от кочевников и протянувшаяся на шесть тысяч километров, наглядное подтверждение вышесказанному. Начиная с III века н.э., со времени создания империи гуннов, и вплоть до 1644 г., когда кочевники-маньчжуры завоевали Китай, эта страна нередко на столетия входила в состав государств, которое образовывали на ее территории не китайские правители — выходцы из Центральной Азии, будь то Ранняя Цинь в IV веке, империя Тан в VI—IX веках, империи киданей Ляо и чжурчженей Цзинь, или монгольская империя Юань. Таким образом, становление государственности в Китае проходило во многовековой борьбе с кочевниками, под дамокловым мечом внешней угрозы, и это в немалой степени питало то, что мы называем имперскими традициями.

Лишь к XVIII веку Китай, управляемый маньчжурской династией Цин, выходит на исходные рубежи к региону Центральной Азии и, умело используя разобщенность ее народов, сокрушает Джунгарское ханство — государство ойратов — западных монголов и восточнотуркестанские княжества (8), вплотную подвигая границы своих владений к Казахстану и Средней Азии, где с начала XVIII века резко возрастает влияние Российской империи. Угроза поглощения Казахстана и Средней Азии Китаем была вполне реальной и могла быть нейтрализована лишь мощью России, считавшей этот регион сферой своего влияния.

Ни запоздалый союз казахов с джунгарами — своими вчерашними врагами против Китая, ни дипломатическое искусство и власть в степи хана Аблая не могли изменить ход истории, а смогли лишь отсрочить неизбежное на несколько десятилетий. Попутные ветры истории дули тогда в паруса колониализма. И вопрос утраты независимости Казахстана в XVIII веке был исторически предрешен. Исходя из сомнительной, разумеется, теории «наименьшего зла», представляется, что подчинение России в тех исторических условиях было предпочтительнее, поскольку Россия в тот период была более гередовой страной по сравнению с Китаем.

Так де-факто произошел раздел Центральной Азии между Россией и Китаем, хотя окончательно он оформился только в XIX веке после разгрома в Восточном Туркестане государства Якуб-бека, временно восстановившего восточнотуркестанскую независимость и пользовавшегося поддержкой Британской и Османской империй, что однако не помогло ему устоять под натиском Китая, обеспечившего себе дипломатическую поддержку России.

С началом XX столетия происходят глобальные изменения в становке политических сил в мире, принося с собой и новые элементы в межгосударственные отношения в Центральной Азии. На смену имперской политике России и Китая приходит политика ВКП(б) и китайских революционеров-демократов, образовавших на обломках Цинской империи Китайскую Республику. В этой политике мусульманским окраинам как России, так и Китая отводилась малопочтенная роль плацдармов, на которых апробировались методы неэкспансии и идеологического воздействия на населяющие этот регион народы.

Безусловно, нельзя отрицать той позитивной роли, которую сыграли советско-китайские контакты 20—40х годов в развитии экономики Синьцзяна, а позднее — и всего Китая, ограничении влияния в этом регионе Турции и Британской империи, Японии и США, но неоправданным было бы оставлять без внимания неафишируемую сторону этих контактов, их социально-политические, моральные, идеологические последствия для народов, населяющих Центральноазиатский регион, где «триумфальное шествие» советской власти и новодемократизма сопровождалось искоренением традиционного образа жизни и культуры местных народов и в большинстве случаев происходило не без вмешательства вооруженных формирований центральных властей.

Занимающая важное геополитическое положение Центральная Азия продолжала и в начале XX века оставаться регионом, влияние на который составляло существенную часть внешней политики как Москвы, так и Пекина, а по существу завершившийся к концу XIX века пе-

редел границ оставлял для укрепления этого влияния только экономическую и идеологическую возможности.

В первой половине XX века в более выгодном положении оказалась Москва, чье влияние на Советский Туркестан, Монголию и даже Синьцзян было существеннее, нежели официального китайского правительства. Вплоть до середины столетия де-юре входивший в состав Китайской Республики Синьцзян де-факто оставался в идеологическом и особенно экономическом отношении зависимым от Советского Союза, благодаря торговле с которым эта китайская провинция как-то держалась на плаву. (См. Таблицу 1).

Таблица 1

Экспортно-импортные поставки СССР в Синьцзян в 1923—1934 гг. (тыс. рубл.)		
Год	Экспорт	Импорт
1923—1924	418	3.015
1925—1926	6.092	10.331
1927—1928	10.547	10.528
1929	16.396	16.435
1931	10.213	13.954
1933	12.305	15.605
1934	10.810	18.822

Источник: Фесенко П. И. История Синьцзяна.— М., 1935, с. 274.

Особенно усилилось советское влияние в Синьцзяне в первый период правления в нем Шэн Шицая (1934—1942 гг.), когда 85% всего внешнеторгового оборота провинции приходилось на СССР, а русская речь была слышна не только на рынках, но входила в обиход и в государственных учреждениях провинции (9). Описывая проникновение СССР в Синьцзян в этот период, Александр Бармин, советский служащий, отвечающий за поставки оружия Шэн Шицаю, сообщал: «В соответствии с планами Сталина Синьцзян должен был стать сферой исключительно русского влияния и служить оплотом нашей мощи на востоке... Советские советники, которые фактически осуществляли власть министров, были поставлены рядом с губернатором... Синьцзян вскоре стал советской колонией во всем, кроме названия» (10). Однако, сохраняя и усиливая свое влияние в Синьцзяне, Советский Союз не ставил задачи его территориального присоединения. Принятая 20.06.1932 г. установка Советского правительства — «Считать неприемлемым поддерживать политику отделения Синьцзяна от Китая» (II) оставалась доминирующей даже в смутные 1944—1947 гг.

Приход к власти в конце 1949 г. коммунистического правительства в Китае по-новому расставил акценты как в советско-китайских отношениях вообще, так и в региональных отношениях в Центральной Азии в частности. К середине 50-х годов Синьцзян прекращает свое существование как квазинезависимая провинция Китая и превращается в де-юре и де-факто подчиненный КНР Синьцзян-Уйгурский автономный район, отношения которого с советскими республиками Средней Азии и

Казахстаном регламентируются исключительно Москвой и Пекином и детерминируются характером отношений между ними.

Заключенный 14.02.1950 г. «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи» между СССР и КНР создает принципиально новую основу для отношений между двумя странами, рассматривавшимися как военно-политические союзники. Особенно плодотворным было это сотрудничество до второй половины 50-х годов, то есть до начала осуществления руководством КПК своего «особого курса». Помощь, оказываемая СССР, дала мощный толчок промышленному развитию КНР, способствовала изменению социальной структуры китайского общества, упрочению позиций КНР на мировой арене, вступлению Китая в «клуб ядерных держав».

Однако в дальнейшем политические позиции советского и китайского руководства расходятся, а отношения между двумя странами приобретают все более напряженный характер, доходя порой до вооруженных пограничных конфликтов. Изменившаяся внутренняя политика китайского руководства и ужесточение национальной политики приводят к обострению внутривосточной ситуации в СУАР КНР и возникновению проблемы беженцев. В 1962 г. более 60 тысяч казахов, уйгуров и дунган переходят границу и оседают в пределах СССР, главным образом — Казахстане и республиках Средней Азии. Точку в этих отношениях ставит прекращение в 1980 г. действия «Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи».

С начала 80-х годов советско-китайские отношения базируются на бездоговорной основе, а китайская сторона заявляет о своей готовности возобновить диалоги по культурно-экономическим и политическим вопросам. С возобновлением в 1983 г. приграничной торговли в советско-китайские отношения вновь вступают советские республики Средней Азии и Казахстан, но пока лишь как территориально-административные образования в составе СССР. И хотя по ряду вопросов внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности их руководство наделяется правом некоторой самостоятельности, окончательное решение по ним принимается центральным руководством, что существенно сдерживает развитие межрегиональных отношений и ограничивает их только одним регионом Китая — СУАР КНР (12).

Принципиально новый этап в отношениях Китая с государствами Центральной Азии начался с распадом СССР и «парадом суверенитетов», в результате которого на постсоветском пространстве Центральной Азии возникает пять новых субъектов международного права: Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Узбекистан, Республика Таджикистан и Туркменистан, три из которых имеют общую границу с КНР и достаточно крупные этнические диаспоры, проживающие в пределах пограничного Синьцзян-Уйгурского автономного района.

Распад СССР и возникновение преимущественно на национальной основе новых субъектов международного права, пока еще отчетливо не осознающих ни модели, ни направлений дальнейшего развития, не определившихся с приоритетами во внутренней и внешней политике, находящимися в состоянии социально-экономического, политического и идеологического хаоса, серьезно осложняет расклад политических сил в

Центральной Азии, где сферы влияния казались бы были поделены уже к началу XX века.

Ослабление позиций Москвы в Центральноазиатском регионе и потенциальная угроза негативного воздействия происходящих в нем процессов на население приграничных районов КНР — все это потребовало от китайского руководства пересмотра как своей внешней, так и внутренней политики.

Не заостряя внимания на последней, требующей особого разговора, остановимся на факторах, которые послужили причиной и продолжают детерминировать изменения внешней политики КНР по отношению к постсоветской Центральной Азии. На наш взгляд, это определялось: во-первых, геополитическим положением постсоветской Центральной Азии.

Во-вторых, раскладом политических сил, возможностями руководства контролировать развитие внутриэкономической и политической ситуации, степенью социальной и межэтнической стабильности;

В-третьих, характером деятельности религиозных организаций и степенью воздействия религии (главным образом ислама) на проводимую руководством страны внешнюю и внутреннюю политику.

В-четвертых, характером отношений с Российской Федерацией, странами мусульманского мира, КНР, другими субъектами международного права.

Наконец, сопоставимостью модели социально-экономического и политического развития с «китайской моделью» и «внешнеполитическими установками КНР».

В своей политике в Центральной Азии КНР приходилось учитывать весь комплекс вышеуказанных факторов, а их приоритетность определялась исходя из сложившейся социально-политической ситуации как в самих государствах постсоветской Центральной Азии, так и в КНР. В Китае отчетливо понималось, что внутренняя нестабильность в этом регионе и нерешенность ряда проблем между новыми государственными образованиями будут дополнены борьбой за распределение сфер влияния в регионе между Россией, Турцией, Ираном и США, вступление в открытое противоборство с которыми не отвечало интересам Китая.

Именно поэтому, используя свои преимущества в расширении торгово-экономических контактов с постсоветской Центральной Азией и ограничивая доступными «внутренними» средствами уровень негативно-го воздействия происходящих в ней процессов на преимущественно мусульманские регионы КНР, в остальном Китае занимал апробированную тысячелетиями политику выжидания, предоставляя постсоветским государствам Центральной Азии возможность самим определиться с внешнеэкономическими и политическими приоритетами.

Китайское руководство относительно устраивала политическая роль присутствия в данном регионе США, ограничивающая степень влияния в нем Ирана и обеспечивающая хотя бы видимость рыночных и демократических преобразований, а также ослабление влияния националистически настроенных политических сил (13). Устраивало Китай и присутствие в этом регионе России, выполняющей аналогичную функцию в отношении усиливающегося турецкого влияния (14).

Существенное значение для китайской политики в постсоветском Центральноазиатском регионе имела и оценка социально-политической

ситуации в новых государствах, которая, исключая Таджикистан, оценивалась как «относительно стабильная». По мнению китайской стороны, этому способствовало то обстоятельство, что «несмотря на значительные изменения, произошедшие в политической структуре государств, переименование либо ликвидацию бывших коммунистических партий, реальная власть по-прежнему находится в руках реформаторов из числа руководства этих партий» (15). Поэтому в качестве первоочередной задачи внешней политики китайского руководства, обеспечивающей в том числе и решение проблемы ограничения влияния на мусульманские регионы Китая исламских фундаменталистов и пантюркистов, ставилось: «всеми силами поддерживать существующую политическую власть в государствах Центральной Азии», которая «также сохраняет настороженность по отношению к пантюркизму и фундаментализму, строго ограничивая сферы их влияния, особенно исламского фундаментализма» (16). Такая постановка вопроса детерминировалась прежде всего необходимостью сохранения стабильности в преимущественно мусульманских районах КНР, которая, по мнению как центрального, так и регионального руководства, «находилась в прямой зависимости от ситуации в обретших независимость соседних мусульманских республиках» (17).

Заявления и политические действия руководства этих республик в конечном итоге и определили стратегию внешней политики КНР в постсоветской Центральной Азии. Визит в КНР в июле 1991 г. Н. Назарбаева и достигнутые в ходе его договоренности не остались незамеченными в Пекине. Крупнейшая и обладающая наибольшим социально-экономическим потенциалом республика постсоветской Центральной Азии поднимала «железный занавес» и выражала готовность к укреплению торгово-экономических и политических контактов с КНР.

В декабре 1991 г. министр внешней торговли КНР Ли Ланьцин в составе большой правительственной делегации совершил ознакомительную поездку в Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан и Туркменистан, целью которой была подготовка базы для подписания двусторонних торгово-экономических соглашений с новыми государствами Центральной Азии.

В течение 1992 г. КНР посещают: С. Терещенко, И. Каримов, А. Акаев, С. Ниязов и И. Рахмонов, подписавшие пакеты документов о торгово-экономическом, научно-техническом и информационном двустороннем сотрудничестве, с одной стороны, а с другой — заверившие китайское руководство в том, что его опасения по поводу «возрождения исламского фундаментализма» на территории постсоветской Центральной Азии не имеют под собой серьезных оснований.

Результатом этих переговоров стало стремительное увеличение торговых операций с КНР, прежде всего — с СУАР КНР, чья продукция заполняла товарный вакуум, образовавшийся на Центральноазиатском рынке в результате развала СССР и разрушения внутрисоюзных экономических связей (См. Таблицу 2).

Однако, расширяя торгово-экономические контакты с Центральноазиатским регионом, КНР, исходя прежде всего из интересов экономического развития Китая, строила их дифференцировано. Их объем в первую очередь зависел от позиций, занимаемых руководством госу-

Торговые операции СУАР КНР со странами
постсоветской Центральной Азии в 1991—1993 гг.
(млн. долл. США)

Таблица 2

экспорт год	импорт	Общий объем внешней торговли СУАР КНР	Торговый оборот со странами постсов. Центральной Азии	Торговый оборот по линии приграничной тор- говли
1991 экспорт		363,18	58,4	48,5
	импорт	96,16	51,9	42,6
1992 экспорт		453,9	160,3	153,4
	импорт	293,3	155,0	156,0
1993 экспорт		450,0	488,61	289,0
	импорт	462,0		288,0

Источники: Синьцзян няньцзянь. 1993.— Урумчи, 1993, с. 231—233;
«Синьцзян шэxуй цзинцзи», 1994, № 4, с. 19; «Чжун'Я яньцзю», № 1—
2, с. 40—41.

дарств постсоветской Центральной Азии и приоритетами их внешнеэкономической деятельности, ориентированной либо преимущественно на торговые операции (Казахстан), либо на научно-техническое сотрудничество (Узбекистан), а во-вторых, от социально-политической ситуации в них и уровня риска вложений капитала китайской стороной, что объясняет почти полное отсутствие торговых контактов между КНР и Таджикистаном и их слабое развитие с Туркменистаном (См. Таблицу 3).

Оживление торгово-экономических контактов КНР со странами Центральноазиатского региона в целом можно рассматривать как положительное явление, создающее основу для успешного политического диалога, но только при том условии, что оно не выходит за рамки государственного управляемого процесса, поскольку, как показал опыт ка-

Таблица 3.

Основные торгово-экономические партнеры
СУАР КНР в 1992—1993 гг. (млн. долл. США, %)

страна	1992			1993		
	объем экспор- тно-импорт- ных операций	доля в %	к-во СИ	объем экспор- тно-импорт- ных операций	доля в %	к-во СИ
Всего	750,4	100		912,0	100	
в том числе:						
Республика Казахстан	243,18	32,4	144	350,0	38,4	97
Республика Узбекистан	29,1	3,9	...	21,13	2,3	28
Республика Кыргызстан	29,3	3,91	...	115,0	12,6	32
Российская Федерация	9,61	1,28
Туркменистан	2,48	0,3	1

Источники: Синьцзян няньцзянь. 1993.— Урумчи, 1993, с. 231—233;
«Синьцзян шэxуй цзинцзи», 1994, № 4, с. 19; Выступление заместителя
начальника Комитета по делам экономики и торговли Народного пра-
вительства СУАР КНР Далельхана Мамахана на региональном совеща-
нии по приграничной торговле 22.03.1994 г.

захстанско-китайского торгово-экономического сотрудничества в 1989—1992 гг., «китайский бум» на казахстанском рынке, при всей его значимости для развития казахстанско-китайского диалога, имел почти исключительно негативные последствия (18).

Однако, данное обстоятельство не следует рассматривать как определяющее казахстанско-китайские отношения на политическом уровне, которые развиваются достаточно успешно. Подписанная в октябре 1993 г. казахстанско-китайская совместная декларация по проблемам безопасности между двумя странами, визит Премьера Госсовета КНР Ли Пэна в 1994 г. и подписание Договора о прохождении казахстанско-китайской границы, визит в КНР Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева в сентябре 1995 г. и достигнутые в ходе его договоренности, наконец, реанимация торгово-экономических контактов между двумя государствами — все это говорит само за себя. Несмотря на временное «охлаждение» казахстанско-китайских отношений, Казахстан был и остается главным торгово-экономическим и политическим партнером КНР в Центральноазиатском регионе, хотя в китайской прессе этот вопрос рассматривается в несколько ином ключе.

С принятием в 1993 г. ряда ограничительных мер в Республике Казахстан по отношению к КНР заметно увеличился ее товарооборот с Кыргызстаном, где, по мнению китайских наблюдателей, «отношению к Китаю и китайцам более благоприятное, чем в Казахстане» (19).

Своеобразно складываются отношения между КНР и Республикой Узбекистан. Несмотря на то, что последний в списке центральноазиатских торгово-экономических партнеров КНР занимает лишь третью строчку, значительно уступая Казахстану и Кыргызстану, по мнению китайских аналитиков, в перспективе именно он будет лидером в постсоветской Центральной Азии и ведущим торгово-экономическим и политическим партнером КНР в данном регионе (20). Во многом подобная позиция китайских аналитиков определяется как объективной оценкой социально-экономической и политической ситуации в республике, проводимой И. Каримовым внутренней и внешней политики, «сопоставимой с китайской моделью» экономического и политического развития, так и отсутствием серьезных межгосударственных проблем между КНР и Узбекистаном, включая и такие как проблема общности границ и присутствия на территории другого государства сколь-нибудь значительной по численности этнической диаспоры, столь характерных для казахстанско-китайских отношений.

Таким образом, в своей политике в Центральной Азии КНР в качестве приоритетных задач ставит: ограничение пантюркистского и фундаменталистского влияния; расширение торгово-экономических контактов с государствами региона на двусторонней основе с целью сохранения в нем своего «ограниченного» политического присутствия и «по возможности расширенного» экономического присутствия, обеспечивающих создание в регионе собственных «опорных баз» и освоение обширного центральноазиатского рынка; сохранение баланса политических сил в регионе, обеспечивающее незыблемость действующих политических режимов, с одной стороны, и сохранение определенной степени разногласий между ними — с другой. За исключением усиливающегося турецкого и иранского влияния в Центральной Азии, КНР в целом

устраивает сложившийся в регионе статус-кво, обеспечивающий надежные гарантии национальной безопасности Китая и возможности его эффективного использования в интересах экономического развития Китая и его отдельных регионов.

Однако, усиление под влиянием распада СССР центробежных тенденций в национальных регионах КНР, сопряженные с нерешенностью ряда проблем реформы политической системы в КНР, по-видимому, потребуют в ближайшем будущем принятия китайским руководством достаточно радикальных внутривнутриполитических решений, способных оказать существенное воздействие на баланс сил в Центральноазиатском регионе в целом. Поэтому, на наш взгляд, перспектива отношений КНР с Центральной Азией детерминируется прежде всего необходимостью сохранения политической стабильности в самом Китае и радикальным решением проблем, связанных с реформой политической системы КНР.

1. Сыма Цянь. Шицзи. Т. 1—10.— Пекин, 1975, с. 50—70.
2. Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века (VII—XIII).— М., 1984, с. 171—184.
3. Рифтин В. Л. Из истории культурных связей Средней Азии и Китая.— «Проблемы востоковедения», 1960, № 5, с. 126—130.
4. Pelliot P. Le «Cha Tcheou Tou Fou T'ou King» et la colonie Sogdienne de la region du Lob Nor.— J. A. Ser. 3, vol. 11, 1916.
5. Мартынов А. С. Традиционный китайский подход к внешнему миру.— Страны и народы Востока. Вып. 20.— М., 1979.
6. Лобов В. Н. Сунь-цзы и военная хитрость.— «Вестник АН Каз. ССР», 1986, № 12.
7. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан — летопись трех тысячелетий.— Алма-Ата, 1982, с. 98—104.
8. Зотов О. В. Китай и Восточный Туркестан в XV—XVIII вв.— Межгосударственные отношения.— М., 1991.
9. См.: Моисеев В. А. Синьцзян в советско-китайских отношениях.— Алма-Ата, 1988, с. 9; Сладовский М. И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем.— М., 1957, с. 94—97.
10. Цит. по: Andrew D. W. Forbes. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia. A political History of Republican Sinkiang 1911—49.— L., N. Y., 1986, p. 136.
11. Синьцзян в советско-китайских отношениях.— Инф. бюлл. ИДВ АН СССР, № 67.— М., 1975, с. 116.
12. См.: Сыроежкин К. Казахстан—Китай: торгово-экономические отношения.— «Казахстан и мировое сообщество», 1995, № 1, с. 63—67.
13. См.: «Чжун'Я яньцзю», 1992, № 1—2, с. 14—15.
14. См.: Lillian Craig Hurriss. Xinjiang, Central Asia and the Implications for China's Policy in the Islamic World.— «The China Quarterly», 1993, № 133 (March), p. 125.
15. «Чжун'Я яньцзю», 1993 (сводный номер), с. 24.
16. Там же, с. 29.
17. См.: Lillian Craig Hurriss. Op. cit., p. 118—119.
18. Подробнее см.: Сыроежкин К. Указ. соч., с. 67—72.
19. См.: «Чжун'Я яньцзю», 1994, № 3—4, с. 30—31.
20. См.: Там же, с. 24—29.

Алма Султангалиева

НОВЫЕ НЕЗАВИСИМЫЕ ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ИСЛАМ

Пожалуй, не найдется на сегодняшний день публикаций или выступлений о новых независимых государствах Центральной Азии, в которых в той или иной степени не затрагивалась бы проблема ислама. Как правило, эта тема раскрывается в достаточно определенном контексте, а именно — ретрадиционализации социальной и политической жизни центральноазиатских народов, что означает внедрение исламских институтов в обществе и государстве. При этом не имеет принципиального значения как этот процесс будет именоваться: исламский фундаментализм, исламский порядок или еще как-то иначе (выбор неограничен). Дело, скорее, в наличии различных подходов к данной проблеме.

Превращение Центральной Азии в очаг исламского фундаментализма или традиционализма рассматривается, с одной стороны, как потенциальная угроза «цивилизированному миру», прежде всего, западным демократиям, с другой — как закономерный результат общественного развития народов этого региона, их возвращения к прежнему status quo как части «мира ислама». В том и другом случае антизападничество представляется основным вектором центральноазиатского варианта «возрождения ислама».

В целом же эти представления объединяет стремление рассматривать постсоветскую Центральную Азию как некую социокультурную гомогенность, обусловленную, прежде всего, религиозной общностью. В качестве обоснования, подобного взгляда лежит тезис исторической общности региона, глубоких этногенетических связей его народов. Как следствие, это создает возможность конструирования общего «центральноазиатского портрета», который отличают: «своеобразный вариант национал-исламизма», «ключевое значение вопросов религиозной самобытности и исламского возрождения в общественно-политической жизни, отход от принципов секуляризма» и т. п. (1).

Оценивая значение ислама в новых постсоветских государствах Центральной Азии, исследователи, как представляется, вольно или невольно накладывают «кальку» с так называемого зарубежного ислама, его роли в общественно-политических процессах мусульманских стран, например, в большинстве арабских и ближневосточных. Это приводит к отождествлению «их» исламской идентичности и исламской идентичности населения бывшего «советского Востока».

Между тем, вполне очевидно, что между этими двумя «Востоками» имеются существенные различия в развитии этносоциальных процессов, их соотношении с исламом и государственным строительством. Достаточно сказать, что для арабского общественного сознания (за исключением арабов-христиан) проблемы соотношения ислама и национализма, ислама и этничности, необходимости определения и выбора приори-

тетов между этими «идентичностями» являются, безусловно, одними из животрепещущих и имеющих свою длительную историю.

Поэтому имело бы смысл оговаривать принципы, исходя из которых определяется религиозная идентификация населения бывших советских республик. Как известно, там отсутствовала официальная регистрация населения по признаку религиозной принадлежности. Первая и последняя официальная регистрация идентификации по признаку вероисповедания в рамках бывшего Советского Союза проводилась во время Всесоюзной переписи населения 1937 года. Графа «мусульмане (магометане)» подразделялась на «грамотных» и «неграмотных». Общее число тех, кто отнес себя к мусульманам, составило 8,1 млн. человек. Причем, среди грамотных их было в 2 раза меньше — 2,4 млн., среди неграмотных, соответственно — 5,7 млн. человек. (2)

Какие же основные особенности центральноазиатского «портрета» ислама. Одна из них связана с его положением как регионального, периферийного по отношению к классическому варианту ближневосточного мусульманства. Другая особенность вытекает из статуса Средней Азии как опять же «двойной периферии» (по выражению Брейгеля), находящейся в зоне пересечения оседлого и кочевого типов цивилизаций. В свою очередь, в этом плане выделяются области «ранней» и «поздней» исламизации. К первым относится оседло-земледельческая культурная зона Узбекистана и Таджикистана, а также юго-западного Кыргызстана. (3) Более позднее проникновение ислама происходило у кочевников, на территории современных Казахстана, Кыргызстана и Туркменистана.

Эти различия в распространении ислама обусловили специфику его роли в жизни различных народов Средней Азии. В самом общем виде она характеризуется различиями в степени устойчивости ислама и его проявлений в разнообразных сферах жизнедеятельности, включая социальные связи, культуру, право, политику. Включение исламских установлений и норм в эти сферы традиционно отличало народы оседло-земледельческой традиции, в том числе узбеков, таджиков. В то же время неукорененность и размытость исламских представлений в мире кочевой культуры казахов, кыргызов, отчасти туркмен, свидетельствовали об их поверхностной исламизации, которая в большей степени обеспечивалась за счет синкретизма ислама с локальными доисламскими традициями.

Особенности исламизации, складывавшиеся среди народов Центральной Азии на разных исторических этапах, в том числе в составе Российской империи, в рамках современных национальных государств в Советском Союзе, оказали свое влияние на современное состояние ислама в центральноазиатских обществах. В этой связи, последствия предпринятой советским государством попытки кардинальной секуляризации (деисламизации) этих обществ, несмотря на ее тотальный характер, также отразили исторически заложенные различия в положении ислама в регионе.

Наиболее слабому воздействию модернизации подвергся Таджикистан, чуть в меньшей степени Узбекистан, где сохранилась социальная и культурная база для ретрадиционализма, в том числе религиозного. Особая роль в этом плане принадлежит такому социальному институту

как «махалля», воспроизводящему традиционные групповые связи на уровне соседско-территориальной общины. Кроме того, сохраняющееся до наших дней влияние различных групп мусульманского духовного сословия на большую часть населения этих стран также подпитывает ориентацию на традиционные ценности (4).

В то же время в Казахстане и Кыргызстане (за исключением его южной части), масштаб и темпы модернизации оказались выше. Особо следует выделить Казахстан, где в результате политики насильственной седентаризации, принявшей наибольший размах, последовавших кардинальных демографических изменений (сокращение численности казахского населения почти на треть), была по сути подорвана основа традиционных социальных связей, основанием которых не являлся ислам.

Различия, существующие между государствами региона, по степени активности «исламского фактора», проявляются также с точки зрения роли «политического ислама». В Узбекистане, в 1990—1992 гг. была создана Исламская партия возрождения как республиканское отделение Всесоюзной Исламской партии возрождения, организационный съезд которой прошел в 1990 году в Астрахани. На нем также присутствовали представители Таджикистана, где формирование Исламской партии возрождения началось в 1990 г. В отличие от Узбекистана, эта партия была официально зарегистрирована в 1991 году и открыто участвовала в политической борьбе в Таджикистане.

Можно говорить в этой связи о том, что Таджикистан представляет собой первый и трагический пример открытого участия собственно фактора ислама в политической борьбе на бывшем советском пространстве. Причем политический ислам в конечном счете был представлен как союз официального мусульманского руководства Таджикистана и исламских политических организаций в лице Движения исламского возрождения Таджикистана. Как отмечают исследователи, политический исламизм начинался с открытой пропаганды в религиозной печати общественно-политической роли ислама (5).

В Кыргызстане не существует политических исламских организаций, в то же время при мусульманском духовном Управлении в 1992 году была создана общественная организация Даватуль ислам «в целях распространения идей ислама». (6)

В Казахстане также нет политических партий или организаций, выступающих за установление исламского социально-политического строя. Этноориентированные движения избегают использовать ислам в качестве идеологической и политической платформы. Не случайно, в 1990 году на съезде в Астрахани, при создании всесоюзной Исламской партии возрождения, не было представителей от Казахстана. Партия «Алаш», созданная в 1990 году, которую, на мой взгляд, ошибочно называют политической исламской организацией, фактически, в своей программе предлагает светскую модель государства, в основе которой не лежат принципы исламского права. Возникновение этой партии скорее отражало настроения национально-радикально ориентированной части казахского общества.

Известный факт, что в новых независимых государствах Центральной Азии приоритетная роль в определении и выборе путей социально-

политического, экономического развития принадлежит государству. В то же время эти страны различаются между собой в том, что касается степени вмешательства государства в эти процессы, особенно в политико-идеологической сфере. Так, в Туркменистане, Узбекистане она выше, чем в Кыргызстане и Казахстане. Несмотря на существующие различия между ними, положение мусульманских организаций и, в конечном счете, формирование местного «образа ислама» в этих странах зависит от государственной политики. Взгляд на основные направления официальной политики центральноазиатских государств по отношению к исламу позволил бы лучше понять ее общие и особенные черты.

Для этого имеет смысл уточнить основные показатели демографической, этносоциальной ситуации в каждом из государств региона. Известно, что на степень распространенности религиозных традиций и приверженности к ним влияет, в частности, такой фактор, как соотношение численности городского и сельского населения. Как известно, более высокий уровень консервативности сельского населения способствует сохранению религиозных традиций.

В Узбекистане сельское население составляет 61%, Туркменистане — 54,6%, Таджикистане — 71%. В Кыргызстане этот показатель равен 64%, в Казахстане — 44%.

Как видно из приведенных данных, во всех государствах, за исключением Казахстана, сельское население составляет больше половины населения, причем наименее урбанизированным является Таджикистан. (5)

Среди других факторов, оказывающих влияние на позиции ислама в обществе и государстве, можно назвать уровень этнической мозаичности в каждой из республик, сложившейся как следствие активной миграционной политики в советское время. Другое дело, что развал СССР способствовал активизации обратного миграционного потока из республик, вследствие которого меняется их этнодемографическая композиция, а значит, и численность исповедующих ту или иную религию.

В Узбекистане больше половины населения составляют узбеки — 74,5%, в Туркменистане преобладают туркмены, численность которых в составе всего населения составляет 72%. Согласно последним официальным данным по Таджикистану, относящимся к 1989 году, численно доминировали таджики (62,2%). Учитывая значительный рост миграции русского населения из республики в последующие периоды, вызванный гражданской войной в республике, начиная с 1990 года, эта цифра должна возрасти. В Кыргызстане большую часть населения составляют — кыргызы (58,6%). Особая этническая структура сложилась в Казахстане, где ни одна из этнических групп не составляет абсолютного большинства. Основа этнодемографической структуры представлена двумя наиболее многочисленными из них — казахами (44%) и русскими (36%). (6) И так, практически все республики региона имеют низкую степень этнической мозаичности, за исключением Казахстана.

Этнодемографическое и этнокультурное своеобразие Казахстана — один из признаков его специфического положения и в свете проблемы переходных обществ Востока. Прежде всего, как уже отмечалось выше, с ликвидацией кочевого хозяйственного строя в Казахстане были подорваны основы традиционного образа жизни казахского общества прак-

тически во всех сферах, включая экономическую, социально-политическую, социокультурную, собственно этническую. Свое наиболее глубокое и последовательное выражение слом традиционных институтов и модернизация казахского общества получили в советскую эпоху (индустриализация, миграция, урбанизация, внедрение современных (светских) форм образования и науки, искусства и т. д.).

В развивающихся странах Востока после обретения независимости, основные задачи лежали в области перестройки политических, социокультурных отношений. Традиции экономической жизни в этих странах не противоречили универсальным рыночным механизмам, несмотря на некоторые религиозные ограничения в мусульманских странах, в частности, запрет на получение процентов с прибыли. По существу, перед этими странами стояла задача «доразвития» существовавших экономических отношений, технологий и т. д. до уровня современных, то есть европейских стандартов. Не случайно такой путь получил название стратегии и тактики «догоняющего развития», характерного для бывших колониальных стран, в течение десятилетий переживающих стадию переходности от традиционных структур к современным.

В то же время для Казахстана, как и многих постсоветских стран проблема «переходности» от традиций к современности имеет свою специфику. А именно — в отличие от развивающегося, в том числе и мусульманского Востока проблема роли традиционных институтов, равно как соотношения традиционного и нового в сферах политической, социокультурной жизни не имеет той степени остроты, характерной для классических мусульманских обществ Востока.

Доминирование религии в общественном сознании в этих обществах сделало естественным ее актуализацию в их социально-культурной и политической жизни. Отсюда достаточно высокая степень востребованности во внеэкономических институтах как системообразующих элементах, составной частью которых является исламская идеология. Устойчивость религиозных традиций, их влияние на политику, прямое или опосредованное, являются реальностью сегодняшнего дня этих обществ. Это дает основания говорить о феномене политического ислама как неотъемлемом факторе современной действительности многих стран мусульманского Востока.

В новых независимых странах Центральной Азии, начиная с 1990 года, на базе казиатов (региональных отделений) Духовного Управления мусульман Средней Азии и Казахстана (ДУМСК) в Ташкенте, стали создаваться самостоятельные мусульманские духовные управления (муфтиаты, казиаты). Процесс размывания некогда централизованной власти и обретения «независимости» в столь специфической религиозной сфере предшествовал во времени событиям 1991 года — развалу Советского Союза и суверенизации его бывших республик. Причем первым мусульманским управлением, объявившем об отделении от ДУМСК, стал его филиал в Казахстане, ставший Духовным Управлением мусульман Казахстана (муфтиат). В то же время в Туркменистане еще в 1991 году ряд преподавателей казиата получали зарплату от ДУМСКа (9).

Следует сказать, что в целом официальная политика в государствах региона в отношении ислама определяется законами, принятыми по

отношению к религиозным объединениям в целом. Ее основные положения, закрепленные в Конституциях этих стран, а также специальных законодательных актах, сходятся практически во всем. Прежде всего, это принцип светского характера государственности, равенство всех религиозных конфессий на территории этих государств, запрет на деятельность религиозных политических организаций. Это нашло отражение в принятии специальных законов, например, в Кыргызстане — «Закона о свободе совести и вероисповедания», в Казахстане — «Закона о свободе совести и религиозных объединениях», в Туркменистане — «Закона о свободе совести и религиозных организациях».

Вместе с тем, практически ни одна из этих стран не избежала проявлений особого отношения к исламу со стороны официальных властей, в том числе первых лиц государства, впервые совершивших паломничество (хадж) в священные места ислама — Мекку и Медину, идентифицировав тем самым свою мусульманскую принадлежность и получивших почетный титул «хаджи». Следует вместе с тем отметить, что в целом степень проявлений такого рода проявлений варьируется для каждого из центральноазиатских государств и, с другой стороны, может со временем меняться. Так, в Узбекистане, на начальном этапе суверенизации в известной степени создавались черты «исламского имиджа» президента, в частности, через принятие президентской присяги на Коране, оказание помощи мусульманским кругам в республике по строительству и реконструкции мечетей, расширению религиозного образования и т. д. (10) Кроме того, в 1992 году председателем Государственного комитета по делам религии был назначен советник муфтия, освобождающийся при этом, от религиозной должности (11).

Последние проявления официальной политики в отношении ислама в республике позволяют говорить об отходе от прежней тактики поощрения исламизации. Представляется, что в немалой степени это вызвано значительной активизацией исламской социально-политической активности в Узбекистане, негативным опытом соседнего Таджикистана где исламская оппозиция была вовлечена в гражданскую войну в качестве политической силы. Вовлеченности ислама в политику в этой стране в немалой степени способствовало и вмешательство государства в религиозную жизнь, манипулирование ею в политических интересах. В частности, через предложение главы государства, Р. Набиева в 1992 году об отделении казната республики от ДУМСК и «всенародных выборах» руководителя мусульманской общины Таджикистана (12).

Следует также отметить соглашение, принятое на межгосударственном уровне между Казахстаном и Египтом в 1992 г., о возведении исламского центра в Алматы за счет египетской стороны, выделившей 10 млн. долларов. Этот факт свидетельствует о том, что традиционное для зарубежных мусульманских стран обращение к исламу накладывает своеобразный отпечаток на внешнеполитическую практику постсоветского Востока. Кроме того, встречаются факты, когда сугубо религиозные вопросы могут становиться объектом внимания местных властей. Так, например, в г. Жамбыле (Казахстан), глава администрации принял непосредственное участие в обсуждении с главными архитекторами города вопроса о строительстве новой мечети и высказался

о том, что «мечеть должна отвечать требованиям идейного воспитания граждан» (13).

Как известно, в прежние советские времена во всех республиках имелись специальные государственные органы при правительстве, занимавшиеся контролем над деятельностью религиозных организаций — Советы по делам религий. На настоящий момент почти все государства региона сохранили эти органы, в большинстве случаев называющихся отделами по связям с религиозными объединениями. В то же время их деятельность в каждом из государств региона имеет свои особенности. Они прежде всего зависят от характера взаимоотношений государства и конфессий. В Кыргызстане, например, был полностью упразднен официальный контроль за деятельностью религиозных объединений, хотя сейчас именно религиозные авторитеты страны поднимают вопрос о создании правительственного органа по делам религий (14).

Взаимоотношения между государством и конфессиями в Туркменистане отражают сложившуюся здесь тотальную роль государства практически во всех сферах социально-политической жизни общества. В бывший Комитет по делам религий, преобразованный в 1994 году в Совет (Генгеш) по делам религий при правительстве, были включены руководители духовенства, в том числе и православного, а председателем Совета назначен глава (кази) мусульманской общины Туркменистана. Таким образом, мусульманское руководство приобрело статус государственных служащих (высокого ранга) и тем самым полностью перешло на службу официальным властям. Последние, в свою очередь, решили для себя проблему абсолютного контроля за деятельностью мусульманских объединений (15).

В Казахстане государство отошло от надзора за деятельностью конфессий, оставив за собой право регистрации религиозных объединений, в том числе через соответствующие государственные органы по связям с ними.

Исторически ислам не был для казахов формой социальной организации, а являлся одним из элементов этнической (родовой, племенной) принадлежности (16). В этой связи вряд ли правомерно говорить о существовании в прошлом развитой традиционной исламской системы политико-правовых, социокультурных норм, регулировавших социальную и политическую жизнь казаховского общества. Собственно элементы ислама были частью более объемной идеологии тюрко-монгольских народов, которая была впервые определена как «новая религия» этих народов казахстанским востоковедом В. П. Юдиным и названа им «чингизизм» (17).

Ее основу составили генеалогические представления об истории рода Чингиз-хана и его сакральном праве на власть, элементы древнетюркских традиционных верований, ислам. По сути, исходя из этой, передававшейся устным путем системы правил, строилась социальная и политическая организация многих кочевых и полукочевых племен Центральной Азии, составивших впоследствии основу современных народов, в том числе и казахов. Кроме того, эта идеология накладывалась на традиционную родо-племенную идентификацию казахов, составлявшую неотъемлемую часть их самосознания. Особое внутриэтническое подразделение представляли «кожа» (ходжа), не входившие в какую-

либо родо-племенную структуру, поскольку возводили свое родословное древо к арабам, сподвижникам пророка Мухаммада. Сходные сословия имеются и у других центральноазиатских народов.

Следует заметить, что в истории ислама в Казахстане не имелось развитой системы исламских религиозных институтов, равно как устойчивой системы религиозного образования. Это было обусловлено, прежде всего, спецификой исламизации в преимущественно кочевом казахском обществе. В этой связи современные попытки определенной части казахского общества обратиться к исламу, как единственной «религии предков», являются, по сути, одним из элементов имеющего сейчас место этапа мифологизации истории и культуры казахов. Их стремление абсолютизировать роль ислама в казахской культуре ведет к тому, что отбрасывается «огромный пласт доисламской и существовавшей и в период проникновения ислама, тюркской культуры» (18).

Показательно, что ярче всего этот процесс проявился в сфере «официального ислама», активизации исламской догматики, культовой практики. С этим связано создание самостоятельного мусульманского духовного управления (муфтиата) в Казахстане в 1990 г., исламских учебных заведений, издание исламской религиозной газеты «Иман», распространение исламской пропагандистской литературы (как правило, переводы зарубежных исламских книг и руководства по исламскому культу, поступающие из России и Турции), строительство мечетей и паломничество в Мекку. Так, по данным муфтиата, число мечетей в 1991 г. составляло более 150, а в 1994 г. — уже 400; количество паломников в Мекку в 1992 г. составляло 45, в 1993 г. — уже 300 человек.

Неравномерность проникновения исламской религии в географическом плане, определили соответствующие различия в степени интенсивности проявлений мусульманства в разных частях Казахстана. К этому можно добавить существующие различия в уровне культурных ориентаций между городом и селом. Кроме того, следует учитывать внутриэтническую стратификацию в казахском обществе по социально-экономическому признаку, интенсивность которой в условиях перехода к рыночным отношениям будет возрастать. Одним из постоянно действующих факторов является инорелигиозная среда, окружающая ислам в полиэтничном Казахстане. Общественное сознание в целом едино в том, что разделяет светское и религиозное начала в отношении к власти. Свидетельством этому может служить отсутствие в Казахстане явления политического ислама в той или иной форме.

Можно сказать, что осознание принадлежности к общине единоверцев — умме, не является основным в самосознании казахов. Основным в формировании казахской идентичности является этническое начало — ислам. Не случайно, например, что в идеологии казахских этноориентированных движений от радикальных до умеренных отсутствуют ссылки на ислам. Не нашли распространения просветительские или общественные движения, использующие ислам или ориентирующиеся на него.

Мусульманское руководство в лице муфтиата демонстрирует свою лояльность государственному курсу, стремление к диалогу с другими конфессиями в республике. В то же время, не всегда это может совпадать с конкретными действиями. Как известно, в республике действует

ряд нетрадиционных религиозных общин, как, например, «Сознание Кришны» (ISCON), бахаиты и другие, получившие популярность в обществе. Эта проблема стала предметом дискуссий среди некоторых слоев казахской интеллигенции, но особо негативно была воспринята мусульманским духовенством. В результате в 1994 г. в газете муфтиата появилось открытое письмо мусульманских религиозных руководителей Казахстана, выражавшее беспокойство по поводу принятия казахами другой веры, что свидетельствовало, по их мнению, об «отречении от религии предков». Примечательно в этой связи то, что заявлялось о необходимости внесения поправок в действующий закон для того, чтобы «запретить казахам обращаться в другие религии» (кроме ислама) (19). Очевидно, что это не свидетельствует о демократизме религиозных деятелей, мыслящих в духе прежнего «запретительства».

Им следовало бы понять, что право на свободу, в том числе вероисповедания, является естественным правом человека.

Следует признать, что подобное беспокойство относительно распространности «чужих» религий в обществе является довольно общим для многих республик бывшего Союза, в том числе и немусульманских. Так, например, в России, в случае принятия поправок в действующие законы представители зарубежных религиозных организаций смогут действовать на ее территории только по приглашению местных религиозных организаций (20).

В Кыргызстане общество «Даватуль ислам» пыталось собрать подписи среди населения в поддержку своего требования запретить деятельность христианских миссионеров в столице республики (20). Следует заметить, что хотя эта инициатива не нашла широкой поддержки, она в то же время свидетельствует о наличии в исламском движении определенной доли радикализма. (21)

В новый текст Конституции Казахстана была внесена специальная статья о зарубежных религиозных объединениях, деятельность которых, равно как «назначение иностранными религиозными центрами руководителей религиозных объединений в Республике», осуществляется по согласованию с государственными органами Казахстана (статья 5).

Оценивая влияние других религий на формирование казахской идентичности, можно сказать, что в определенной степени оно будет сохраняться, отражая современный этап формирования казахской нации. В целом же осознание исламской идентичности как части этнической будет оставаться характерной чертой казахского сознания.

В то же время степень и глубина этого осознания будут различными для разных сегментов общества. Поэтому можно утверждать, что не существует какого-то единого подхода относительно роли и места ислама в казахской идентичности.

С одной стороны, ислам рассматривается как способ реконструкции и обретения казахской этнической и культурной идентичности в условиях независимого развития. И это вполне объяснимо, принимая во внимание то, что казахский этнос оказался на грани размывания своей культурной целостности, прежде всего в отношении владения казахским языком. С другой стороны, распространено мнение, что исламская религия не проникла глубоко в казахский дух и философию. Поэтому ка-

захскую культуру и образ жизни в целом отличает синкретизм различных культурных традиций.

Эти взгляды подтверждаются данными выборочных опросов, проведенных среди казахских студентов в 1992—93 годах в г. Алматы. В опросах приняли участие студенты гуманитарных факультетов высших и специальных учебных заведений. (22)

Больше половины анкетированных — около 65% — считают ислам неотъемлемой частью казахской национальной культуры. Это обосновывается тем, что история казахов, их религиозные традиции и национальные обычаи связаны с исламской религией. В то же время, значительная часть опрошенных студентов — 33%, считают, что ислам не был единственной основой национальной культуры, которая развивалась и до исламизации казахов и включила элементы неисламских культур. Следовательно, обращение к исламу не должно быть схоластичным, оттесняя в сторону традиционные казахскую культуру и мировоззрение. При этом осознание ислама как части казахской этнической традиции почти для половины опрошенных студентов не означает соблюдения мусульманской обрядности. Ответы на вопрос о том, что значит «быть мусульманином», имели этическую направленность типа: «не причинять зла», «уважать старших» и т. д.

Любопытны варианты ответов на вопрос о том, существуют ли отличия казахского ислама от ислама других народов, в том числе родственных по языку или соседних. Так, большинство опрошенных — 58%, отвечая на этот вопрос утвердительно, ссылались на отсутствие у казахов строгой приверженности к исламской обрядности, не играющей такой большой роли, как у других мусульманских народов, особенно в положении женщины. Как известно, казахская женщина традиционно не закрывала лица, не носила чадры и т. п. Указывалось также на то, что каждый народ имеет свои, присущие ему обычаи и традиции. В то же время 21% опрошенных затруднились ответить на этот вопрос, что в известной степени отразило присущий в целом обществу довольно низкий уровень знания истории ислама как культурного феномена.

Таким образом, неоднородность казахского общества и поликультурность среды, окружающей его, обуславливает неоднородность в подходах к роли ислама в обществе. В случае возрастания темпов и масштабов исламизации в ортодоксальном духе, что имеет сейчас место, это может привести к усилению уже наметившихся тенденций в этносоциальном и этнокультурном развитии казахской этнической группы. В частности, в условиях, когда имеются черты определенного культурного разрыва по принципу владения языком (русскоговорящие казахи). Следовательно, усиление религиозности, в которой преобладает догматическое начало, может войти в противоречие с уже устоявшимися среди определенных слоев общества рациональными и прагматическими ориентациями. Очевидно, что эти процессы будут способствовать не столько этнической консолидации казахского народа, сколько усилению его внутриэтнической дифференциации, что, в свою очередь, может тормозить адаптацию к происходящим динамичным процессам модернизации в Казахстане.

В то же время, в условиях этно-культурной мозаичности казахстанского общества, когда религиозная принадлежность служит дополни-

тельным дифференцирующим фактором, придание значимости религиозному фактору в качестве важного этноопределяющего элемента может усугублять культурную изоляцию казахского этноса от соседних немусульманских народов.

Представляется, что если не будет создаваться искусственных условий для ускорения темпов внедрения религиозных, в том числе исламских догматических институтов в социальную жизнь, то тем самым можно будет сохранить то соотношение между традиционными и современными элементами, которое не было бы препятствием для продолжающейся трансформации общества на пути перехода к рыночной экономике.

Таким образом, рассмотрение роли и места ислама в новых независимых государствах Центральной Азии должно исходить из учета конкретных особенностей каждой из этих стран, что позволило бы выстроить более приближенную к действительности некую общую «картину» ислама в этом регионе.

Примечания

1. См. например, последнее: Абазов Р. Ф. «Исламское возрождение в центральноазиатских новых независимых государствах» — Политические исследования, 3, 1995, с. 61—67.
2. Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Киселев И. Н. Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 года). — Социологические исследования, п. 7, 1990, Москва, с. 69.
3. См. об этом Uwe Halbach «Weltpolitik und Eigenentwicklung in Zentralasien», Aussenpolitik, IY/92, p. 383.
4. Подробно о традиционных институтах см.: Людмила Чвырь. Таджикистан. Весна 1992 года (комментарий этнографа к политическим событиям) — Вестник Евразии, п. 1, 1995, Москва, с. 82—83.
5. Д. В. Микульский. Идеологические принципы Турадждонзада и его сторонников. — Постсоветское мусульманское пространство (религия, политика, идеология), 1994, Москва, с. 217.
6. Р. Абазов, А. Василевский, В. Пономарев. ИСЛАМ и политическая борьба в странах СНГ. Информационно-экспертная группа «Панорама», Агентство «Азия», Москва, август 1992.
7. Эти показатели приводятся по Национальным Отчетам по Человеческому Развитию (Программа развития ООН) за 1995 год, составленным в странах региона.
8. Там же.
9. Шаймарданова И. Х. «Ислам в политической системе Туркменистана», Доклад на международном семинаре «Ислам, этничность и секуляризм в новых независимых государствах Центральной Азии и соседних странах», 15—17 октября, 1995, Санкт-Петербург, с. 9.
10. Geral-Keith Martin, paper «Islamic Political Movements in Tajikistan and Uzbekistan: Toward Renaissance or Revolution?» presented to the conference «Democratization in Central Asia», Madison, Wisconsin, April 16, 1993.

11. Абазов, Василивецкий, Пономарев ...
12. (Там же).
13. Экспресс, 13 октября 1995.
14. Акматалиева Ч. О. Особенности ислама в Кыргызстане. Доклад на международном семинаре «Ислам, этничность и секуляризм в новых независимых государствах Центральной Азии и близлежащих странах», 15—17 октября, 1995, Санкт-Петербург, с. 11).
15. Шаймарданова И. Х. ... с. 10.
16. Более подробно см.: А. К. Султангалиева. Ислам в Казахстане — Восток, 1994, п. 3, Москва, с. 72—80.
17. В. П. Юдин. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая.— Казахстан, Средняя и Центральная Азия. Алма-Ата, 1983, с. 106—165.
18. Мустафаев Н. «Доисламская культура и менталитет казахов»— «Арай-Заря», п. 7—8—9, 1993, Алматы, с. 18.
19. Иман, 1994, н. 6. Цит. по: Мухтарова Г. «Ислам на страницах современной казахской прессы» — Доклад на конференции «Юдинские чтения», март 1995 г.
20. Московские новости, н. 47 (791), 1991.
21. См. Абазов и др.
22. В составлении опросных листов и проведении опросов принимали участие автор и отдел культуры и религии Центра востоковедения НАН РК.

**Василий Василенко, Абдумалик Нысанбаев,
Виталий Шабельников, Мурсалнаби Туякбаев.**

СТРАТЕГИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА 21 ВЕК: ОТ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ УЯЗВИМОСТИ — К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

1. Введение, или почему нужны новые подходы к парадигме развития страны

На Нукусской конференции (18—21 сентября, 1995) которая проходила под эгидой ООН и впервые была посвящена проблемам устойчивого развития Аральского бассейна, Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев поставил вопрос о необходимости разработки ОСОБОГО СТАТУСА ЭКОЛОГИЧЕСКИ НАИБОЛЕЕ УЯЗВИМЫХ СТРАН С ЭКОНОМИКОЙ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА, А С УЧЕТОМ ИХ ПРОБЛЕМ И ПРИОРИТЕТОВ — РАЗРАБОТКИ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОЙ МОДЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ. [1] Такая постановка вопроса, как подчеркнул Президент, обусловлена Принципами Рио-де-Жанейрской Декларации ООН, принятой Всемирной Конференцией Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию (Бразилия, 3—14 июня 1992), подписанной всеми государствами-членами Мирового Сообщества, в том числе и суверенным Казахстаном [2].

Кроме Декларации (ее короткое название «Декларация ООН Рио-92») на втором глобальном экологическом саммите (первый проходил в Стокгольме в 1972 практически без участия СССР — официально еще не признавалось, что экологические проблемы присущи и плановой системе социалистического природопользования) [3] была впервые принята глобальная по подходам, целям, задачам, основным направлениям и приоритетам Повестка Дня на 21 век, а также Конвенция По борьбе с опустыниванием, О биоразнообразии и Об изменении климата.

Наиболее авторитетные и влиятельные ученые и политики мира впервые за всю полувековую историю ООН вышли на РАЗРАБОТКУ ГЛОБАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ, в которой четко выделены приоритетные направления.

Приходит трудное понимание того, что эти стратегические приоритеты наиболее полно и последовательно должны учитываться в политике любой страны, чтобы предупреждать экологические кризисы, социальные обострения, снижать риски техногенных катастроф в природопользовании. Без этого невозможно эффективно решать проблемы устойчивого экономического и тем более человеческого развития. И предупреждать конфликты и глобальный дисбаланс развития между богатым Севером и отстающим Югом, развитым Западом и развивающимся Востоком. Это необходимо для учета стратегических приоритетов устойчивого развития и глобальных интеграционных процессов.

Идеи и принципы Рио-92, приоритеты Повестки дня ООН на 21 век привлекательны для прогрессивных политиков и деловых людей тем, что они позволяют не только стимулировать процесс разработки национальных планов действий по устойчивому развитию, но и стали основой, фундаментом новых — гуманистически и социально ориентированных подходов к глобальным интеграционным процессам стран, различных по своему уровню политического, культурного, экономического и технологического развития и месту в мирохозяйственных связях и региональных отношениях.

На переломе тысячелетия очень важно выбрать верные стратегические приоритеты. Не должна оставаться в стороне от этого глобального интеграционного процесса и наша страна и весь регион Евразии, в котором экологический кризис, а также проблемы и приоритеты устойчивого развития имеют свою специфику. Она состоит в том, что **СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭПИЦЕНТР КОСМИЧЕСКОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В БИОСФЕРЕ ПЛАНЕТЫ ПО СВОИМ ЕСТЕСТВЕННЫМ ХАРАКТЕРИСТИКАМ ИЗВЕЧНО ОТНОСИЛИСЬ И ОТНОСЯТСЯ К ЭКОЛОГИЧЕСКИ НАИБОЛЕЕ УЯЗВИМЫМ.**

Достаточно назвать яркое проявление основных естественных (биосферных) факторов экологической уязвимости — мы находимся в эпицентре самой резкой в биосфере Земли глобальной евразийской континентальности. У нас преобладают пустынные, полупустынные и степные ландшафты и экосистемы. В постоянном и жестком дефиците вода и осадки, низкое (по сравнению с черноземным поясом Европы) плодородие основных почв, аграрных и иных угодий. Резкие сезонные и суточные колебания климата и температур. На значительной территории высокая сейсмоактивность... [4].

Сюда нужно прибавить высокие техногенные нагрузки на биогеоценозы (экосистемы) преимущественно добывающей индустрии природопользования, внедрившейся в экологически и без того уязвимые природные системы, до сих пор несущие угрозу населению и не ликвидированные опасные последствия ядерных взрывов с нереабилитированными массивами зон и полигонов военно-промышленного комплекса, площадь которых сопоставима с зерновым клином страны.

Мы считаем, что всякое промедление с включением Казахстана и других стран региона в глобальный процесс совместного поиска модели устойчивого развития опасно дальнейшим нарастанием и углублением кризисных явлений во всех сферах жизни общества — особенно в экономической, социальной, культурной. И эта стратегически новая, на основе принятых ООН принципов и идеологии устойчивого развития работа в Республике Казахстан и регионе уже начата.

Иссык-Куль. Три семинара с такой темой проведены в Алматы (12—14, 19—21 июля, 1, 3—4 августа), региональная в Лениногорске (ноябрь, 1995). В дискуссиях подчеркиваются двойственность региональных проблем и специфики отраслевых реформ: как **ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ УЯЗВИМОСТЬ СТРАНЫ УЧИТЫВАТЬ НА ГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЕ СО СЛОЖНОСТЯМИ ЭКОНОМИКИ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА.** [5]. В предлагаемой статье поднимаются естественно-научные, политические, правовые, экономические, социальные и иные аспекты

экологически наиболее уязвимых стран, без глубокого и адекватного анализа которых не могут быть эффективными антикризисные программы и проекты возрождения и устойчивого развития Казахстана. То есть идеи и приоритеты устойчивого развития и должны стать фундаментом антикризисных программ и основой согласования разных их направлений. Потому в анализе особое место занимают и стратегически важные концептуальные проблемы реформ.

Такой анализ нужен, во-первых, для того, чтобы корректно и полно учитывать идеи и принципы Рио-92 об устойчивом развитии в региональной политике с точки зрения исторически сложившегося уклада и современной структуры природопользования и места стран в глобальных рыночных процессах и прежде всего в рынке энергоносителей, а также, во-вторых, для того, чтобы глобальные, региональные и субрегиональные интеграционные процессы, приоритеты и проблемы реформ согласовывать с конкретным экологическим состоянием стран региона, их социально-экономическими проблемами, в том числе и в зонах экологического бедствия. [6].

Это нужно и потому, что Казахстан находится в глобальном эпицентре и перекрестке культур Востока и Запада, Севера и Юга, потому здесь во всей остроте проявляются наиболее неотложные мировые проблемы современной цивилизации, в том числе диктуемые переходным периодом. И в это зеркало пестрых Евразийских противоречий реформ и развития нужно смотреть не только через призму пока довлеющих западных подходов. Глобальное устойчивое развитие и экономическое равновесие мира может складываться только при условии, если в интеграционных процессах адекватно и верно учитываются процессы реформ в странах Центральной Азии, с которыми мы имеем глубочайшие исторические, культурные, духовные, экономические и иные связи. Они очень важны и для глобальных мировых процессов интеграции и устойчивого развития, которые не понять без полного учета всего спектра проблем региона.

2. О причинах экологической уязвимости региона.

Сегодня чтобы напиться путнику в степи или пустыне и даже жителю аула, села, райцентра, недостаточно найти колодец или кран водопровода, а нужно убедиться, что вода в них не опасна для здоровья. В странах Центральной Азии нет, пожалуй, ни одного природного источника, из которого можно было бы напиться без риска для здоровья. Извечный афоризм степняков — «вода — это жизнь» обретает социальное и эколого-политическое значение: чистая вода — это здоровье и устойчивое экономическое и человеческое развитие зоны, региона, страны. Общепризнанный критерий социальной экологии: общественное здоровье населения, как и качество питания, прямо зависят прежде всего от качества питьевой воды и качества вдыхаемого воздуха как основных компонентов биосферы страны. А основные загрязнители и разрушители естественной цельности и экологического равновесия биосферы — объекты и отрасли природопользования: сельское и водное хозяйства, добывающая и перерабатывающая промышленность, транспорт и дру-

В. Н. Василенко

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА И ЗДОРОВЬЕ ОБЩЕСТВА

1. НА ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА В ГОД ПЕРЕРАБАТЫВАЕТСЯ ВЕЩЕСТВА ПРИРОДЫ В БИОСФЕРЕ И ЭКОСИСТЕМАХ ЗЕМЛИ: В РАЗВИТЫХ СТРАНАХ МИРА В СРЕДНЕМ — 10—15—20 тонн (США, ФРГ, ЯПОНИЯ, ФРАНЦИЯ и др.) В КАЗАХСТАНЕ 45—50 тонн (добыча и переработка: 90/10 и 10/90%)
2. С ПИЩЕЙ, ВОДОЙ, ВОЗДУХОМ. В ОРГАНИЗМ ЧЕЛОВЕКА ПОПАДАЕТ от 50 до 80 тыс. (веществ) ксенобиотиков ЗАЩИТНЫЕ СИСТЕМЫ ОРГАНИЗМА ЧЕЛОВЕКА СПОСОБНЫ ВЫВЕСТИ 6, НЕЙТРАЛИЗОВАТЬ ВРЕДНЫХ ТОЛЬКО 2—4 тыс. В-В
3. ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА ЗАВИСИТ ОТ: 50% — УСЛОВИЯ ЖИЗНИ В ОБЩЕСТВЕ (жилье, питание, вода, работа)
15—20% генетическая устойчивость организма (феномен СПИД, ВИЧ)
15—20% — качество окружающей среды (ЭКОЛОГИЯ БЫТА, ТРУДА, ОТДЫХА) в биосфере Земли.
8—10% СОСТОЯНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ (экологическое здравоохранение)
4. УРОВЕНЬ ВЫДЕЛЕНИЯ СРЕДСТВ НА ЭКОЛОГИЮ И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ — ЭТО ИНДИКАТОР КАЧЕСТВА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СТРАНЫ: (ВВП) НА ЭКОЛОГИЮ — 3—5% в США, ЯПОНИИ, ФРГ, ФРАНЦИИ, АНГЛИИ, ШВЕЦИИ и др. развитых странах. До ОДНОГО % в бывшем СССР, МЕНЬШЕ ПОЛУПРОЦЕНТА — Казахстан.
На ЗДРАВООХРАНЕНИЕ: развитые страны — 5—10—12%

ПЕРЕХОДНЫЕ СТРАНЫ: КАЗАХСТАН — 1994 г. = 2,7% (из 92,9 млрд выделено 2,4 МЛРД. Т. 1995 4% (из 150,4 млрд „ 6,1 млрд. т.

5. РАСХОДЫ НА СОЦИАЛЬНУЮ ЗАЩИТУ ПОСТРАДАВШИХ ПО ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ПРИЧИНАМ: из 92 975 млн т. 6,5 млрд т. = 7,2% бюджета
ЗОНА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО БЕДСТВИЯ В ПРИАРАЛЬЕ — 2,4 млрд. т. = 2,7% бюджета
СЕМИПАЛАТИНСКИЙ ПОЛИГОН — 4,1 млрд. т. = 4,5% бюджета
В 1995 году всего из 150,5 млрд. — 3,3 млрд. т. = 2,2%.
В 1994 г. Отчисление в фонд ОХРАНЫ ПРИРОДЫ = 19 млн. т. = из 92 975 млн. тенге бюджета.
В 1995 г. . . . , 102 млн. т. из 150 435 млн. т.
ЭКОЛОГИЧЕСКИ ОПАСНЫЙ ДЛЯ ПЕРЕХОДНЫХ СТРАН ПАРАДОКС: НЕ ВЫДЕЛЯЯ НЕОБХОДИМЫХ СРЕДСТВ НА ОХРАНУ ПРИРОДЫ, вынуждены ПЛАТИТЬ НА ПОРЯДОК И ДВА ПОРЯДКА БОЛЬШЕ ЗА СОЦИАЛЬНУЮ ЗАЩИТУ И НА КОМПЕНСАЦИЮ ПОСТРАДАВШИМ ПО ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ПРИЧИНАМ.

В. Н. Василенко

КЛАССИФИКАЦИЯ ГОСПОДСТВУЮЩЕГО ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К ПРИРОДЕ ЗЕМЛИ (НООСФЕРНЫЙ АНАЛИЗ БИОСФЕРНОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ПРАКТИКИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ)

1. РЕСУРСНО-СЫРЬЕВОЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ (Природа — источник богатств, пространство жизни, кладовая ресурсов) ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЯ: ОТ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ НЕИСТОЩИМОСТИ — К ОСОЗНАНИЮ ДЕФИЦИТА РЕСУРСОВ, СЫРЬЯ
2. РЕСУРСНО-СЫРЬЕВОЕ И СРЕДОВОЕ (ОСОЗНАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ НАГРУЗОК НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ) В ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИИ ПОСТЕПЕННОЕ ВВЕДЕНИЕ ГОСУДАРСТВОМ РЕЖИМА И ИДЕОЛОГИИ ОЦЕНКИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ — система ОВОС, ВОЗНИКНОВЕНИЕ В ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИИ ПРИНЦИПА — ЗАГРЯЗНИТЕЛЬ ПЛАТИТ, учет его в ПОЛИТИКЕ, праве, ЭКОНОМИКЕ
3. РЕСУРСНО-СЫРЬЕВОЕ и ЛАНДШАФТНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ — ОСОЗНАНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ ЭКОСИСТЕМ, НЕОБХОДИМОСТИ ОПТИМИЗАЦИИ СТРУКТУРЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ НА ЭКОЛОГИЧЕСКИ ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫЕ, ЭКОНОМИЯ НАЦ. РЕСУРСОВ, ВНЕДРЕНИЕ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАМКАХ ПРИНЦИПА ЗАГРЯЗНИТЕЛЬ ПЛАТИТ, ИМПОРТ ОЧИЩЕННОГО ОТ ОТХОДОВ СЫРЬЯ, экспорт ГРЯЗНЫХ ПРОИЗВОДСТВ, ТЕХНОЛОГИИ
4. БИОСФЕРНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ РЕСУРСНО-СЫРЬЕВОЕ — ОСОЗНАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ЛИМИТИРУЮЩИХ ФАКТОРОВ, СОЗДАНИЕ НАДЕЖНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ, ВВЕДЕНИЕ СИСТЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА И СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, РАЗВИТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, совершенствование и углубление экологических знаний, ВОСТРЕБОВАННОСТЬ И УЧЕТ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ, НОРМ, СТАНДАРТОВ В УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ и институтах ВЛАСТИ.
ОСОЗНАНИЕ ИМПЕРАТИВОВ ЭКОЛОГИЧЕСКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ГЛОБАЛЬНЫХ, РЕГИОНАЛЬНЫХ МАСШТАБАХ
5. НООСФЕРНО-БИОСФЕРНОЕ — ИДЕИ В. ВЕРНАДСКОГО, их развитие другими учеными и учет в современной теории выживания и устойчивого развития и оздоровления в странах, переживающих экологический кризис и ОСОБЕННО ОТНОСЯЩИХСЯ К СТАТУСУ ЭКОЛОГИЧЕСКИ УЯЗВИМЫХ СТРАН

гие коммуникации и вообще инфраструктура национальной техносферы общества. На 1-ой схеме показаны «Факторы, определяющие качество жизни человека и здоровье общества».

На схеме подробно показана зависимость социальных проблем экологически уязвимых зон от техногенных воздействий природопользования и неучета в нем экологических ограничений и требований населения. Достаточно сказать, что при сложившейся преимущественно добывающей и перерабатывающей индустрии природопользования в Казахстане в среднем на душу населения в год в технологических переделах преобразуется в химических, физических, механических и иных процессах от 30 — до 50 тонн вещества, значительно выше, чем в большинстве стран мира. [7]. Из этого объема с пользой применяется не более 95—90 процентов, а остальное является загрязнителем и деструктором и без того весьма уязвимых степных и пустынных экосистем биосферы.

Это означает, что в зонах традиционного размещения и развития добывающей и перерабатывающей промышленности и индустриальных гигантов сложились техногенные биогеохимические провинции с высоким уровнем загрязнений окружающей среды, которые резко повысили риски техногенных же не только профессиональных, но и локальных заболеваний, которые накладываются и на динамику краевых патологий населения. Это подтверждает установленный академиком В. И. Вернадским постулат природопользования: окружающая среда планеты Земля для всех ее живых организмов, в том числе и человека есть биосфера [8]. То есть **УСТОЙЧИВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ** (его естественно-историческая основа — природопользование) любого общества может происходить только в рамках **ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ, ОПРЕДЕЛЯЕМЫХ СПЕЦИФИКОЙ БИОСФЕРНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СТРАНЫ И СЛОЖИВШЕЙСЯ В НЕЙ СИСТЕМОЙ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ**.

На 2-ой схеме показана классификация господствующего отношения человека, общества и человечества к природе Земли (биосфере), выполненная с учетом ноосферных принципов анализа практики природопользования [9]. Нам нужно преодолевать традиционное игнорирование прямой зависимости: в основе устойчивого экономического и социального развития лежат природные экологические факторы страны, которые и определяют необходимость соблюдения экологических требований. И эти ограничения нужно учитывать прежде всего в стратегических приоритетах и направлениях реформы политических институтов, правовых инструментов и экономических структур, тем более всей системы отношений природопользования в странах региона.

С точки зрения современной ситуации это новые проблемы. И потому они нуждаются в новых подходах к анализу. Хотя бы потому, что обсуждение проблемы, многочисленные проекты и программы конференций, симпозиумов и совещаний по острейшей и усложняющейся теме пока не дают населению и странам радикальных методов решения. Выявляется феноменальный парадокс осознания необходимости принципиально новых подходов людей к извечным проблемам природопользования: от психологии покорительства и потребительства — к учету экологических требований во всех видах, формах, отраслях, на всех

объектах природопользования. То есть необходимо от следствий идти к причинам. Но для этого необходима адекватная ситуации методология и методика анализа проблем и выражающих их причинно-следственных связей. Удивительно, что эту методику не нужно выдумывать ученым — она была опробована тысячелетним опытом борьбы за выживание (здесь больше подходят понятия — приспособление, адаптация) всех поколений кочевников, исторически и весьма рационально осваивавших сурово-неприветливое для иноземных путешественников и исследователей евразийское пространство — время. Потому что «казахи кочуют не ради того, чтобы кочевать, а в силу климатических условий своей страны. Человек — раб среды своего обитания. Занимаемые казахами территории малоприспособлены для земледелия» [10].

Обратите внимание: ни на первой, ни на второй схемах не выделен **ФЕНОМЕН КОЧЕВОГО УКЛАДА, А ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КОЧЕВНИЧЕСТВА ПОКАЗЫВАЕТ, ЧТО ВСЕ ФОРМЫ И ВИДЫ НОМАДНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ ЯВЛЯЮТСЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИ НАИБОЛЕЕ ГИБКИМИ, РАЦИОНАЛЬНЫМИ. В НЕМ ИЗВЕЧНО МАТЕРИАЛИЗОВАЛАСЬ ФИЛОСОФИЯ УСТОЙЧИВОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ, БЕЗ КОТОРОЙ КОЧЕВНИКИ ПОПРОСТУ БЫ НЕ ВЫЖИЛИ В ЖЕСТКИХ УСЛОВИЯХ РЕЗКОЙ КОНТИНЕНТАЛЬНОСТИ**. Это одно из опасных для развития человечества заблуждений — считать кочевые цивилизации, кочевые уклады природопользования, этику и культуру, философию и психологию приспособления к природе, адаптации к суровым условиям степи и пустыни варварскими, отсталыми, ушедшими в прошлое. Их нужно оценивать и осмысливать заново — экологически.

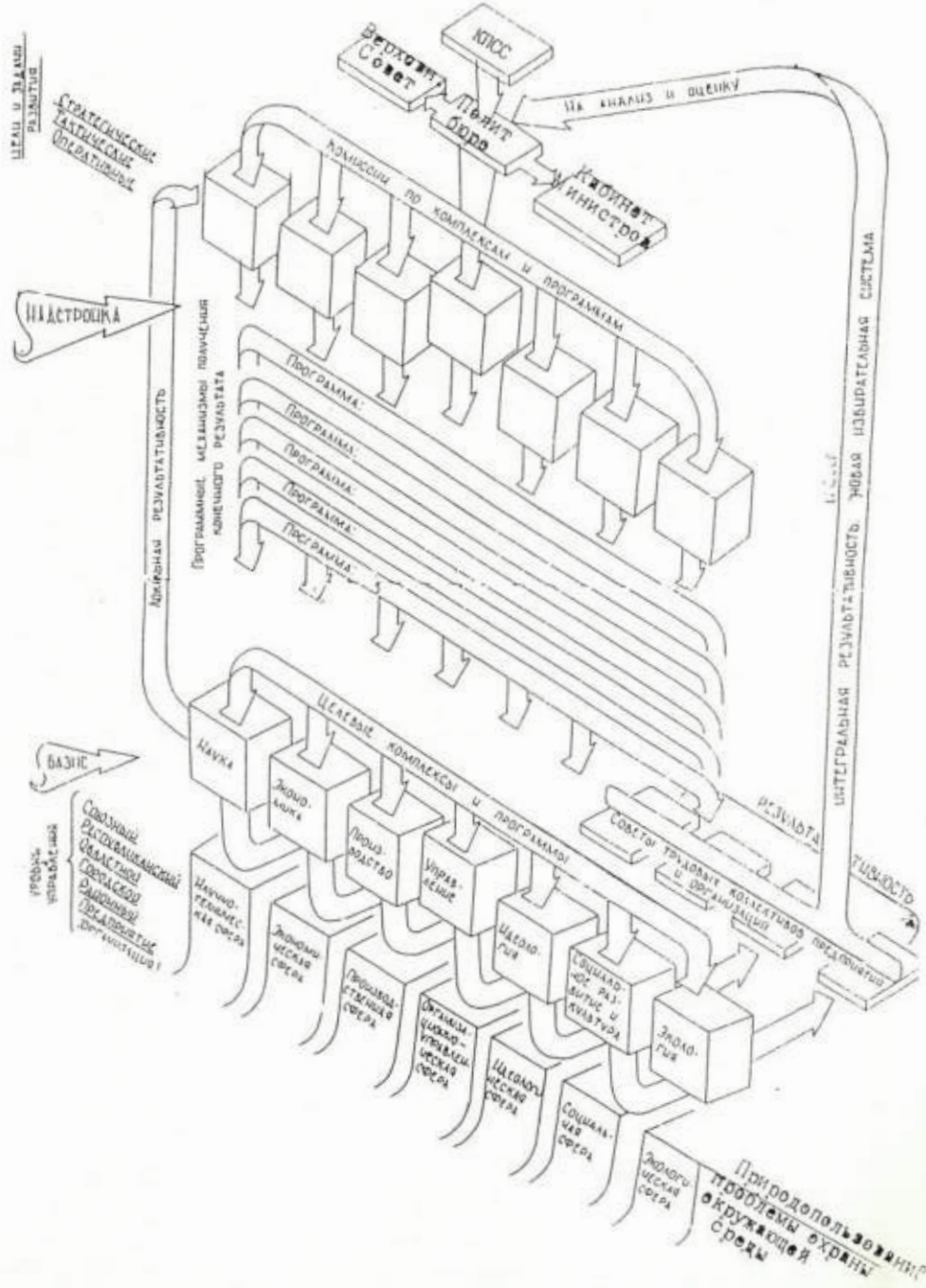
Более того, феномен кочевников исторически подтверждает то, что они не могли не учитывать в укладах природопользования естественные факторы экологической уязвимости стран в нашем и других подобных регионах глобальной целостной экосистемы биосферы Земли. Но с самого начала процессов индустриализации природопользования, и особенно при бурном развитии добывающих и перерабатывающих производств в пределах экологически уязвимых регионов стала преобладать идеология покорительства, а кочевников не только оттеснили на периферию природопользования, но и игнорируется их уникальный исторический, даже генетический опыт экологически адаптивного отношения к природе.

Покорительство, даже экологический волюнтаризм стали довлеющим и в общей стратегии политики и экономики природопользования стран. Это его следствие — экологические проблемы Приаралья, военных полигонов, крупных городов и промышленных центров, даже целых отраслей. Та же ядерная энергетика, грязные черная металлургия, химическая промышленность, выбросы транспорта — это результат игнорирования экологических ограничений в природопользовании. То есть естественная экологическая уязвимость страны и региона усугубилась техногенной, и в совокупности два фактора поставили страну на грань экономического, структурного, технологического и иных проявлений кризиса. Они совпали с процессом реформ в политической, правовой, экономической и социальной сфере. В этом принципиальное отличие экологической ситуации в нашей стране — структура этой проблемы по-

Разрушенная система управления и место в ней экологии (остаточный принцип)

Бондарев А.Н.

ПРИНЦИПАЛЬНАЯ СХЕМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТОВ

МОДЕЛЬ-1

Структура ноосферы; система ОВОС и экомониторинг

СТРАТЕГИЯ РЕФОРМ: ОТ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ УЯЗВИМОСТИ — К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

(Смотри тезисы КИСИ) экологический статус природопользования (экотехнополис) страны, региона — объекты управления

Принцип Декларации ООН Рио — 92, статья 31 Конституции: Закон об охране окружающей природной среды; Кодекс природопользования (о Земле, Водной, Лесной, О недрах...)

- А — экология биосферы региона (естественно-научные аспекты экологической безопасности и устойчивого развития страны);
- Ноосферно-биосферный принцип ОВОС и экологического мониторинга страны и мира;
- Биосферно-экологическая характеристика и особенности природных систем, сред (биогеоценоз), ресурсов;
- Выделение лимитирующих биосферных компонентов, факторов, ресурсов устойчивого развития; земельные и биотические, водные;
- погодно-климатические, минерально-сырьевые, средовые (и пространственно-временные);

- В — инженерная экология региона (научно-технические аспекты экологической безопасности и устойчивого развития);
- Научно-технически проблемы экологического мониторинга природопользования страны;
- специализация и индустриально-экологическое состояние отрасли природопользования (природо-промышленные системы) в среде страны;
- Учет лимитирующих биосферных компонентов, факторов, ресурсов и смыва для устойчивого развития;
- в сельском и иных хозяйствах, троплениях;
- в промышленности, энергетике, коммунальных и жизнеобеспечивающих поселений, зон и территорий;

- Г — политическая и социальная экология (индекс устойчивого человеческого развития);
- концепция экологической безопасности страны;
- Основные направления экологической политики;
- социально-экологическое состояние, последствия естественных и техногенных воздействий природопользования (индексы экологической рента);
- экологическая осознанность, социальное-психологический дисморфизм населения зон бедствия, кризиса, риска;
- социальная защита и реабилитация пострадавших (социальный энорента);

- проблемы экологического мониторинга безопасности технических воздействий (ОВОС, ЦДК);
- структура, инструмент и координаты экологической ренты страны;
- проблемы биосферно-экологического зонирования и районирования природопользования в стране;
- проблемы государственной экологической экспертизы и создания системы экологической безопасности природопользования;
- экологическое образование кадров для природопользования

Разработка и создание проектов экотехнополисов разного статуса

- проблемы экологического проектирования безопасности технических воздействий (ОВОС, ЦДК, ВСВ, ЦДК);
- структура, инструмент и координаты экологической ренты страны;
- проблемы биосферно-экологического зонирования и районирования природопользования в стране;
- проблемы государственной экологической экспертизы и создания системы экологической безопасности природопользования;
- экологическое образование кадров для природопользования

- экологические проблемы здравоохранения, экологии и санитарно-эпидемиологическая обстановка;
- экология человека и экотехнокология;
- экология и устойчивое человеческое развитие в регионе и стране;
- экология человека и глобально-бренкл болезней и локальных и региональных проявлениях, ВИЧ (СПИД);
- экологическая медицина и экологическое образование врачей

- проблемы политической и социальной экологии общества и региона (отраслевой энорента);
- проблемы статуса экологически уязвимой страны, региона;
- эколого-экономическое районирование и зонирование на основе коэффициента энорента;
- проблемы экологического зонирования, проселения и репитации в обществе;
- экологическое образование: кадров управления, политики, экомонистов, юристов и др.

В. ВАСИЛЕНКО

НООСФЕРНО-БИОСФЕРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ СХЕМЫ ДЛЯ КАЗАХСТАНСКОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ НА 21 ВЕК.

СТРАТЕГИЯ РЕФОРМ: ОТ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ УЯЗВИМОСТИ — К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

(Смотри тезисы КИСИ) экологический статус природопользования (экотехнополис) страны, региона — объекты управления

Принцип Декларации ООН Рио — 92, статья 31 Конституции: Закон об охране окружающей природной среды; Кодекс природопользования (о Земле, Водной, Лесной, О недрах...)

- А — экология биосферы региона (естественно-научные аспекты экологической безопасности и устойчивого развития страны);
- Ноосферно-биосферный принцип ОВОС и экологического мониторинга страны и мира;
- Биосферно-экологическая характеристика и особенности природных систем, сред (биогеоценоз), ресурсов;
- Выделение лимитирующих биосферных компонентов, факторов, ресурсов устойчивого развития; земельные и биотические, водные;
- погодно-климатические, минерально-сырьевые, средовые (и пространственно-временные);

- В — инженерная экология региона (научно-технические аспекты экологической безопасности и устойчивого развития);
- Научно-технически проблемы экологического мониторинга природопользования страны;
- специализация и индустриально-экологическое состояние отрасли природопользования (природо-промышленные системы) в среде страны;
- Учет лимитирующих биосферных компонентов, факторов, ресурсов и смыва для устойчивого развития;
- в сельском и иных хозяйствах, троплениях;
- в промышленности, энергетике, коммунальных и жизнеобеспечивающих поселений, зон и территорий;

- Г — политическая и социальная экология (индекс устойчивого человеческого развития);
- концепция экологической безопасности страны;
- Основные направления экологической политики;
- социально-экологическое состояние, последствия естественных и техногенных воздействий природопользования (индексы экологической рента);
- экологическая осознанность, социальное-психологический дисморфизм населения зон бедствия, кризиса, риска;
- социальная защита и реабилитация пострадавших (социальный энорента);

- проблемы экологического мониторинга безопасности технических воздействий (ОВОС, ЦДК);
- структура, инструмент и координаты экологической ренты страны;
- проблемы биосферно-экологического зонирования и районирования природопользования в стране;
- проблемы государственной экологической экспертизы и создания системы экологической безопасности природопользования;
- экологическое образование кадров для природопользования

МОДЕЛЬ-2

ГЕНЕРАЛЬНАЯ СХЕМА ДЛЯ КАЗАХ
СТРАТЕГИЯ РЕФОРМ: ОТ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ
НА Д С Т Р О И К А: ИНСТИТУТЫ, ИНСТРУМЕНТЫ,

СТРУКТУРЫ НООСФЕРЫ: информационно - аналитическое и научно-техническое обеспечение экобезопасности и устойчивого развития; ЭКОМОНИТОРИНГ СТРАНЫ	Конституция Республики Казахстан, статья 31	Повестка Дня ООН на 21 век	ДЕКЛАРАЦИЯ ООН Рио-92
	ОСОБЫЙ СТАТУС С ЭКОНОМИКОЙ		
НАН РК; ВУЗы, ГПИ, НИИ.	ОБЩЕСТВО ЧЕЛОВЕК И ГРАЖДАНИН (НПО, партии, движения, фонды, профсоюзы)	Закон об охране окружающей природной среды (биосферы)	Кодексы: Гражданский, ПРАВОВОЙ, РАЗВИТИЯ:
		ПРЕЗИДЕНТ Администрация	ПАРЛАМЕНТ Сенат Мажилис Комитеты
КИСИ, ИФ, АСН,	КАЗАХСТАНСКАЯ (ПРИОРИТЕТЫ НАЦИ		
	БЛОКИ: СОЦИАЛЬНЫЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ (ЭКОПОЛИТИКА)	ПОЛИТИЧЕСКИЙ (АСПЕКТЫ СТАТУСА ПЕРЕ	
КИСИ: ТЕЗИСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИИ (УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ)	ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ДОГОВОРЫ СУБЪЕКТОВ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВО — ХОЗСУБЪЕКТ) объектные, отраслевые, муниципальные, за загрязнение и		
	МЕСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ НПО) И		
Национальный Совет ПО УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ (НСУР)	НАСЕЛЕНИЕ И ОБЪЕКТЫ ЗОНЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ	СУБЪЕКТЫ ОБЪЕКТЫ	
	СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА: КАЧЕСТВО СКОГО РАЗВИТИЯ В СТРАНЕ И питание, водоснабжение, образование, труда и		
	ПРОИЗВОДСТВЕННО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СФЕРА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ	(УСТОЙ РАЗ	
	ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС		
	ПРИРОДНО-ЗАПОВЕДНЫЙ ФОНД ЭНЕРГЕТИКА,		
	А — ЭКОЛОГИЯ БИОСФЕРЫ		
	(КОЧЕВЫЕ И ОСЕДЛЫЕ		

СТАНСКОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ НА 21 ВЕК: В. ВАСИЛЕНКО
УЯЗВИМОСТИ — К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ
МЕХАНИЗМЫ И СУБЪЕКТЫ У П Р А В Л Е Н И Я

Экологические конвенции ООН: О биоразнообразии, Об изменении климата О борьбе с опустыненем, и другие

ЭКОЛОГИЧЕСКИ УЯЗВИМОЙ СТРАНЫ
ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

О земле, Водный, О недрах, Лесной и другие (ЭКОРЕНТА)
Налоговый, О страховании и другие ОСНОВНОЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП УСТОЙЧИВОГО ЗАГРЯЗНИТЕЛЬ ПЛАТИТ (ЭКОРЕНТА)

ПРАВИТЕЛЬСТВО Министерства	КОНСТИТУЦИОННЫЙ СОВЕТ	СУДЫ И ПРАВОСУДИЕ
-------------------------------	-----------------------	-------------------

П О В Е С Т К А Д Н Я Н А 21 В Е К
ОНАЛЬНОЙ АНТИКРИЗИСНОЙ ПРОГРАММЫ)

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРАВОВОЙ
ЭКОЛОГИЧЕСКИ УЯЗВИМОЙ СТРАНЫ С ЭКОНОМИКОЙ
ХОДНОГО ПЕРИОДА: ЭКОРЕНТА)

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ОТНОШЕНИЙ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ (НАСЕЛЕНИЕ — ЭКОТЕХНОПОЛИСЫ: ДОГОВОРЫ о природопользовании — региональные и другие (распределение ответственности и платы воздействие: экорента, платежи, налоги, цены...)

И ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ (АКИМ, МАСЛИХАТ, ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНА

И ХОЗЯЙСТВУЮЩИЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ	ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ (ЭКОРЕНТА) МЕХАНИЗМЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ
------------------------------------	---

ЖИЗНИ И ТРУДА (ИНДЕКСЫ УСТОЙЧИВОГО ЧЕЛОВЕЧЕ- РЕГИОНАХ) (состояние мест жилья, здравоохранение, отдыха; (глобальное бремя болезней); коммбытхозяйство; наука, культура;

ЧИВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ (ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ) ВИТИЕ (ЭКОТЕХНОПОЛИСЫ — УСТОЙЧИВАЯ ЭКОЛОГО- ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ)

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ (ЭКОТЕХНОПОЛИС) В СТРАНЕ

СЕЛЬСКОЕ, ВОДНОЕ, ЛЕСНОЕ И ИНЫЕ ХОЗЯЙСТВА, ИНФРАСТРУКТУРА

Б — ИНЖЕНЕРНАЯ ЭКОЛОГИЯ В — ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА Г — ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ
У К Л А Д Ы ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ)

казана на принципиальной схеме деятельности Советов (схема 3-ья), то есть разрушенной системе государственного управления, в которой преобладали остаточные подходы к проблемам охраны окружающей среды. Здесь экономика и политика экологически обезличены.

При глобализации экономических, технологических, политических и иных проблем и процессов нельзя не учитывать, что в ЕВРАЗИИ ПРОЛЕГАЕТ ГРАНИЦА СОЕДИНЕНИЯ И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ ДВУХ ОСНОВНЫХ УКЛАДОВ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ — КОЧЕВОГО, который исповедует идеологию наиболее рационального использования природных дефицитов, и ОСЕДЛОГО, СТАЦИОНАРНОГО. Но если в первом доминирует психология и техника, этика и экономика, политика и философия приспособления к экологическим ограничениям, то второму больше присуща ПСИХОЛОГИЯ ПОКОРИТЕЛЬСТВА, ГОСПОДСТВА, ПРЕОБРАЗОВАНИЯ, перекройки и переброек. С разными формами таких проявлений покорительства мы до сих пор сталкиваемся в практике природопользования. И очень медленно усваивается истина, что в основе любых экономических отношений лежат естественные экологические ограничения природных ресурсов биосферы страны, то есть ее экологического пространства, которое является частью, сектором, регионом глобального экологического пространства общего Земного дома человечества. В этом смысле проблемы Приаралья — это индикатор близоруких действий политиков в национальных, региональных, межгосударственных и даже глобальных процессах и масштабах природопользования, в которых не уделялось адекватного экологическому состоянию региона внимания проблемам охраны окружающей среды. То есть охраны экологически уязвимого региона биосферы Земли.

3. От биполярности мира — к новому глобализму.

На схеме 2-ой сделана краткая классификация и характеристики господствующих отношений человека и общества к природе, разработанная на основе предложенных В. И. Вернадским принципов ноосферного и биосферного анализа природопользования. [11]. У нас пока преобладает ресурсно-сырьевое и географическое, с элементами средового и ландшафтно-экологического. Но наиболее полную и адекватную действительному экологическому состоянию страны характеристику природопользования и оценку методов управления охраной окружающей среды можно сделать на основе постулатов ноосферного анализа и принципов биосферного естествознания всякой практики природопользования — смотрите пункты 4 и 5 классификации. Кстати, именно ноосферный анализ и принципы биосферного естествознания позволяют непредвзято оценивать и экологический феномен кочевого уклада природопользования, его преимущества (и недостатки) по сравнению с оседлым.

Основной постулат биосферного естествознания для практики природопользования прост: человек и общество находится не просто внутри природы, а ВНУТРИ БИОСФЕРНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ПРИРОДЫ. [12] и всякое природопользование человека и общества на Земле есть биосферное природопользование. Это основ-

ной постулат фундаментальной и прикладной политической и социальной экологии, которые являются теоретической основой экологической безопасности и устойчивого развития человечества и стран в конкретных регионах биосферы. А в экологически уязвимом Евразийском регионе биосферы эту проблему острее всего видно потому, что здесь сосредоточены (по нашему мнению) наиболее актуальные проблемы Центральной Азии. Видимо, не случайно в Казахстане (на курорте Боровое) Вернадским завершены основные труды — учение о биосфере и ноосфере, которые пока плохо знакомы западным ученым и даже разработчикам идей и принципов Декларации ООН Рио-92. Впрочем, термин, глобальное понятие биосфера (сфера жизни и выживания человечества на планете Земля) все чаще употребляется в документах ООН (особенно в конвенциях о биоразнообразии и о борьбе с опустыниванием), но очевидные все для большего числа ученых принципы биосферного естествознания еще не стали общепринятыми для экспертов при анализе проблем выживания и для политиков при принятии решений по вопросам охраны окружающей среды (окружающая среда и есть ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОСИСТЕМА БИОСФЕРЫ!) и устойчивого природопользования.

Драматический историко-экологический опыт Казахстана диктует необходимость новых, ноосферно-биосферных подходов к глобальным, региональным и национальным проблемам и приоритетам возрождения и устойчивого развития природопользования стран и человечества. Показанные выше ноосферно-биосферные постулаты и принципы взаимодействия человека и общества с природой в биосфере Земли вообще снимают проблему биполярного деления — противопоставления проблем индустриального Запада и кочевого Востока. Нужно снимать противоречия между технологически развитым Севером и отсталым (развивающимся) Югом на основе более полного и адекватного для целей устойчивого развития учета истории приспособления и выживания кочевых и оседлых укладов природопользования в конкретных природных условиях стран.

Это поможет наиболее корректно ранжировать и приоритизировать глобальные проблемы УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ИХ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ЛОКАЛЬНОЙ ТРАКТОВКЕ. Речь идет о ноосферных подходах и принципах биосферного естествознания как концептуальном фундаменте НОВОГО ГЛОБАЛИЗМА, КОТОРЫЙ ПОЗВОЛЯЕТ КАЖДОЙ СТРАНЕ НАИБОЛЕЕ АДЕКВАТНО ИХ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКЕ УЧИТЫВАТЬ ИДЕИ И ПРИНЦИПЫ ДЕКЛАРАЦИИ ООН РИО-92, А ЧЕРЕЗ ИХ ПРИЗМУ — НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ НА 21 ВЕК.

Развернуто структура нового видения проблемы представлена на 1 модели «Ноосферно-биосферная концепция генеральной схемы для Казахстанской Повестки Дня на 21 век. Стратегия реформ: от экологической уязвимости — к устойчивому развитию. Экологический статус природопользования страны. Базис — объекты управления». Эта модель позволяет в научной проблеме экологической уязвимости и безопасности выделять четыре основных и концептуально взаимосвязанных стороны природопользования в государстве: естественно-научную

(смотрите блок А — ЭКОЛОГИЯ БИОСФЕРЫ), научно-техническую (блок Б — ИНЖЕНЕРНАЯ ЭКОЛОГИЯ), ГУМАНИТАРНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ (В — ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА) и блок Г — проблемы ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИИ.

На блок Г проблемы мы обращаем больше внимания только потому, что проблемы экологической политики любой страны можно адекватно решать только на строгом, конкретном и корректном естественно-научном фундаменте знаний и отобранного практикой природопользования многих поколений опыта жизни в родной природе, с учетом региональных и локальных экологических ограничений, диктуемых лимитирующими компонентами и факторами, характеристиками и ресурсами страны. Именно этой мудрости учились кочевники у экосистем степи и пустыни. Все понимают, что в сейсмоопасной зоне нужно учитывать затраты на особую прочность (адекватность нагрузкам) фундаментов, стен и перекрытий. Эти экологические требования относятся в равной мере к институтам хозяйствования, экономики, права и политике природопользования в биосфере. Увы, при волюнтаристской психологии и философии покорительского отношения к природе плохо воспринимаются ноосферные постулаты и биосферно-экологические императивы ограничений власти, которые должны быть заложены в систему государственных политических, правовых и тем более экономических отношений. К сожалению, наша и другие страны оказались полигоном таких волюнтаристских ошибок, стереотипов и заблуждений ученых и политиков, за которые расплачиваются своим здоровьем уже несколько поколений.

Ноосферный анализ и принципы биосферного естествознания позволяют видеть общие методологические и концептуальные связи всех блоков, необходимость их постоянного согласования и сочетания при принятии управленческих решений и действий на всех этажах и во всех институтах власти и управления. В том числе, разумеется, хозяйственно-экономического, финансового, банковского, коммерческого секторов развития страны. В блоках А, Б, В и Г (1-ая модель) выстроены пирамиды проблем, и каждая из них заслуживает подробного и детального анализа. Но мы просто обращаем внимание на то, что для правильного определения стратегии и выбора приоритетов устойчивого развития для любой страны и особенно экологически уязвимой, в блоке А нужно приоритетно выделять и учитывать прежде всего ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЛИМИТИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ БИОСФЕРЫ (с выделением характеристик «лимитов» почв, пастбищ, воды, климата, сейсмичности и других на локальном, региональном и национальном уровне биогеоценозов (экосистем)).

Биосферная феноменальность кочевничества и заключается в уникальном опыте учета границ естественного экологического лимитирования нагрузок природопользования на биогеоценозы пустыни, степи, тундры, прерий, саванны... Это вовсе не преувеличение и романтизация экзотического номадизма, а новое, научное осознание необходимости возвращения к такому опыту природопользования и выживания, который поможет наиболее полно и адекватно учитывать ЛИМИТИРУЕМЫЕ БИОСФЕРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ, ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ, выделенные в блоке Б.

Эта цепочка причинно-следственных связей четко видна и в блоках В и Г. Экологические проблемы групп людей и производств экологического риска видны в блоках В и Г. Для этого достаточно просмотреть выявляющиеся в странах региона (да и всей биосферы) последствия игнорирования экологических требований (естественных, биосферных — лимитирующих и искусственно инженерно-экологически лимитируемых), которые перечислены в колонках «В — экология человека» и «Г — политическая и социальная экология». В Казахстане эта проблема отражена в госбюджетах — на социальную защиту пострадавших по экологическим причинам выделяется средств на несколько порядков больше, чем на охрану природы [13]. С государственной, социальной, гуманистической да и экономической точки зрения выгоднее средства расходовать на предупреждение причин, чем на ликвидацию последствий. Прогрессия усиления отрицательных техногенных воздействий и рисков загрязнений выражается катастрофическими экономическими и социальными потерями страны. Нигде за политические ошибки так дорого не расплачивается страна, как в экологии природопользования.

Принципы и приоритеты нового глобализма позволяют уйти от упрощенного и даже спекулятивного толкования идей устойчивого развития, а в стратегической структуре проблем и приоритетов экологической безопасности страны четко выделять уже названные выше четыре основных блока (1-ая модель) — естественно-научный (А), научно-технический (Б), гуманитарный, человеческий (В), социально-политический (Г) с их конкретной географической привязкой к региональным, национальным и локальным особенностям биосферы и сложившейся системы природопользования. Даже учитывать глобальную специализацию природопользования стран в биосфере Земли. Потому **НОВЫЙ ГЛОБАЛИЗМ — есть ГЛОБАЛИЗМ НООСФЕРНО-БИОСФЕРНЫЙ**. Его основой становятся глобальные проблемы и приоритеты выживания и устойчивого экономического и человеческого развития с учетом региональных особенностей и приоритетов интеграции всех стран в мировые процессы. Его принципы и приоритеты позволяют каждой стране найти **СВОЮ МОДЕЛЬ ПОВЕСТКИ ДНЯ НА 21 ВЕК В БИОСФЕРЕ ЗЕМЛИ** — с учетом всего спектра и пирамиды проблем и приоритетов возрождения и устойчивого развития на фундаменте исторического опыта.

4. Экологически уязвимым странам нужен особый статус.

Хотим обратить внимание на то, что это не просто умозрительная модель, а попытка ноосферного анализа сложнейших противоречий взаимодействия общества с природой в биосфере Земли, который поможет избежать новых и опасных для переживающей реформу страны последствий в области экологической, социальной, экономической, правовой и тем более научно-технической политики. Ноосферно-биосферный анализ проблем природопользования позволяет читать принципы Декларации ООН с четкой их актуализацией к национальным, региональным и даже отраслевым приоритетам. Подробная структурно-функциональная система приоритетов развернута на 2-ой модели «Генеральная схема для Казахстанской Повестки дня на 21 век. Стратегия ре-

форм: от экологической уязвимости — к устойчивому развитию (надстройка: институты, инструменты, механизмы и субъекты управления)».

Обратите внимание: модели 1 и 2 зеркальны и симметричны по всем основным структурным компонентам. Они взаимосвязаны потому, что в горизонтали «ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ» материализуется технология взаимодействия общества с природой в биосфере Земли. Потому-то ОСЬЮ СИММЕТРИИ двух взаимодействующих подсистем (биосфера природы — техносфера природопользования общества) является биосферно-экологическая ГОРИЗОНТАЛЬ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В ГЕОГРАФИЧЕСКИ КОНКРЕТНЫХ УСЛОВИЯХ СТРАНЫ, которая представлена в структурно одинаковых этажах блоков обеих моделей: А (экология биосферы региона), Б (инженерная экология региона), В (экология человека) и Г — ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ. Это означает, что процесс природопользования есть ПРОЦЕСС ЭКОЛОГИИ ТРУДА ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА В БИОСФЕРЕ.

То есть экология труда — это фундамент политической и социальной экологии. Без учета их законов и принципов в экологической политике невозможно учесть все аспекты и проблемы экологической безопасности и устойчивого развития страны в региональных и глобальных условиях биосферы. Попутно заметим, что за отставание в развитии фундаментальных и прикладных направлений этих наук общество и человечество расплачиваются экологическими кризисами. Ноосферно-биосферный подход к глобальным проблемам индустрии природопользования (экологии труда и общества) человечества в суперэкосистеме биосферы Земли и позволяет преодолеть это выраженное в 1-ой и 2-ой моделях противоречие двух диалектически и интегрально взаимосвязанных подсистем единой генеральной системы с их основными блоками — А, Б, В и Г.

В 1-ой модели (БАЗИС: ОБЪЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ) блоки позволяют выделить биосферно-экологические особенности и характеристику природопользования страны, а во 2-ой модели (НАДСТРОЙКА: ИНСТИТУТЫ, ИНСТРУМЕНТЫ, МЕХАНИЗМЫ И СУБЪЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ) эти же блоки А, Б, В и Г являются естественно-историческим и естественно-научным фундаментом управления экологической безопасностью и устойчивым развитием страны. При совмещении подсистем можно увидеть, каких институтов стране не хватает, какие не развиты или, наоборот — представляют опасность с точки зрения проблем и приоритетов устойчивого развития.

Эмпирически складывающийся методом проб и ошибок ноосферно-биосферный глобализм диктует необходимость каждую модель рассматривать не отдельно, а в совмещении (эта проблема только обозначена в общем блоке обеих моделей «Структуры ноосферы: информационно-аналитическое и научно-техническое обеспечение экологической безопасности и устойчивого развития и экомониторинг». И это хорошо видно, если 1-ую модель (базис биосферы) наложить на вторую (надстройка экологической политики) или сделать наоборот. Кстати, подобное у нас происходит на каждом шагу — в практике общественной жизни. Ведь природопользование страны — это использование ресурсов, сырья природы для удовлетворения своих продовольственных и энергетических потребностей. То есть на обыденном уровне взаимодействия

с природой в биосфере Земли в природопользовании не учитывается его экологическая функция, хорошо понимаемая кочевниками. Она особенно слабо учитывалась в политике индустриализации природопользования стран. Потому-то даже фундаментальные экономические, политические, технологические и многие иные проблемы современного общества принято рассматривать в отрыве от природы, и вовсе не «внутри биосферы». Это особенно очевидно при сопоставлении и наложении друг на друга структурных частей обеих моделей.

Это противоречие может быть снято, если ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ РАССМАТРИВАТЬ КАК ПРОЦЕСС И СИСТЕМУ ОТНОШЕНИЙ ЭКОЛОГИИ ТРУДА В БИОСФЕРЕ (14). Понятие ЭКОЛОГИЯ ТРУДА ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА объясняет и феномен экологической гибкости кочевого уклада природопользования, где нагрузки этой формы цивилизации на природу биосферы планеты не выходили за естественные рамки экологических ограничений и экологической емкости (продуктивности) экосистем степи. Перевыпас — это современная экологическая болезнь пастбищ. Но на них резко нарастают и нагрузки воздействия вредных техногенных выбросов индустрии природопользования, коммуникаций, транспортной и иных компонентов национальной, транснациональной и глобальной техносферы современного человечества, которое стало, по определению В. Вернадского, геологической силой.

Потому принцип и приоритеты необходимости учета в политике стран и мировых институтов человечества требований гармоничного, адекватного отношения к природе заложен и в Декларации ООН Рио-92. Уже в преамбуле говорится о необходимости защищать «ЦЕЛОСТНОСТЬ ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И РАЗВИТИЯ... НАШЕГО ДОМА-ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ». Биосфера Земли и есть окружающая среда человечества, которое для удовлетворения своих потребностей и развития эксплуатирует (в процессах и структурах глобальной и региональной индустрии природопользования — БИОСФЕРНОГО ФЕНОМЕНА ЭКОЛОГИИ ТРУДА) природные богатства своих стран.

Первый принцип ООН Рио-92 гласит: «В центре внимания непрерывного развития находятся люди. Они имеют право на здоровую плодотворную жизнь в гармонии с природой». В третьем принципе обосновывается необходимость обеспечения экологических прав настоящего и будущих поколений, а в шестом впервые поставлена задача ДОСТИЖЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РАВНОПРАВИЯ СТРАН — ПОТОМУ ОБРАЩАЕТСЯ ВНИМАНИЕ НА ОСОБЫЙ ПРИОРИТЕТ И ПОТРЕБНОСТИ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН, «ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА КОТОРЫХ НАИБОЛЕЕ УЯЗВИМА». Это принципиально важное для Казахстана и других стран региона Центральной Азии положение, и оно является основанием для всесторонней и комплексной разработки ОСОБОГО СТАТУСА ТАКИХ СТРАН ДЛЯ ЗАЩИТЫ НАШИХ ИНТЕРЕСОВ В ГЛОБАЛЬНЫХ, РЕГИОНАЛЬНЫХ И ИНЫХ ПРОЦЕССАХ ИНТЕГРАЦИИ И РАЗВИТИЯ.

В Декларации ООН Рио-92 сделана первая попытка преодоления традиционного отчуждения общества и человечества от природы с точки зрения принципов и приоритетов глобальных политических проблем

выживания и устойчивого развития индустрии природопользования (техносферы человечества) в биосфере Земли. Обе наши модели генеральной схемы сделаны на основе применения принципов ноосферно-биосферного глобализма к проблемам и приоритетам разработки Повестки Дня на 21 век. В ней заложена ЭКОТЕХНОПОЛИСНАЯ МОДЕЛЬ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ, которая учитывает особенности всех трех подсистем в каждой стране: экологические характеристики страны — технологический способ индустрии природопользования — государственные институты регулирования экологических отношений основных субъектов устойчивого экономического и социального (человеческого) развития общества. Экотехнополисная модель в переходных обществах может эффективно применяться на любом уровне и в любом масштабе: на объекте, в отрасли, в регионе, городе (муниципий, мегаполисе, агломерации), в масштабах страны и даже в межгосударственных условиях.

С учетом этого и наиболее полно с точки зрения самых актуальных проблем и приоритетов возрождения и устойчивого развития республики выстроена и 2 модель — НАДСТРОЙКА: ИНСТИТУТЫ, ИНСТРУМЕНТЫ, МЕХАНИЗМЫ И СУБЪЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ. В ней показана пирамида управленческих отношений, утвержденная новой Конституцией Республики Казахстан. Это модель ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТАТУСНЫХ ОТНОШЕНИИ И ЗАВИСИМОСТЕЙ ЧАСТЕЙ И ЭЛЕМЕНТОВ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ПИРАМИДЫ ГОСУДАРСТВА. Естественный фундамент этой пирамиды составляют взаимосвязанные блоки А, Б, В и Г, которые определяют биосферно-экологический статус природопользования страны и ее естественно-научный, научно-технический, гуманитарный (эколого-демографический) и социально-политический детерминанты взаимодействия общества с природой и приоритеты экологической безопасности и устойчивого развития.

Необходимость адекватного учета этих экологических детерминант (требований) в политике управления природопользованием и показывает, насколько для Казахстана (да и любой другой страны и не только в центре Евразии) важно уметь полно и рационально использовать в международных и внутренних делах идеи и принципы Декларации ООН Рио-92 и приоритеты Повестки Дня на 21 век.

Потому-то и становится очевидной высказанная Президентом Казахстана Н. Назарбаевым необходимость разработки ОСОБОГО СТАТУСА КАЗАХСТАНА КАК ЭКОЛОГИЧЕСКИ НАИБОЛЕЕ УЯЗВИМОЙ СТРАНЫ С ЭКОНОМИКОЙ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА. И тем более — необходимость разработки концепции экологической безопасности и устойчивого развития для стран Центральной Азии. Ведь у каждой из них в биосферно-экологическом фундаменте практически одни и те же лимиты выживания и устойчивого развития. Это значит, что основные стратегические приоритеты политики, экономики, правовых и иных институтов реформируемого общества должны учитывать в природопользовании экологические составляющие биосферного пространства-времени страны.

Это можно сделать через закрепление экологических требований и приоритетов в Конституции страны — статья 31 политически и юридически определяет обязательное выполнение в стране первого принципа

Декларации ООН Рио-92. Закон об охране окружающей природной среды и основные кодексы природопользования — земельный, водный, лесной, о недрах и другие должны его закрепить и сделать обязательным для всякого природопользователя. Но у нас этого не произошло, потому что названные выше законы концептуально не согласованы, в них экологические требования практически обезличены и не учтены гражданским, налоговым и другими социальными кодексами.

5. Экорента — инструмент возрождения и устойчивого развития.

На модели 2 выделено понятие ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ РЕНТА. Экорента позволяет учитывать все основные аспекты экологии труда, то есть политический, правовой, экономический, социальный и иные проблемы устойчивого развития и отрасли, и региона, и прежде всего с точки зрения интересов, потребностей и требований их населения. Наиболее рационально данную проблему можно разрешить именно через механизм экоренты. Он позволяет в каждом конкретном случае учитывать экономические интересы и сочетать их с экологическими особенностями регионов и воздействиями на окружающую среду того или иного природопользователя — объекта, отрасли, промышленного или иного производственного комплекса. Кроме того экорента позволяет видеть и выделять основные — экологические, экономические, социальные, политические, правовые и иные аспекты и особенности отношений трех ведущих сторон экологических отношений природопользования ради устойчивого развития: — ГОСУДАРСТВА (основного субъекта природопользования), — НАСЕЛЕНИЯ (субъекта экологического права, а также общего и специального природопользования) — ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА-ПРИРОДОПОЛЬЗОВАТЕЛЯ (использующего компоненты и ресурсы и воздействующего на окружающую среду, биосферу). То есть экорента есть несущая конструкция, механизм и инструмент концепции ЭКОТЕХНОПОЛИСА в биосфере.

Экорента как фундаментальное интегральное понятие политической, социальной и экономической экологии имеет универсальное значение для стран, потому что без ее механизма практически невозможно приземлить к экосистемам (почва — фундамент биогенозов биосферы) [15] страны и регионов принципы Декларации Рио-92 и тем более принцип [6] о политических, экономических и иных приоритетах экологически уязвимых стран в биосфере. Более того, соединение экоренты с идеей экотехнополиса позволяет применять принципы Рио-92 на любом уровне — национальном, региональном, тем более глобальном. И особенно для условий экологически уязвимых секторов биосферы Земли. К ним можно отнести все государства Центральной Азии, кризисный пояс Африки (Сахара и зона Сахеля).

Этот подход весьма важно учитывать хотя бы и потому, что в сегодняшних экологических бедах большинства постсоветских стран виноваты и их соседи. Особенно вчерашние партнеры-коллеги по Союзу, в котором не только господствовал экологический волюнтаризм покорительства, но в специализации природопользования и развитии производительных сил отводилась роль экологически грязной добывающей и перерабатывающей провинции и полигонов военно-промышленного

комплекса. Распределение ответственности за прошлые загрязнения и экологический ущерб — это здесь наиболее сложная и острая проблема, которая пока не разрешена даже концептуально. И здесь необходимы адекватные действия политиков.

Экорента может стать инструментом и механизмом разделения ответственности за загрязнения между основными субъектами природопользования: хозяйствующим субъектом — государством (институты власти) — населением зоны воздействия. Причем здесь можно выделить глобальный, региональный, национальный и иные аспекты последствий воздействий. Достаточно назвать как пострадавших население Приаралья, Байконура, зоны Семипалатинского ядерного полигона и многие другие. Особенно четко и конкретно экорента позволяет разделить на троих ответственность и учесть интересы и требования при материализации в биосферном природопользовании принципа глобальной политической и социальной экологии для каждой из трех сторон: ЕСЛИ НЕ ПЛАТИТ ЗАГРЯЗНИТЕЛЬ, ТО РАСПЛАЧИВАЕТСЯ НАСЕЛЕНИЕ ЗОНЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И СОБСТВЕННО САМО ГОСУДАРСТВО. Накопление наших экологических проблем — это и есть расплата народа и страны, их регионов бедствия за остаточное отношение в СССР к требованиям охраны окружающей среды (биосферы).

Проблема ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ РЕНТЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАНИМАЕТ ОСОБОЕ, ДАЖЕ ЦЕНТРАЛЬНОЕ, ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ МЕСТО В ОСОБОМ СТАТУСЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИ УЯЗВИМОЙ СТРАНЫ С ЭКОНОМИКОЙ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА. И она заслуживает отдельного анализа хотя бы потому, что без ее инструмента и механизма трудно защитить экономические ИНТЕРЕСЫ и экологические ТРЕБОВАНИЯ и страны и ее населения. Особенно в отношениях с внешними партнерами, которые несут к нам свои технологии, например, для добычи и производства энергоносителей. Более того, без экоренты не добиться преодоления экологической обезличенности объектов, отраслей да и регионов природопользования, потому что она позволяет проводить биосферно-экологическое районирование и зонирование природопользования в соответствии с особенностями экосистем и с учетом экологической функции основных компонентов и ресурсов биосферы Земли, монолитности ее живого вещества (В. Вернадский).

Кроме того разработка формулы экологической ренты необходима для эколого-экономического районирования страны и адекватного использования в нем экологического нормирования, без которых невозможно достичь поставленной в статье 31 конституционной цели охраны окружающей среды, благоприятной для жизни и здоровья человека и не добиться гарантий экологической безопасности и устойчивого развития страны. Об актуальности такой постановки проблемы говорит и концепция экологического нормирования. Но она даже не упоминает принципы Декларации ООН Рио-92, и закрепляет идеологию даже не экосистемного, а «поресурсного нормирования природопользования» [16]. При таком подходе невозможно учесть биосферно-экологические особенности и характеристики природопользования экологически наиболее уязвимых стран. Тем более сложности и приоритеты проблем населения страны с экономикой переходного периода. В опубликованной

Министерством экобиоресурсов Республики Казахстан концепции акцент сделан больше на медицинские, технические и технологические стороны экологического нормирования (смотрите блоки Б — инженерная экология и В — экология человека) в обоих моделях генсхемы. Эту неадекватную для проблем экологической безопасности односторонность концепции экологического нормирования можно преодолеть при разработке экологической ренты и полном учете экологической функции природных компонентов и ресурсов биосферы планеты для человека и общества в земельном, водном, лесном, горном и иных кадастрах природопользования.

Теоретической основой концепции экологического нормирования является ЭКОТОКСИКОЛОГИЯ — новое научное направление, которое в генсхеме 1-ой модели входит в блок В — ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА. Но без адекватной социальной, экономической, правовой, даже социально-психологической оценки воздействий объектов природопользования на биосферу (окружающую среду), каждого человека и в целом общества [17] невозможно добиться гарантий экологической безопасности и устойчивого развития страны, тем более учета приоритетов экологических требований населения в триаде отношений: ХОЗЯЙСТВУЮЩИЙ СУБЪЕКТ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ — НАСЕЛЕНИЕ ЗОНЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ — ГОСУДАРСТВО (чтоб соблюдать принципы Рио-92 и статью 31 Конституции). В условиях приватизации эти противоречия между тремя субъектами, особенно в кризисных зонах, можно разрешить на основе разработки экологического договора о природопользовании, который нужно заключать между государством и хозсубъектом, но с непрерывным участием населения и учетом их экологических требований и социально-экономических интересов. Он, кстати, предусмотрен статьей 19 Закона об охране окружающей среды, но пока не стал практикой. Причем такой договор (обязательно трех сторон — иначе он не отвечает своей сути и названию) может быть разных статусов, масштабов и уровней:

— **ОБЪЕКТНЫЙ**: между хозсубъектом природопользования — местными властями и — населением зоны воздействия объекта и его продукции;

— **ОТРАСЛЕВОЙ**: между отраслью — государством и — потребителями создаваемого хозсубъектом продукта, товара, энергии;

— **РЕГИОНАЛЬНЫЙ, МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ, МУНИЦИПАЛЬНЫЙ, РАЙОННЫЙ, ОБЛАСТНОЙ, ГОРОДСКОЙ** и иные: те же три субъекта, но с конкретной привязкой к особенностям экологического состояния природы и специализацией природопользования в соответствующих масштабах. Это и будет экологический договор о природопользовании субъектов ЭКОТЕХНОПОЛИСА в биосфере страны.

Без таких договоров, по нашему мнению, не обойтись в зонах экологического бедствия, кризиса, риска. Тем более для эффективного решения экологических проблем приватизируемых вредных объектов промышленности и отраслей природопользования в биосфере планеты.

Принцип экологической триады вполне подходит и для рассмотрения межгосударственных отношений, например, по поводу проблем Приаралья, Каспия, любых других природных объектов или ресурсов природопользования. Тут-то и поможет учесть все особенности и аспекты

требований модель, формула и инструмент ЭКОРЕНТЫ, которая прямо связана и с экологическими особенностями кадастров природных ресурсов. Без такого комплексного согласования не разрешить экологические проблемы многих переживающих кризис объектов биосферы в Центральной Азии.

Это очень важная для экологически уязвимой страны с экономикой переходного периода тема, и она нуждается в отдельной и комплексной разработке. Отдельные аспекты проблемы только обозначены в актуальной книге известного в республике эколога-экономиста В. С. Слащева «Экоструктуры Казахстана» [18]. Если рента вообще, земельная, водная, горная и иные ренты — это фундаментальные понятия политической экономии природопользования, то экологическая рента — это фундаментальное понятие социальной, экономической, правовой и политической экологии, которые должны применяться в природопользовании для достижения экологической безопасности отраслей и объектов и тем более возрождения и устойчивого развития экологически уязвимой страны с экономикой переходного периода.

Только инструментом и механизмом экоренты можно выделить и учесть социальные, политические, экономические, правовые и иные аспекты и их адекватное согласование в процессах реформ экологически уязвимых стран с экономикой переходного периода с точки зрения трех основных субъектов природопользования. С этими острейшими проблемами все чаще сталкиваются сегодня многие регионы и страны Центральной Азии. В зонах экологического бедствия нарастают и обостряются противоречия, и их невозможно корректно и адекватно ситуации разрешить без введения и учета экоренты. Без инструментов и принципов экоренты трудно распределить ответственность за прошлые загрязнения и тем более корректно, без спекуляций учитывать экологические проблемы населения в процессах приватизации объектов природопользования. Эти аспекты проблемы тоже выделены в 2-ой модели генсхемы.

Важно и то, что экорента позволяет видеть всю цепочку причинно-следственных связей во взаимодействии общества с природой и их экономическое выражение для любого объекта, всякой отрасли и конкретного региона природопользования. Кроме того, она поможет преодолеть стереотипы предубеждений, осторожности, да и обычной ведомственной конъюнктуры чиновников от политики и науки при принятии управленческих решений и согласований в области охраны окружающей среды и природопользования и утверждения на национальном уровне идей и принципов устойчивого развития. Этого согласования как раз и не хватает закону об охране окружающей природной среды — кодексам природопользования — социальным законам. То есть в этом смысле экорента может стать экономическим фундаментом экологически устойчивого развития и соблюдения на практике экологического равноправия и стран и поколений в пространстве-времени биосферы Земли. Это концептуально важно для экологически наиболее уязвимых переходных стран и позволяет приземлять к наиболее актуальным их проблемам принципы Декларации ООН Рио-92. Но и эта тема нуждается в отдельном анализе.

6. Выводы, рекомендации и предложения.

Представленные модели подготовлены для Казахстана, но носферно-биосферные принципы (при сочетании с принципами Декларации ООН Рио-92) их разработки могут быть применены практически для любой страны — Российской Федерации, стран Центральной Азии, даже Китая. Нужно только внести соответствующие уточнения в содержательные компоненты моделей между их центральной осью «ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ СТРАНЫ» и верхним этажом 2-ой модели — НАДСТРОЙКА, ИНСТИТУТЫ, ИНСТРУМЕНТЫ, МЕХАНИЗМЫ И СУБЪЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ». Для разработки адекватной экологическому состоянию страны Повестки дня на 21 век нужно не только учитывать все национальные и региональные особенности реформы, но и возможности, которые заложены в документах ООН, прежде всего в Декларации Рио-92 и основных конвенциях — по борьбе с опустыниванием, о биоразнообразии, об изменении климата и других.

Проблем экологической безопасности и устойчивого развития не решить, если в стране, регионе, на глобальном уровне не запущен универсальный механизм политической, правовой, экономической и социальной экологии — ЗАГРЯЗНИТЕЛЬ ПЛАТИТ. У каждой страны — в соответствии с ее экологическим статусом — эмпирически уже устанавливается своя экологическая рента. Ее зеркалом и уровнем являются государственные, отраслевые, объектные, региональные и иные экологические инвестиции. То есть обязательная плата за природопользование и охрану окружающей среды. В сегодняшнем положении Казахстана, да и других стран Центральной Азии серьезным фактором и фактом экологической уязвимости являются недостаточные расходы на экологические цели. В том числе и внешних партнеров, которых привлекают до сих пор еще дешевые минерально-сырьевые ресурсы региона. Но ведь они потому и дешевые, что ЕЩЕ НЕ НАЙДЕНА ОПТИМАЛЬНАЯ ДЛЯ РЕГИОНА, В ТОМ ЧИСЛЕ КАЗАХСТАНА ФОРМУЛА ИЛИ ИНДЕКС ИСЧИСЛЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ РЕНТЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ ДЛЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИ УЯЗВИМЫХ СТРАН С ЭКОНОМИКОЙ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА в биосфере Земли.

Западные модели здесь не адекватны, и потому не всегда эффективны. Ведь они сложились и действуют в иных экологических, правовых, политических, экономических, технологических, социальных, даже культурных и мировоззренческих условиях. Хотя мы живем в одной биосфере, но в разных по экологическому комфорту регионах. Глобальные интеграционные процессы Запада и Востока, Юга и Севера могут и должны происходить без накопления региональных и межгосударственных противоречий. В том числе и в секторе природопользования субъектов экотехнополиса. Здесь особый интерес могут представлять возможности создания и развития экотехнополисов в режиме свободной экономической зоны. Особенно для таких промышленных муниципий со старыми проблемами, как Лениногорск, Зыряновск, Жанатас, Шалхия, Степногорск, Темиртау, Балхаш, Алматы... и Акмола!

Конечно, если наши новые партнеры будут не только защищать свои экономические интересы, но соблюдать глобальные принципы Дек-

ларации ООН Рио-92 — активнее помогать разрешению проблем экологической безопасности и устойчивого развития странам, окружающая среда которых оказалась историко-географически наиболее уязвимой.

В заключение мы считаем возможным сделать несколько рекомендаций, диктуемых поставленной Президентом Казахстана Н. Назарбаевым задачей о необходимости разработки комплексной проблемы особого статуса экологически уязвимой страны с экономикой переходного периода и модели интеграции устойчивого развития для государств Центральной Азии.

Во-первых, нужно разработать фундаментальный доклад **ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ КАЗАХСТАНА: ГЛОБАЛЬНЫЕ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ** (естественно-научные, социальные, политические, правовые и экономические проблемы), в котором должны быть комплексно сформулированы все наиболее актуальные для страны вопросы, обязательные для учета во внешней и внутренней политике и всех направлений реформ и интеграции.

Это нужно и для того, чтобы идеи и принципы устойчивого развития **НАИБОЛЕЕ ПОЛНО И АДЕКВАТНО УЧИТЫВАТЬ** не только в новом проекте закона об охране окружающей природной среды, но и в кодексах природопользования, а также в гражданском, налоговом и других основополагающих законодательных актах страны.

Кроме того, необходимо начать разработку проекта об экологической ренте, который бы помог установить учитывающий действительное экологическое состояние страны и особенности ее природопользования **НИЖНИЙ ПОРОГ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИНВЕСТИЦИЙ НА ОХРАНУ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ (БИОСФЕРЫ) СТРАНЫ**. Начать эту работу можно было бы с заключения **ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ДОГОВОРОВ О ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИИ** в зонах бедствия и повышенного риска, предусмотренных, кстати, законом об охране природы (статья 19).

Весьма актуальна и проблема **СОЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ**, адекватной действительному состоянию страны (на основе ноосферно-биосферных принципов) — этот сектор информационно-аналитического обеспечения государственного управления необходимо вывести из-под ведомственной зависимости и сделать функциональной частью **НАЦИОНАЛЬНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА** (необходимость такой реформы видна на Генсхеме).

Это неотложные шаги, без которых не достичь стратегически приоритетной политической и конституционной цели — охраны окружающей среды, благоприятной для жизни и здоровья человека (статья 31) и не обеспечить экологической безопасности и равноправия настоящего и будущих поколений и устойчивого человеческого развития в стране. Тем более не оздоровить и не возродить зоны бедствия.

В соответствии с предложением Президента Республики Казахстану нужно ускорить комплексную разработку социально-политических, политико-правовых, политико-экономических и иных аспектов **ОСОБОГО СТАТУСА ЭКОЛОГИЧЕСКИ УЯЗВИМОЙ СТРАНЫ С ЭКОНОМИКОЙ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА**. Это необходимо сделать для

защиты национальных интересов страны в международных и глобальных интеграционных процессах и разработки Казахстанской и Центрально-Азиатской модели устойчивого развития — региональной Повестки Дня на 21 век.

Литература

1. Панорама, 23 сент. 1995; Василенко В. Н. Казахстан — экологически уязвимая страна. Экономика и жизнь, 1995, 9, стр. 70; он же, Казахстанская Повестка Дня на 21 век: от экологической уязвимости — к возрождению и устойчивому развитию. Вести Казахстана, 17 авг. 1995; Назарбаев Н. Укрепление независимости — через устойчивое развитие. Казахстанская правда, 16 дек. 1995.

2. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию. М., Прогресс, 1989. Повестка Дня на 21 век и другие документы конференции в Рио-де-Жанейро в популярном изложении. Женева, 1993; Отчеты ООН по человеческому развитию за 1990—1995 годы. UNDP, Издан для Программы развития ООН, Нью-Йорк, Оксфорд, Оксфорд Университи Пресс, 1990—1995;

3. Социализм и прогресс человечества. Глобальные проблемы цивилизации. М., Политиздат; Сохранит ли человечество человечность? Доклад независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. М., Междунар. отнош., 1989; Фешбах М., Френдли Альфред младший. Экоцид в СССР, Здоровье и природа в осадном положении. М., 1992; Зикмунд Владислав. Болезни — следствие цивилизации? Братислава, Веда, 1987; Глобальная экологическая проблема. М., Мысль, 1988; Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., Новости, 1992.

4. О состоянии и перспективах использования земельных ресурсов СССР. М., 1977; Концепция программы научных исследований в области экологии и охраны окружающей среды Казахской ССР на период до 2015 года. АН РК, Алматы, 1989; Положение с опустыниванием и осуществление плана действий ООН по борьбе с опустыниванием. UNDP, Программа ООН по окружающей среде. Доклад директора-исполнителя. Совет управляющих. Третья специальная сессия. Найроби, 3—5 февраля, 1992 года. Кения, Найроби, UNEP/GCSS. III/3; Казахстан превращается в Сахару. Азия-ЭЖ, 1995, 17, стр. 16.

5. Казахстан. Отчет по человеческому развитию. 1995. UNDP. Алматы, 1995; Экологические проблемы Казахстана, Алма-Ата, 1991;

6. Социально-экономические проблемы развития Приаралья. Алма-Ата, Наука, 1984; Вопросы рационального природопользования. Алма-Ата, Кайнар, 1990; Ландшафтно-экологические основы природопользования. Целинград, 1991.

7. Национальная программа рационального природопользования. Алматы, Казмеханобр, 1993.

8. Вернадский В. И. Живое вещество и биосфера. М., Наука, 1994; он же, Биосфера и ноосфера. М., Наука, 1989; Научная мысль как планетное явление. М., Наука, 1991; Гиренок Ф. И. Экология. Цивилизация. Ноосфера. М., Наука, 1987.

9. Василенко В. Н. Биосферные основы суверенитета. Экология труда — что это такое? Экономика и жизнь, 1990, 12, стр. 73—76. Он же, О социальной экологии и биосферных принципах перестройки природопользования. Вестник АН Казахской ССР, 1990, 11, стр. 31—37; он же, Биосферное естествознание и проблемы социальной экологии. Вестник АН Казахской ССР, 1992, 2, стр. 27—37.

10. Мыржақып Дулатов. Земельный вопрос. Мнение сторонников кочевья. «Айқап», 1911, 11 (цит. по: Юридическая газета, 1995, 15, стр. 12); Масанов Нурбулат. Кочевая цивилизация казахов. (Основы жизнедеятельности кочевнического общества). Социнвест — Алматы, Горизонт — Москва, 1995.

11. Научное и социальное значение деятельности В. И. Вернадского. Л., Наука, 1989; Комаров В. Д. Социальная экология, философские аспекты. Л., Наука, 1990; Урсул А. Д. Перспективы экоразвития. М., Наука, 1990; Социально-экологические системы как объект управления. Новосибирск, Наука, 1990; Шадиметов Ю. Введение в социоэкологию. Ташкент, 1995 Петров В. В. Экологическое право России. М., Издательство БЕК, 1995.

12. Казначеев В. П. Очерки теории и практики человека. М., Наука, 1983; Экология человека. Основные проблемы. М., Наука, 1988; Казначеев В. П., Спиринов Е. А. Космопланетарный феномен Человека. Проблемы комплексного изучения. Новосибирск, Наука, 1991.

13. Казахстанская правда — 4 марта 1993, 11 августа 1994, 24 марта 1995; Советы Казахстана, 26 октября 1993.

14. Василенко В. Н. Диалектика социальной биозащиты (некоторые методологические проблемы природопользования). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. АОН при ЦК КПСС, М., 1987.

15. Добровольский Г. Д., Никитин Е. Д. Функции почв в биосфере и экосистемах. (Экологическое значение почв). М., Наука, 1990; Мауль Я. Я. Экономика и экология землепользования. Алма-Ата, Кайнар, 1989; Реймерс Н. Ф. Экология. Теории, законы, правила, принципы и гипотезы. Россия молодая, 1994; Заславский М. Н. Эрозиоведение (основы противозерозионного земледелия). М., Высшая школа, 1987.

16. Концепции экологического нормирования. Краткое содержание. Азия-ЭЖ, 1995, 15, стр. 16.

17. Вторжение в природную среду. Оценка воздействия. (Основные положения и методы). Перевод с англ., М., Прогресс, 1983; Чтобы лечить окружающую среду, нужно знать, в каком она состоянии. Азия-ЭЖ, 1995, 16, стр. 16.

18. Слащев В. С., Искаков У. Экоструктуры Казахстана. Алма-Ата, Рауан-Демеу, 1992; Слащев В. С. Формула экологической безопасности. Экономика и жизнь, 1995, 9, стр. 69; Василенко В. Н. Экорента — средство оздоровления отечества. Мысль, 1995, 5, стр. 73—76.

Куаныш Султанов

НАШ СОСЕД — КИТАЙ

Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Казахстан в КНР

Казахстанско-китайские двусторонние отношения сегодня для нашего государства имеют приоритетное значение, ибо географическая расположенность двух государств, исторические корни, традиции, их влияние на новые отношения представляют не только исследовательско-познавательную ценность, но и огромный потенциал для практической деятельности, особенно со времени получения Казахстаном государственной независимости, установления равных дипломатических отношений с Китаем.

Меня, как и многих моих соотечественников, сегодня особо волнуют проблемы добрососедства моей родины с государствами-соседями. Это и государства Центральной Азии, это и великая Россия, это и древний великий Китай. Ведь компетентность, разумность и эффективность не только внутренней, но и внешней политики прежде всего с этими странами отчасти будет определять настоящее и будущее Казахстана. Сегодня складываются совершенно новые взаимоотношения со многими государствами, которые, опираясь на исторический опыт, способны освоить исключительно новые пути, которые могли бы гарантировать мир, стабильность и совместное развитие.

Выдвигая проект Евразийского Союза Н. Назарбаев отмечал: «Ведь именно на нашу долю выпало быть современником и геополитических событий, в ходе которых меняются судьбы народов и государств. Поэтому чрезвычайно важным становится определение правильного вектора развития, совпадающего с основным направлением продвижения человеческой цивилизации и гарантирующего прогрессивное развитие целой группы государств, образовавшихся в постсоциалистическом пространстве» (1). Стремиться к приобретению цивилизованных отношений и собственным участием дополнять, обобщать их развитие — без этого не возможно представить современную характеристику молодого независимого государства. Пожалуй, в данном контексте выделяются прежде всего сохранение, укрепление, развитие принципов добрососедских двусторонних межгосударственных отношений. Казахстан и Китай, веками располагаясь рядом, имеют, естественно, свою историю добрососедства, большая и основная часть которой насыщена позитивным арсеналом. Они испытанны и выдержаны самой историей, временем. Исторические коллизии различных эпох, правлений не могли оставить свой отпечаток, но главной целью наших народов все же оставался неустанный поиск путей прогресса, сближения и добрососедства. В историографии достаточно литературы, исследований, доказывающих именно эту часть принципов добрососедства. Один из видных исследователей китайской материальной культуры советского периода В. С. Стариков писал: «Северные китайцы много веков имели постоян-

ные исторические, культурные и хозяйственные связи с тюркоязычными народами... что обусловило их взаимовлияние и взаимопроникновение, отразившиеся в современной материальной культуре китайцев» (2).

Новый этап в государственном становлении Казахстана вполне обоснованно характеризуется устремленностью в современность, в современные международные отношения, но она не может формироваться без анализа своей истории, без опоры на исторические факты, документы, аргументы. В этой связи никак нельзя согласиться с весьма некомпетентными, порой невежественными утверждениями о том, что якобы в Казахстане не было истории дипломатии вообще. Это ошибочное мнение исходит чаще всего от незнания истории, литературы, порой от нежелания и, наверно, в большей степени на это серьезно влияет недостаточность, отсутствие научных исследований, научно-исторической, документальной литературы об истории внешней дипломатии Казахстана, историографии.

Будет большим ущербом, если современные исследователи попытаются свою историю начать только со своего времени, с себя. Надо сказать, что многие известные писатели Казахстана через художественную литературу создали довольно интересную картину национальной дипломатической школы, немалые усилия которых направлялись на сохранение добрососедских отношений, установление мира между народами.

Среди них произведения Ильяса Есенберлина, Абиша Кекильбаева, Мухтара Магауина, Кабдеша Жумадилова, Койшыгара Салгарина, Байузака Кожобекулы, Турсына Журтбаева и др. Появились научно-исторические очерки, статьи, брошюры, монографии, среди которых, на мой взгляд, довольно заметным научно-аналитическим трудом является монография китаеведа К. Ш. Хафизовой «Китайская дипломатия в Центральной Азии. XIV—XIX вв.», выпущенная издательством «Гылым» в 1995 г.

Для нашего общества, нашей духовной культуры будут представлять ценность не просто популярные рассказы, исследования вообще об истории или о современности, а гораздо ценнее будут целенаправленные материалы, скажем, раскрывающие разные аспекты и содержание взаимоотношений Казахстана с конкретным государством.

* * *

Первая же статья Совместной Декларации о дальнейшем развитии и углублении дружественных взаимоотношений между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой, которая подписана Президентом РК Нурсултаном Назарбаевым и Председателем КНР Цзян Цзэминем в ходе визита Президента Казахстана в Китай в сентябре 1995 г., достаточно объемно и четко сформулировала магистральные принципы двустороннего мирного сотрудничества. В ней говорится: «Республика Казахстан и Китайская Народная Республика единодушно считают, что поддержание и развитие между ними долговременных и стабильных отношений добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества отвечает коренным интересам двух стран и народов, благоприятствует сохранению и укреплению мира, стабильности и развития в Азии и во всем мире».

Сентябрьский 1995 года Государственный визит Н. А. Назарбаева в Китай был своевременен для «оживления» двусторонних отношений, для закрепления позиций Казахстана на Востоке. Тем более за время последней встречи двух руководителей прошло два года и произошло много изменений внутри стран. В Китае все больший оборот набирают темпы экономической реформы, внешнеполитическая деятельность становится более открытой, расширяются внешнеэкономические, внешнеполитические связи не только в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона, но и в США, Канаду, Европу. Казахстан уверенно продолжает вхождение в мировое сообщество. Внутри страны за короткий промежуток времени происходят общественные события, равные десятилетиям. Всенародный референдум единодушно оказал вновь высокое доверие Президенту Н. А. Назарбаеву, девятидесятипроцентной поддержкой продлив его полномочия до 2000 года. Принята новая Конституция, серьезные изменения претерпели многие экономические законы, начата правовая реформа. Впервые избран двухпалатный парламент нового Казахстана.

Да и казахстанско-китайские отношения, пройдя первый этап сближения, поднялись на новый уровень взаимоотношений. Наши связи расширяются не только в области торговли и экономического взаимодействия. Тем более было необходимо как бы сверить часы, сопоставить взгляды не только по проблемам двустороннего сотрудничества, но и взаимоотношений в Азии, Европе, Арабском Востоке и на американском континенте. Не случайно при первой же встрече глав государств во время визита Цзян Цзяминь захотел узнать точку зрения Нурсултана Назарбаева о сепаратистских намерениях Тайваня и некоторых поддерживающих эти намерения государств. Ответ Президента Казахстана о том, что мы признаем «один Китай» был более чем достаточным. Как и другие внешнеполитические направления и процессы, казахстанско-китайские двусторонние отношения имеют свою особенность, свою историю, современность и будущность. Прежде всего всегда соседствующее положение вдоль одной границы, которая имеет протяженность в 1700 км.

Впервые между РК и КНР Соглашение о границе подписано в апреле 1994 г. во время официального визита Премьер Госсовета КНР Ли Пэна в Алматы, что явилось историческим событием и большим заметным успехом казахстанской дипломатии. Не менее важным актом стало предоставление безопасности Казахстану со стороны китайского Правительства в начале этого года вслед за Меморандумом о гарантиях безопасности Казахстану, подписанных главами государств России, США, Великобритании в декабре 1994 г. в Будапеште.

Отрадно, что именно в проблемах обеспечения безопасности, мира и мирного сосуществования стороны добиваются устойчивых, последовательных успехов, политики и дипломаты проявляют и придерживаются курса разумного взаимопонимания, стремления разрешения любых вопросов путем диалога, путем переговоров. Свидетельством нового шага в укреплении мира явились завершившиеся переговоры по мерам военного доверия на границе с участием пяти стран — Казахстана, Кыргызстана, Китая, России и Таджикистана.

Словом, по взаимному сохранению мира и стабильности можно

твердо сказать, что казахстанско-китайские двусторонние отношения находятся в наиболее лучшем состоянии. Здесь однозначно следует констатировать успех. Дело теперь за закреплением и развитием достигнутых мирных соглашений.

По каким критериям, по каким аспектам можно судить о современных казахстанско-китайских отношениях? В живом общении между государствами, так же как и между людьми, возникают немало неожиданных вопросов, непредусмотренных ситуаций, которые в большей или меньшей мере могут оказывать влияние на ход межгосударственного сотрудничества. О некоторых из них стоит поделиться с читателями.

Каково состояние казахстанско-китайского двустороннего сотрудничества, какие приоритеты и перспективы развития? Пожалуй, на этот весьма важный вопрос ответить сегодня однозначно было бы не только недостаточным и неполным, но и несколько поверхностным. И не хочется отвечать традиционно. А такой вопрос стоит и он актуален. Актуален — в силу приобретения независимости нашего государства, актуален — в силу геополитического положения Казахстана, актуален — в силу установления новых двусторонних отношений между нашими государствами и довольно широкой заинтересованности общественности приграничных населений как с одной, так и с другой стороны.

Сама жизнь, практика не раз доказывала, что нет и не бывает развития, прогресса ни общества, ни государств без их разносторонней интеграции, без взаимного сотрудничества, без совместных скоординированных действий. «Весь мир сегодня стремится к интеграции, разумному регулированию отношений с ближними и дальними соседями. Европейский союз, Лига арабских государств, объединения южноамериканских государств, стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Они углубляют взаимоотношения, ищут и находят взаимоприемлемые решения политических и экономических проблем. От этого их своим ответе на вопросы корреспондента «Рссия» Н. Назарбаев (3).

После официального признания нашей государственности, кстати, Китай одним из первых признал нашу независимость, между нашими государствами вскоре установились дипломатические отношения, Казахстан и Китай обменялись Чрезвычайными и Полномочными Послами. Состоялись впервые государственные визиты, встречи, переговоры глав государств, глав правительств, руководителей государственной структуры различных рангов, подписаны двусторонние соглашения.

Как жизненные артерии между нашими географическими пространствами потянулись транспортные сообщения по воздуху, по железной дороге, по автомобильной трассе. Словом, созданы необходимая база и предпосылки для развития и углубления двустороннего сотрудничества, выдержаны все официальные, принятые международные «протокольные» обязательства, взаимно открыты двери, люди расположены друг к другу. Можно вести речь об уровне, состоянии добрососедских отношений. Они определяются прежде всего взаимоотношениями глав государств, дипломатическим сотрудничеством и, наконец, реализацией подписанных соглашений, достигнутых в ходе этих контактов и договоренностей.

Анализируя весь процесс взаимодействия, можно было бы выделить следующее. Взаимоотношения между главами государств и Прези-

дентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым и Председателем КНР Цзян-Цзэмином сложились весьма откровенные, доброжелательные и взаимно доверительные, заинтересованные. За последние пять лет они встречались четырежды. Первое их знакомство состоялось в 1991 году еще при Советском Союзе. Оно не могло считаться по тем и нынешним временам равным, ибо Казахстан являлся не самостоятельным, а частью государства, но на авансцену вышел личностный фактор между политиками, который послужил основой добрых отношений. Позднее, при вручении Верительных Грамот Послом Казахстана, вспоминая об этой встрече Цзян-Цзэминь скажет, что тогда при первой встрече «Назарбаев на него произвел очень интересное и сильное впечатление, у них сразу завязалась дружба, теперь их встречи стали регулярными и уже в ближайшие годы Президент Назарбаев стал политиком международного масштаба».

Как известно читателю, Китай и Пекин для нас были закрытым рубежом. Важнейшим событием в истории двусторонних отношений стал официальный визит Н. А. Назарбаева в КНР осенью 1993 г, в ходе которого была подписана «Совместная Декларация об основах дружественных взаимоотношений между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой», в соответствии с которой было развернуто весьма активное сотрудничество, выходящее далеко за рамки одной провинции (СУАР) и затрагивающее многие стороны экономики, культуры, науки, образования.

Они значительно расширились и укрепились после официального визита в Алматы Премьера Госсовета КНР Ли Пэна в 1994 г. Впервые появилась возможность равного и реального партнерства. Совместная Декларация развязала руки предприятиям многих отраслей народного хозяйства, частным предприятиям, предпринимателям. В Казахстане общественность живо начала говорить о Китае как о дружественной стране. Сознательно акцентируя внимание на хронологии государственных встреч, хочу подчеркнуть, с одной стороны, эволюцию добрососедских отношений, с другой — показать постепенное сближение и взаимопонимание между нашими странами, для стимулирования которого необходима терпеливая, последовательная работа. Много сил, знаний, квалификации, искусства дипломатии и политики требуется для организации и проведения встреч, визитов на высшем уровне, для достижения подписания соглашений, договоров, но еще больше организованности, профессионализма и умения, необходимо многим госструктурам, конкретным исполнителям для реализации этих соглашений, договоров.

Государственный визит Президента Казахстана Н. А. Назарбаева, который состоялся в сентябре этого года по приглашению Председателя КНР, Генерального Секретаря ЦК КПК Цзя Цзэминя, оказался наиболее насыщенным и плодотворным во всех отношениях. Официальные круги, пресса и общественность Китая придали большое значение тому, что Президент Казахстана свой первый визит за рубеж после принятия новой Конституции совершил именно в Китай, что было воспринято как желание Н. Назарбаева «вернуться лицом к Азии». Главы государств подписали Совместную Декларацию о дальнейшем развитии и углублении дружественных взаимоотношений между РК и КНР, которая довольно широко охватила проблемы добрососедства в области политиче-

ских отношений, в торгово-экономической сфере, в военно-политической, гуманитарной области и сфере международных отношений.

Подписано соглашение между Правительствами об использовании китайского порта Ляньюньган для переработки и транспортировки казахстанских грузов. А это значит, что для Казахстана открывается новая возможность выхода на Мировой океан. В ходе этого же визита состоялось подписание Меморандума о военном сотрудничестве, Соглашения о научно-техническом сотрудничестве в области метеорологии. Делегации подписали и обменялись Грамотами о ратификации Соглашения о казахстанско-китайской границе.

Переговоры глав государств проходили живо и динамично. Высшие руководители во время переговоров продемонстрировали не только глубокое знание обсуждаемых проблем, но и показали широкую эрудицию и компетентность, высокое искусство политика и дипломата в обмене мнениями, умели красиво пошутить и задать друг другу не совсем «удобные», «протокольные» вопросы, на которые находили удачные ответы благодаря доброжелательной, доверительной атмосфере.

Доброжелательность, взаимопонимание между нашими руководителями отличается устойчивостью. Это позволяет сделать вывод, что состояние казахстанско-китайских отношений весьма хорошее и перспективное. Действительно, официальные, государственные, дипломатические отношения между нашими странами взаимоуважительные, взаимодостойные и добрососедские.

Думаю, что к этим достижениям нужно относиться очень бережно, чутко и внимательно. Важно, чтобы достигнутый успех не застывал, а находил развитие, применение, был востребованным, что, естественно, зависит от многих факторов, прежде всего от искусства дипломатии. Но дипломатия должна быть конкретно подкреплена результатами реализации соглашений. Все это теперь должно подкрепляться практикой повседневной жизни. Наступает новый, менее почетный этап — «черновая работа» по реализации достигнутых соглашений и договоренностей. Сделать их достоянием населения, возможностью для их сотрудничества — главная задача механизма реализации межгосударственных соглашений. Все проблемы, обработанные дипломатами и руководством республики, делегируются сотнями, тысячами исполнителей. Здесь в дело включается необходимость соблюдения законов, обеспечение действий конкретных распоряжений, инструкций. Начинается широкое двустороннее общение. Появляется уже несколько иная оценка нашего сотрудничества и не замечать этого никак нельзя. Ибо переговоры на высшем уровне и другие дипломатические отношения проводят ради того, чтобы достичь вполне нормальных добрососедских взаимоотношений между нашими народами. И это главное.

* * *

За время начала сотрудничества с 1991 года между нашими государствами приняты более тридцати документов. Многие из них в основном выполняются. Отработаны вопросы взаимных поездок граждан. Открыты транспортные сообщения, работают авиалинии Алматы—Пекин, Алматы—Урумчи, пассажирский поезд Алматы—Урумчи. На послед-

них переговорах руководители обменялись мнением о возможности расширении маршрута до Пекина. Впервые состоялся культурный обмен. Летом этого года большая делегация деятелей культуры, литературы и искусства Казахстана во главе с министром культуры Талгатом Мамашевым посетила Пекин с целью участия в праздновании 150-летия Абая. Произведения Абая переведены на китайский язык и выпущены массовым тиражом.

Заметно проявило себя торгово-экономическое сотрудничество. Помнится, как хлынул китайский товар ширпотреба на пустующие казахстанские прилавки на «заре рынка». Но очень быстро дала о себе знать проблема качества. Обнаружилось, что шел товар не подлинно фирменный, китайский, который обладал достаточным качеством, а больше кустарный, провинциальный. Уже во время первого официального визита Премьера Госсовета КНР Ли Пэна в Алматы весной 1994 г. в числе наиболее важных и главных обсуждался вопрос резкого повышения качества китайского товара. Надо отметить, результаты немедленно сказались. Сразу же после возвращения главы Правительства КНР был принят ряд конкретных организационных и других эффективных мер, усилен контроль за качеством вывозимых товаров. Но он с повестки дня не снимается, ибо остается проблемой и внутри страны. Китайское руководство, государственные органы придают проблеме качества нарастающее значение.

Несмотря на многие неурядицы, различные препоны и перебои (случай с пивом), казахстанско-китайские торговые отношения имеют тенденцию к росту. Объем товарооборота между Казахстаном и Китаем в 1994 г. составил более 320 млн. долларов США, а за первую половину этого года достиг уровня почти 180 млн. долларов США, что на 20% выше по сравнению с тем же периодом прошлого года. Во время последних переговоров руководители обеих стран отмечали недостаточность этой работы и согласились, что в ближайшие годы уровень торговли между нашими государствами можно было бы довести до 500 млн. долларов США. Для нас это внушительная цифра, для Китая — лишь 0,15 процента его внешней торговли.

На казахстанский рынок начинают выходить производители не только приграничных районов, но и из глубины Китая, из его центральных, северных, северо-восточных, южных развитых районов, которые доселе считали, что, дескать, Казахстану, да и вообще странам СНГ, достаточно приграничных предпринимателей, а эти более развитые районы чаще тяготеют к Европе и другим западным странам. Проводя подобную линию китайская сторона недооценивает возможности казахстанского рынка для своих товаров.

Китайской стороне следовало бы иметь в виду, что сейчас в казахстанский рынок все настойчивее пробивается товар не только из стран СНГ, но и со всей Восточной и Западной Европы, а также из Америки. Но их товар, проходя через таможенные границы нескольких стран, накручивает такую цену, которая не по карману массовому покупателю Казахстана. Китайский же товар, который способен выдержать конкуренцию, мог бы оказаться гораздо дешевле, пересекая лишь один раз таможенную границу. И он на самом деле оказался бы дешевле для нашего покупателя, чем, скажем, американский или французский товар,

но дороже, чем в Китае, где рынок перенасыщен. Китайские предприниматели должны заботиться об устойчивом рынке, а не о сиюминутной выгоде. Чего греха таить, среди торговцев не мало и тех, кто, рассчитывая на свою проворность, хотят скорее продать, кого-то обмануть, не подумав о последствиях. Было бы разумнее заботиться о доверии покупателя.

Надо отметить и то, что китайские предприниматели, которые весьма успешно работают по инвестициям во многих странах Азиатско-Тихоокеанского региона, все еще с недоверием присматриваются к Казахстану. Хочется надеяться, что в данном случае свою положительную роль сыграет наш Закон «Об иностранных инвестициях», который переведен на китайский язык и Посольством РК в КНР ведется не малая работа по его пропаганде среди предпринимателей и инвесторов. Мы после визита Президента, после его встречи с китайскими предпринимателями провели ряд встреч, бесед с заинтересованными инвесторами, компаниями, представителями госструктур, пресс-конференцию с журналистами, назвали наиболее нуждающиеся в инвестициях сферы, помогаем налаживанию контактов, вышли с конкретными предложениями к министерствам, областным администрациям, фирмам Казахстана. Нам важно общими усилиями преодолеть барьер нескончаемых подступов, выходить на совместные взаимно доверительные действия.

Стоило бы провести перерегистрацию совместных казахстанско-китайских предприятий. Их у нас зарегистрировано более 300, а фактически действует лишь треть. Многие СП, созданные в целях обогащения на купле-продаже, скоро «съели» друг друга или вместе сгорели и задухли сами по себе. Другие, которые имеют серьезные намерения внести свой вклад в реформу экономики, более или менее становятся на ноги.

В качестве положительного примера хочу назвать деятельность одного совместного предприятия «Мэйшэн», которое создано совместным участием сотрудников института «Казмеханобр» и Пекинского горнометаллургического института. Специалисты «Казмеханобра» под руководством Александра Николаевича Клеца разработали уникальную конструкцию простейших фильтров водоочистителей питьевых водоемностей, в чем нуждаются как в Пекине, так и в других густонаселенных районах Китая. Для сведения читателя хочу напомнить, что в Пекине питьевую воду из крана не пьют. Бытовой фильтр весьма удобного габарита и довольно дешевый, доступный каждому жителю, надевается на кран и можете как угодно употреблять воду. Фильтр «Казмеханобра» в Пекине пользуется большим спросом. Сейчас они выпускают в год 30 тысяч штук, уже в 1996 г. намерены производить 100—200 тысяч фильтров в год. Уверен, что это будет исключительно популярным товаром не только в Китае, но и в Казахстане, а так же во многих других странах.

Специалисты «Казмеханобра» активно и эффективно сотрудничают с предприятиями золотодобывающей промышленности Китая. По технологии инженеров «Казмеханобра» в СУАР построена фабрика по обогащению золотосодержащей руды (АСИ) — уникальное единственное подобное предприятие в Китае. Китайцы высоко ценят технологию казахстанских разработчиков и проектировщиков, свидетельством чего

является факт награждения инженера «Казмеханобра» Людмилы Сергеевны Болотовой китайским государственным Орденом «Дружба» за строительство завода АСИ. На недавно прошедшую ежегодную выставку «Золото Китая» в качестве иностранных партнеров была приглашена делегация «Казмеханобра» и она достойно представляла Республику Казахстан, установила новые контакты.

Это говорит о том, что все зависит от людей, от их отношения к делу, от их квалификации, компетентности. Там, где нет этого — возникают недоразумения, конфликты, взаимные упреки, которые оказывают серьезный ущерб не только двусторонним отношениям, но и вообще развитию. Например, о потребностях Китая в металле не приходится говорить. Во время визита Президента РК в Китай руководители китайского министерства металлургической промышленности высказали свое желание сотрудничать с Карметкомбинатом и участвовать своими инвестициями в реконструкции его основных производств, что естественно было воспринято с одобрением.

Но дело с нашей стороны почти не движется. К тому же Карметкомбинат не только не обещает выполнить свои обязательства за уже оплаченные деньги, но просто отказывается поставить продукцию, не объясняя это ничем. Суть в следующем. Около 20-ти китайских фирм произвели стопроцентную предварительную оплату в объеме 20 млн. долларов США, а представитель Минпромторга РК вместо того, чтобы китайской стороне объяснить тяжелую ситуацию Кармета, заверить что они за свои деньги металл получают, бесцеремонно им заявляет «за Ваши деньги металл уже погружен, но мы его продадим другим покупателям, для того чтобы еще заработать денег для комбината». Что можно сказать по этому поводу? Ничего. Просто безответственность и полное пренебрежение межгосударственными отношениями.

Этого было достаточно, чтобы в Министерство внешней торговли и экономического сотрудничества (МВТЭС) КНР был приглашен советник Посольства и сделано устное заявление о том, что если Посольство РК в КНР не проинформирует свое Правительство и им не будут приняты срочные меры, то они за собой оставляют право публикации в международном бюллетене о недобросовестном отношении казахстанских предприятий и Правительств к международным договорам и контрактам, обратиться к международным правовым организациям, которые могут заставить выплатить большие штрафы, что естественно, хлестко ударит не только по Минпромторгу РК и Карметкомбинату, но и по нашим двусторонним добрососедским дипломатическим отношениям. А наши предприятия и официальные органы прослынут «несерьезными партнерами».

Всеми возможностями мы должны исключить из практики подобные вольности. Уважительно относясь и бережно сохраняя добрососедские отношения, все мы с Вами не только приобретем международное партнерство, но и больше доверия и уважения к себе, к нашему государству. Сослался на данный негативный факт для того, чтобы показать, как одним необдуманном решением или неосторожным словом конкретных исполнителей, ответственных лиц, можно нанести невосполнимый урон формированию и развитию принципов добрососедства. Тем более предложение о том, что мы Китаю способны поставлять металл

(кстати, металл составляет 51 процент всего казахстанского экспорта товаров на Китай), выдвигалось на переговорах с нашей стороны и подтверждено на всех уровнях. При наличии подобного небрежного отношения к международным контрактам невольно затрудняешься ответить на вопрос о состоянии двусторонних отношений.

* * *

У нас в стране бытует много дискуссий по поводу добрососедских взаимоотношений со всеми государствами-соседями, особенно с Россией и Китаем. Сожалею, что часто они носят однобокий характер, а порой некоторые авторы различных публикаций прямо-таки замыкаются на тему «с кем быть выгоднее», чуть ли не противопоставляя Россию с Китаем Казахстану. Носители этих взглядов и мнений не считают нужным более внимательно относиться по отдельности на природу, историю и реальность в отношениях Казахстана с Россией и Китаем. Да, это далеко не праздный вопрос, тем более недопустимы поспешные выводы и оценки. Жаль, что многие из них не учитывают, что российско-китайские отношения сейчас приобретают все большую интенсивность, взаимопонимание, поднимаются на новый уровень качества. А стоит Казахстану несколько активизировать свое сотрудничество со странами Азии, тут как тут всякие «опасения», выводы с далеко идущими последствиями, предупреждения, упреки и т. д.

Убежден, что такие подходы либо от незнания сути внешней политики Казахстана вообще, либо заранее рассчитаны на определенный подрыв имиджа нашего государства, либо просто провокация. Я не думаю, что в нынешнем геополитическом положении Казахстана можно достичь успехов в одном направлении, роняя другое. Аполсгеты геополитических противостояний по привычке пытаются навязать для Казахстана схему «Россия или Китай». Такая постановка вопроса вообще абсурдна. Для нас приемлема только схема «И Россия, и Китай». Равные и ровные отношения с ближайшими соседями — вот что может динамизировать наше развитие. Добрососедские взаимоотношения Казахстана с Россией и Китаем имеют приоритетное значение, о чем говорил Нурсултан Абишевич Назарбаев на пресс-конференции после визита.

Нельзя не сказать еще об одном существующем и, пожалуй, живучем стереотипе в общественном сознании и особенно у госчиновников, которые считают, что у Китая Казахстану нечему учиться. Это исключительно старое представление. Мне один знакомый, который когда-то бывал в Пекине, утверждал, что в Пекине кроме старых храмов мало увидишь архитектурных зданий, что на улицах мало машин и т. д. Уверен, он бы не узнал сегодняшний Пекин. Мы, казахстанцы, за исключением отдельных специалистов, конкретных должностных лиц, занимающихся проблемами Китая, в большинстве живем старыми представлениями. Возможно, исторически древний Китай нам кажется знакомым как одна из древнейших цивилизаций. Но современный Китай нам еще не известен. Определенно могу сказать — мы Китай не знаем. Пренебрегая сотрудничеством с Китаем, мы опять же не замечаем, что продолжаем отставать во многом. Мы отстаем в перспективе, мы отстаем от

прогресса. Несколько месяцев моей работы в Китае и довольно глубокое всестороннее изучение, знакомство с происходящими процессами, с работой современных предприятий, с провинциями, общение с людьми дают мне основание сказать, что современный Китай, без преувеличения — это страна активных экономических реформ, результаты которых позитивно сказываются на все стороны жизни, включая политику, науку, образование, культуру и здравоохранение. Это прогрессирующее общество, бурно развивающаяся, потенциально сильная страна.

Высокая организованность, дисциплина, невероятное трудолюбие и искренне патриотическое желание сделать страну процветающей — яркая характерная черта Китая на пороге XXI века. Китай задает тон в Азии и с ним считаются мировые державы. Реформы Китая изучают, анализируют, оценивают в Японии, США, Германии, Канаде, Франции, Южной Корее и других развитых странах мира. Их представители смело сотрудничают с Китаем. Китайцы достойно хотят завершить XX век и достойно начать новое столетие. Прогнозы многих ученых, социологов, политиков о том, что XXI век будет веком Азии и что Китай в нем будет иметь решающее значение — это не пустые слова, а результат основательных анализов происходящих процессов и довольно точные расчеты на перспективу.

Штрихами коснусь нескольких примеров. За 15 лет реформ Китай наладил товарное производство, насытил рынок, производится все, что необходимо человеку, избыток продуктов, огромное миллиардное население обеспечило себя продовольствием. Ежегодный сбор зерна составляет более 450 млн. тонн, рост внутреннего валового продукта (ВВП) достиг 14—16, промышленной продукции до 26 процентов.

Китай — это гигантская строительная площадка на азиатском континенте. Только в Пекине за последние 5—10 лет построено более 50 фешенебельных пятизвездочных отелей, высокими темпами строятся административные здания, жилые комплексы, торговые центры и другие объекты. Аналогичный темп строительства присущ Шанхаю, Тяньцзиню и другим провинциальным городам. Руководство, правительство КНР придает исключительное значение бурному развитию потенциала провинций. Строят сами, строят сотни иностранных фирм объекты самого разного назначения по суперпроектам мирового достижения. В некогда «закрытом» Китае сегодня преуспевают инвесторы со всего мира и, особенно, из развитых стран. Строят быстро. Нет нам знакомых «бородатых» объектов. Только за 1994 год проложено 16,5 тыс. км шоссейных дорог.

В стране с мощным размахом развернуто машиностроение. Только 8 автомобильных заводов к 2000 году ежегодно намерены выпускать до 3 млн. легковых автомобилей в год, освоили свое самолетостроение, приступили к выпуску вертолетов. Сейчас работают 2 атомных электростанции, в первые пять лет XXI века в строй войдут еще четыре таких станций.

К концу столетия Китай выдвигается в первую группу стран по производству, переработке и экспорту нефти. Из запада страны будет строиться нефтепровод на восток, на море. Сейчас новые нефтеперерабатывающие заводы работают на современном оборудовании из США, Англии, Японии и Италии. Только один такой завод в городе Цзыбо,

где работает пятьдесят тысяч рабочих, ежегодно перерабатывает около 10 млн. тонн нефти.

Ежегодно возрастает объем внешнеторгового оборота, который только в первом полугодии с. г. составил 127 млрд. американских долларов, увеличившись на 30 процентов по сравнению с тем же периодом прошлого года. При этом растет объем экспорта — его рост достиг почти 44 процента. В 1985 году Дэн Сяопин говорил, что объем внешнеторгового оборота достиг 50 млрд. американских долларов и ставил задачу в ближайшие годы довести его до 100, затем до 200 млрд. долларов США. Ныне ежегодный внешнеторговый оборот превзошел уровень 260 млрд. долларов США и наращивает темпы. В этом они видят активизацию сношения с внешним миром.

Коррупция и преступность — вездесущи. Они есть и в Китае. Борьба с ними ведется бескомпромиссная, результаты выставляются общественному достоянию. Но ходить вечерами по улицам города не страшно, уличного, общественного воровства нет, автомобиль можно оставлять на улице, так же как и велосипед. Настойчиво и целенаправленно проповедуется здоровый образ жизни. С восходом солнца люди высыпают в парки, скверы для занятий дыхательной гимнастикой. По одному каналу центрального ТВ почти круглосуточно транслируются спортивные передачи. Здесь любят футбол, теннис, волейбол, силовые виды спорта и различные восточные единоборства. Стадионы переполнены. Спортсмены Китая занимают ведущее положение в мире по гимнастике, плаванию, волейболу. Вот далеко не полный перечень характеристики бурного роста современного Китая.

Раньше при прежнем строе нашей главной идеологией было не признавать чужие достижения, критиковать всех, кроме себя, посмеиваться над «спецификами» соседей. От этой болезни не избавились и сейчас. Речь не идет о том, чтобы сломя головы бежать на поклон и падать от восторга. Просто надо учиться достойно, добросовестно сотрудничать, если надо — спокойно, без амбиции и поучиться, перенять приемлемое. Известен случай, когда немецкие строители проиграли тендер нескольким строительным фирмам Турции, которых когда-то сами учили. Не посчитали это оскорблением — поехали учиться у турков их методам строительства. А такового много, здесь есть чему поучиться. В Китае много интересных, деловых, дисциплинированных, обязательных людей как в госструктуре, так и в частном предпринимательстве. Нужно знать людей, предмет, его базу и возможности для сотрудничества, тогда можно не допустить те фикции, которые получились в сотрудничестве наших предприятий с китайскими предпринимателями. Подписанные контракты строго должны выполняться как с одной, так и с другой стороны. И когда это войдет в норму, можно говорить об удовлетворительном состоянии двусторонних, добрососедских отношений.

Добрососедство двух стран может гарантироваться аккуратным и бережным отношением с обеих сторон, включая все уровни исполнительной власти, хозяйственных звеньев, конкретных ответственных людей, дипломатические каналы. Это и есть взаимная учеба к законопослушанию, учебе во имя уважения взаимного права и достоинства. По-моему, это никого не унижает, а, наоборот, возвышает.

Становление международного сотрудничества такое же хрупкое явление, как свобода и независимость. Его надо неустанно возвращать. Верю в выгодность и перспективность добрососедских отношений Казахстана с Китаем. Добрососедство, в отличие от конфронтации, конфликтов, противостояния, принесет благо, счастье нашим народам. Не нужно бояться углубления и расширения интеграционных процессов. Они нужны сегодня, будут выгодны завтра, в будущем. В будущем можно шагать только сохраняя, закрепляя добрососедские принципы. Это и определит нашу перспективу в мировом сообществе.

Пекин, ноябрь 1995 г.

Примечание

1. Назарбаев Н. А., Евразийское пространство: интеграционный потенциал и его реализация, Алматы, «Казахстан», 1994.
2. Стариков В. С., Материальная культура китайцев, Москва, «Наука», 1967.
3. Назарбаев Н. А. Интервью газете «Россия», 18—24 октября 1995 г.

Марта Брилл Олкотт

НАВСТРЕЧУ БУДУЩЕМУ: ДВЕНАДЦАТЬ МИФОВ О ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Уже много раз говорилось, и это действительно так, что ни одно из молодых государств, образовавшихся на территории бывшего Советского Союза, не имело возможности подготовиться к неожиданно свалившейся на них в 1991 году независимости. История не предоставила им также возможности на размышления после этого, поставив их в условия распада экономической системы и головоломных политических перемен на территории, которая много раз в процессе своего развития подвергалась страшному насилию, в том числе и в совсем недавнем прошлом. Поэтому неудивительно, что человеческий ум не всегда был в состоянии осмыслить происходившие колоссальные по масштабам изменения или определить стоящие задачи, не говоря уже о том, чтобы мобилизовать всю свою волю и энергию для успешного решения этих задач.

Хотим мы этого или не хотим, но время идет, и так неожиданно появившиеся все эти молодые государства приближаются уже к четвертой годовщине своей независимости. Прошло уже достаточно времени для образования определенных структур и наработок, что дает нам возможность начать делать некоторые выводы, в частности, и о том, что общераспространенные суждения о Центральной Азии в конце концов оказываются не совсем оправданными. Конкретно, на мой взгляд, значительная часть рассуждений по поводу политических и экономических проблем Центральной Азии основывается на ряде мифов, или широко укоренившихся «истин», которые, как я думаю, далеко не являются такими истинными, какими их считают многие люди.

Для целей обсуждения, я бы предпочла называть их мифами о будущем, мифами о настоящем и мифами о прошлом. Первая группа охватывает решения, за которые ухватилось большинство людей в надежде обеспечить Центральной Азии светлое будущее.

Мифы о будущем

Миф № 1: Все государства Центральной Азии могут одинаковым образом и в одинаковой степени пользоваться своим суверенитетом. Это неявно выраженная предпосылка является основой для поиска единого решения, или даже набора решений, которые позволят всем новым странам Центральной Азии упрочить и расширить их государственность. Фактически, однако, мировая практика показывает, что существует большое разнообразие видов и степеней суверенитета, начиная от крайней самоизоляции государств подобных Северной Корее, которые пытаются развиваться совершенно самостоятельно, и заканчивая некоторыми почти мнимыми государствами типа бывшей Юго-

славии. Что еще более важно, это то, что необходимо также различать те степени самоуправления и автономии, к которым стремятся различные государства Центральной Азии. Несмотря на все свое сходство, государства этого региона далеко не однородны. Между ними существуют громадные различия в плане размеров их территории, численности населения и обладания природными ресурсами. Не менее важно и то, что существуют большие отличия каждого государства как демографического характера, так и в плане культурного наследия. Узбекистан является большим и густонаселенным государством с высокой численностью и стносительной демографической однородностью населения, которое давно и стабильно расселено по городам и селам республики. Казахстан больше по размерам, но не так плотно населен. Его население отличается большим разнообразием в демографическом отношении, с совершенно различными культурными традициями и ожиданиями. Хотя казахи, и даже часть русских столетиями проживали в некоторых областях территории Казахстана, очень немногие из населенных пунктов республики имеют солидный возраст. Широкие слои населения республики исторически очень подвижны и не привязаны к проживанию ни к определенному месту, ни с определенными людьми.

Кыргызстан и Таджикистан — это маленькие республики, рельеф местности которых создает впечатление об их еще меньшем размере из-за трудности связи их различных частей между собой. Разделенное естественными границами на изолированные части, население этих республик видит в связи с этим социальные различия между собой в такой же степени, как казахи и русские между собой в Казахстане, что вносит в значительной степени такие же черты демографических трендов, какие наблюдаются и в больших государствах, несмотря на то, что большинство народа относятся номинально к одной национальности. Однако, бедность и изолированность этих двух маленьких государств, усиленные в случае Таджикистана еще и бедствиями гражданской войны, делают вопросы выживания еще более актуальными, чем в какой-либо другой стране.

Туркменистан обладает неординарными характеристиками, как и все другие государства. Он имеет большую территорию, но малочисленное население. Он относительно однороден демографически, но соперничество между различными родоплеменными группировками опять-таки придает социальным отношениям в стране такие же черты, как и в случаях межнациональной напряженности. Наконец, это государство одновременно является богатым и бедным из-за того, что его инфраструктура была слабо развита при Советской власти и все еще в значительной мере зависит от России в отношении помощи в организации сбыта продукции и, что очень важно, в получении платежей за продажу природного газа, который должен обогатить республику.

Короче говоря, у всех пяти республик имеются различные сильные и слабые стороны, которые требуют различной степени суверенитета. Густонаселенный, относительно более наделенный ресурсами и более развитый, расположенный в центре региона, Узбекистан может позволить себе, вероятно, большую степень независимости в своих действиях, чем Казахстан, который не только имеет огромной протяженнос-

ти открытую общую границу с Россией, но и также почти половина его населения чувствует по меньшей мере какую-то лояльность к своему гигантскому северному соседу; и география, и демография в одинаковой степени диктуют необходимость Казахстану и России оставаться связанными вместе, хотя бы они этого или не хотят. У Кыргызстана и Таджикистана выбор еще меньше: они должны опираться на помощь внешних сил или исчезнуть как государства. Они слишком малы, слишком удалены и слишком бедны, чтобы иметь возможность действовать иначе. Они скорее должны опасаться слишком большого суверенитета, чем слишком маленького.

Миф № 2: СНГ сумеет стать наднациональной организацией. С момента создания СНГ молодые государства — бывшие Советские республики исходили из того, что нынешняя структура их содружества является временным образованием, и что СНГ будет укрепляться и, возможно, в конце концов снова свяжет эти государства в объединении под эгидой Советскому Союзу. Однако, во взглядах различных членов СНГ на то, что именно следует укреплять и как, существуют огромные различия. В первые дни после получения независимости руководители стран Центральной Азии поддерживали практически любую попытку реинтеграции бывших Советских республик, но сейчас их позиция изменилась, так как у них нет единодушия между собой в отношении того, какой должна быть идеальная форма СНГ.

Президенты Каримов и Ниязов готовы делегировать СНГ очень небольшую часть государственной власти. Их философия, лучше всего формируемая Каримовым, состоит в том, что интеграция государств-членов СНГ не должна достигаться официальными механизмами; лучше, чтобы новые учреждения СНГ развивались по мере потребности в них, придавая официальной форму тем видам интеграции, которые возникают в процессе реализации каждым вновь образованным государством своих разнообразных экономических и стратегических интересов.

С другой стороны, Президент Назарбаев придерживается точки зрения, что новый союз бывших республик должен быть тесно увязан рядом официальных учреждений, предназначенных для координации внешней и внутренней политики. Предложенный Назарбаевым Евро-Азиатский Союз по сути представлял бы собой конфедерацию номинально независимых государств, каждое из которых будет иметь равное представительство, но свобода действий которых будет существенно ограничена новыми наднациональными законодательными и финансовыми органами, которым государства-члены союза уступят соответствующие полномочия. Кыргызстан также поддержал идею ЕАС главным образом из-за экономических выгод, которые он мог бы получить от других государств-членов союза.

Однако, ни одно из государств-членов СНГ не предоставило ему такие права, или финансовые средства, которые необходимы для проведения в жизнь тех многочисленных решений и политик, которые были приняты различными комитетами Содружества; как отметил Президент Казахстана Назарбаев в марте 1994 года, СНГ приняло на тот момент 270 документов, из которых один член ратифицировал только 40, другой 140, а третий 150. При таких различиях и при отсутствии

финансирования, четких полномочий, штатов, и даже места для размещения этих штатных работников, в высшей степени маловероятно, что СНГ станет чем-то более сплоченным, чем оно является сейчас. Намного более вероятно то, что СНГ сойдет на нет.

Миф № 3: Россия воссоединит бывшие республики. Существуют два варианта этого мифа, один из которых можно назвать кошмаром, а другой — мечтой. По первому сценарию Россия использует военное и экономическое давление для воссоздания чего-то подобного Российской царской империи, превращая республики в вассальные государства или колонии; по другому сценарию, Россия признает реальными те гуманитарные обязательства, о которых она так много говорила, когда была ведущим партнером в Советском Союзе, и подключается к участию в субсидировании (хотя бы частично) расходов на пенсии, образование, энергоносители и продовольствие в совсем недавно бывших «братских республиках».

Хотя в России было много публичных высказываний, вызывающих опасения в отношении первого сценария, и много призывов от общественных деятелей в республиках, выражающих надежду на реализацию второго сценария, в реальной политической мысли России, кажется, все больше вызывает осознание национального государственного интереса, что не приведет к реализации ни одного из указанных выше сценариев. Продолжающаяся гражданская война в Таджикистане, а также военная операция в Чечне ясно показывают, что России придется понести огромные экономические и политические расходы в случае попытки установить военное господство над другой республикой или даже над другим регионом в самой России. Россия еще слишком бедна, а ее общественность еще слишком хорошо помнит Афганистан для того, чтобы позволить государству ввязаться в затяжную военную кампанию в Центральной Азии или где-либо еще.

Чувствуя себя обнищавшими и истощенными, россияне неизмеримо враждебно настроены по отношению к любому намеку к возврату к старому порядку вещей, когда, как они чувствовали, справедливо или несправедливо, что республики обходились России намного дороже, чем давали ей самой. Даже наиболее националистически настроенные из российских группировок решили в последнее время, что их интересам больше отвечает сосредоточение усилий на предстоящих президентских выборах в самой России, чем связывать себе руки заботой о проблемах русских в «ближнем зарубежье».

Совершенно определенно рождается Россия, которая добивается для себя экономических преимуществ, не требующих расходов. Пршлые экономические связи, ставшие нерациональными вследствие распада СССР, рвутся не только в республиках, но также и в самой России. Даже там, где старые экономические структуры еще сохраняются, как, например, в нефтегазовом комплексе, кадровый состав в них зачастую изменился; и что даже еще важнее, это то, что ориентация и цели предприятий теперь стали совершенно другими, приведя к изменению также и в их поведении. Таким образом, деловые отношения между республиками будут поддерживаться, но теперь уже на основе прибыльности, или в целях овладения рынком сбыта, а не геополитическим

соображениям или по мотивам прошлого советского братского сотрудничества. Кажется, Россия совершенно однозначно движется в своей политике по направлению дифференцированного отношения к взаимодействию с бывшими советскими республиками, обозначая некоторые отрасли экономики и некоторые регионы как представляющие больший существенный интерес, а некоторые — меньший. Некоторые отрасли и некоторые регионы могут даже оказаться не представляющими никакого интереса.

Миф № 4: Международные институты и организации окажут поддержку и, при необходимости, помогут сохранить государства Центральной Азии. Все пять центральноазиатских государств являются членами многих международных организаций, включая ОБСЕ и, конечно, ООН. Они вступили в эти организации по разнообразным причинам, не последней из которых была надежда на то, что их членство в обеих этих организациях поможет гарантировать их суверенитет и независимость. Однако неясно, насколько эффективно могут либо ООН, либо ОБСЕ вмешаться в дела в пределах СНГ в другом качестве, кроме как консультативном.

В Прибалтике членство в ОБСЕ принесло ту огромную пользу, что позволило взять под контроль и отрегулировать напряженность в отношениях с Россией по вопросам положения этнических русских в этих новых прибалтийских государствах. Однако, трудно представить себе, что членство в ОБСЕ когда-либо даст возможность воспользоваться подобными же благами в спорах в среднеазиатском регионе. Вопрос о правах человека в Центральной Азии всегда был сложным и далеким от ясности. Местным русским все пять республик предоставили полноправное гражданство, в то время как двойное гражданство, которого добивается для этнических россиян в Центральной Азии правительство России, не является чем-то общепринятым или широко признаваемым в международной практике. Вследствие этого, попытки России привлечь Верховного Комиссара ОБСЕ по национальным меньшинствам к решению вопроса о тяжелом положении русских в Центральной Азии в общем и в Казахстане, в частности, имели лишь ограниченный успех. Не думается, что мировому сообществу удастся добиться особого успеха в изменении направления эмиграционных потоков в этом регионе.

Хотя, как мы видим на примере Таджикистана, вмешательство ОБСЕ способно оказать реальное влияние на конфликты между группами местного населения в Центральной Азии, но у него будет значительно меньше вероятности успеха, если Россия почувствует угрозу своим жизненным интересам. Если Россия попытается утвердить здесь свое господство, то, конечно, полномочия ОБСЕ позволят ей отреагировать в поддержку задетых государств Центральной Азии. Но при реальном рассмотрении положения дел, очевидно, что у России всегда будет преимущество в любых выступлениях в ОБСЕ; и трудно даже представить, что руководители государств Центральной Азии выберут этот форум для обсуждения жалоб в отношении России. Однако, даже если допустить, что такой протест будет заявлен, очень трудно представить себе условия, при которых ОБСЕ сможет предпринять какие-

либо действия против России, особенно если учесть, что различные государства Центральной Азии не всегда чувствовали себя обязанными в полной мере следовать всем рекомендациям ОБСЕ.

Маловероятно также, что ООН когда-либо активно вмешается в дела Центральной Азии. На сегодня Совет Безопасности решил ограничить материальную поддержку конкретным проектам таким, как наблюдение за возвращением грузинских беженцев в Абхазию. Однако, руководство ООН признает, что Россия де-факто играет особую роль в пределах СНГ, так что трудно представить себе ситуацию при которой ООН когда-либо решит играть активную роль при посредничестве в конфликте в пределах СНГ не получив одобрения России. Нет необходимости говорить также о том, что право вето у России в Совете Безопасности делает невозможной любую независимую военную акцию ООН где-либо в пределах СНГ.

Что касается экономической помощи, то в этом отношении мировое сообщество проявило чрезвычайную щедрость, достойно приняв вызов, брошенный ему образованием новых государств, в отношении возможности оказания финансовой и технической помощи. Однако, как это познают на своем опыте все новые государства, даже у благотворительности есть своя цена. Финансовые организации, которые непосредственно предоставляют денежные средства, не обязательно ожидают их возвращения в денежной форме, но добиваются уступок и права контроля, которые принимающие государства не склонны давать, но ведь организации, предоставляющие займы и кредиты, выделяют их в конечном счете для получения прибыли независимо от того, насколько мягкими являются их условия для стран-заемщиков.

Мифы о настоящем

Кроме надежд в отношении будущего, у немногих из которых имеются какие-либо реальные основания, в Средней Азии и в других регионах существует также ряд предположений, которые не выдерживают строгого анализа. Такие предположения я называю мифами о настоящем.

Миф № 5: Нынешняя элита и нынешние лидеры будут существовать вечно. Даже в Туркменистане, где с большим уважением относятся к президенту, не найдется никого, кто бы стал доказывать, что их нынешний руководитель бессмертен. Тем не менее, по всей Центральной Азии наблюдается устойчивая и растущая тенденция рассматривать нынешние государственные структуры высшего эшелона (элиту) в качестве единственно возможных. Во всех государствах этого региона предприняты шаги как для продления власти нынешних руководителей, так и для ограничения возможностей для социальных групп и даже отдельных граждан принимать участие в политическом процессе.

Причины, по которым эти шаги были предприняты, различаются от государства к государству, и в некотором смысле могут быть оправданными. Однако, во всех этих государствах появляется одна и та же опасность, что издержки такого ограничения политического участия неизбежно будут возрастать. Унаследовав в одинаковой степени Со-

ветские традиции, все республики Центральной Азии должны четко осознавать неизбежные проблемы, которые возникнут, если не удастся разработать механизм для систематического обновления руководства. Обстоятельства меняются, и люди стареют. Если отсутствует система выдвижения новых способных людей на ответственные должности, тогда наступает своеобразное политическое истощение, так как руководители продолжают использовать одни и те же старые способы решения для новых и меняющихся проблем. Если отсутствует обновляемость, кадров, тогда политическая и экономическая власть в стране становится все более зависимой от здоровья и физического состояния нынешних руководителей государства.

Все государственные руководители данного региона относительно молоды и, насколько нам известно, обладают хорошим здоровьем. Однако, конечная брэнность даже самой совершенной человеческой плоти означает, что смена политического руководства неизбежна. Те общества, в которых пытаются заморозить или остановить процесс политических изменений могут переживать длительные периоды кажущейся стабильности, но сталкиваются с внезапными и резкими изменениями, когда судьба заставляет их провести неизбежную смену руководства. Общества, в которых больше социальных групп и людей допускаются к состязанию за политическую власть, должны переживать определенные периоды политической нестабильности на более или менее постоянной основе, но в конечном счете политические преобразования в них происходят более постепенно, а изменения носят менее болезненный характер.

Миф № 6: Народы Центральной Азии устают от демократии. Действительно, многим гражданам новых республик пришлось пережить огромные изменения, и многие испытали огромные лишения. Действительно и то, что народ многих стран, в которых действуют демократические законодательные органы, является свидетелем массы склок и борьбы большей частью по пустячным поводам. Большинство граждан, вероятно, главным образом озабочено нарушениями общественного порядка, снижением покупательной способности их кошелька и общей неуверенностью в своем будущем.

Это, однако, не означает, что средний гражданин желает возврата к политической системе «застойного периода», когда государство думало за него и голосовало за него. Везде в бывшем Советском Союзе люди привыкли свободно выражать свои проблемы и требовать, чтобы государство реагировало на них. Они стали менее терпимыми в отношении проявлений чиновничьей коррупции, потому что они начали понимать, что именно они являются настоящей властью.

Люди не столько ожидают решений от своего правительства, сколько обсуждения их проблем с тем, чтобы после этого у них осталось чувство причастности к выработке решений, даже если государственная политика в конечном счете не совсем такая, какой они хотели бы ее видеть. В советский период центр принимал решения и навязывал их народу. Крушение Партии и СССР показало, что никакая власть не может претендовать на непогрешимость. Люди больше не верят,

что их руководители всезнающи и всемогущи, тем более они хотят теперь, чтобы их голоса были услышаны. Создается впечатление, что нынешние руководители осознают это, поскольку они теперь используют референдумы вместо партийного диктата прошлых времен; однако, если эти референдумы станут немногим более, чем голосованием по-советски, нынешнее руководство может заигрывать с опасностью более прямых и поэтому более опасных выражений мнения народа.

Миф № 7: Только победители могут осуществить политические и экономические изменения. Одной из самых укоренившихся проблем во всех новых республиках является то, что люди, с готовностью принимающие блага изменившейся политической и экономической среды, крайне неохотно готовы принять потерю благ, которыми они пользовались при старой системе.

Это нежелание в особенной мере воплощено в вопросах социальной сферы, в которой пенсионное обеспечение, здравоохранение, забота о детях, образование, состояние медицинского обеспечения значительно ухудшилось по сравнению с советским периодом. Естественно, людей беспокоит утрата благ, которыми они пользовались ранее, даже если они пренебрегали ими или совсем даже не замечали их.

Точно так же большинство людей обеспокоено явной несправедливостью политических и экономических преобразований, которые сделали одних людей чрезвычайно богатыми, а других загнали в ужасающую нищету. Противоречие между богатыми и бедными велико везде (как отметил Маркс), но это особенно верно для бывших советских республик, в которых так долго и так много людей усваивали положение, что богатство целиком принадлежит народу, а не отдельным лицам.

Суровой действительностью является то, что политические и экономические преобразования неизбежно порождают победителей и проигравших. И что еще более важно, это то, что между личными добродетелями человека и его социальным положением, которое он добьется, существует очень мало связи. Таким образом, политические преобразования неизбежно, с какими бы добрыми намерениями они ни проводились, создают несправедливость и неравенство.

Здесь также важно отметить, что такое неравенство возникает в такой же степени для народов, как и для отдельных граждан. Так же, как граждане теоретически могут иметь равные права в государстве, так и суверенные государства теоретически имеют равные возможности в мировом сообществе. Однако, как и в случае с людьми, в вопросах природной одаренности и размеров местоположения и просто удачи бывает, что некоторые страны несколько более равны чем другие. Есть государства, в продолжении существования которых мировое сообщество будет принимать живое участие, и другие государства, к судьбе которых мир в конечном счете будет равнодушен, особенно по мере «привыкания к кризисам» в связи с неразрешимостью меж- и внутригосударственных конфликтов в Африке, бывшей Югославии и в различных регионах Азии.

Трудно узнать, найдутся ли в Центральной Азии государства, в отношении которых мировое сообщество почувствует себя обязанным

оказать поддержку их выживанию, не считаясь с расходами. Несомненно, однако, что в этом регионе есть государства, в отношении которых мир почувствует не более, чем сожаление в случае прекращения существования одного или нескольких из них.

Мифы о прошлом

Так как именно прошлое формирует настоящее и будущее, неудивительно, что наиболее устойчивые мифы в Центральной Азии относятся к прошлому, которые продолжают доминировать в мышлении как руководителей, так и рядовых граждан. С моей точки зрения эти мифы являются наиболее вредными, потому что именно они накладывают наиболее жесткие ограничения на мышление людей Центральной Азии, и всего мира, в их поисках решений для региональных проблем.

Миф № 8: Национализм является вечной, неизменной категорией. Советское определение национальности, воплощенное в знаменитой «графе 5» паспорта, было бюрократической условностью, которой придали слишком большое значение. В действительности, как в этом может убедиться каждый на собственном опыте, деление на «своих» и «не-своих» меняется в зависимости от обстоятельств. Люди чувствуют разнообразные привязанности все более широкого круга — к семье, потом к соседям, или махалле, возможно, потом к роду или джузу, или, может быть, к тем людям, с которыми они вместе выросли. Они чувствуют близость к другим людям их национальности, но они также чувствуют, что у них есть что-то общее с людьми из их родного города или страны, особенно, когда они находятся на чужбине. Я не могу даже подсчитать, сколько раз, провожая коллег в аэропорту Нью-Йорка, я видела с какой радостью они встречались с любыми бывшими советскими людьми, которых они считают «нашими», и которые собирались в аэропорту перед вылетом в различные места бывшего Советского Союза. То же самое наблюдается на международных конференциях, в которых мне приходилось участвовать, на которых бывшие советские граждане, которые дома считали бы друг друга чужаками, а может быть даже врагами, неизменно притягиваются друг к другу уже как «свои». Конечно, это чувство «своих» со временем изменяется, и это будет происходить и у бывших советских граждан, которые ведут теперь более разделенный образ жизни, чем в прошлом. Однако, такие изменения происходят годами, иногда десятилетиями по мере того, как новые привязанности и чувство общности заменяют старые.

Что еще важнее, однако, это то, что человеческая личность может делиться на бесконечно малые стороны, что делает людей, и целые страны, подверженными влиянию сил, которые могут использовать национальную принадлежность в качестве средства разделения и противопоставления людей друг другу. Если мы начинаем ненавидеть людей в связи с их происхождением, сможем ли мы остановиться только на ненависти европейцев и азиатов друг к другу, или казахов и русских?

Что может помешать нам продолжить разделение на «нас» и «их», вызывая ненависть узбеков и кыргызов друг к другу, или южных кыргызов и северных кыргызов, «кушчуу» и «саруу», и так далее вплоть до последних двух человек на земле?

Миф № 9: Русские отличаются от других национальных меньшинств — они являются либо несчастными жертвами «застрявшими» в этих экзотических азиатских государствах, либо высокомерными колонизаторами, которых надо понуждать возвращаться «домой». Во всемирной истории было не так много примеров крушения цельных, территориально составляющих единый массив, империй, и еще меньше примеров распада многонациональных государств, при котором каждая из входивших в них народностей сформировала бы мононациональное мити-государство. Будучи одновременно наследником колониальной империи и многонационального государства, СССР представлял собой довольно уникальное образование, и его распад привел к созданию на его территории уникальных государств. И проблемы всех народов, населяющих эти новые государства, тоже уникальны, каковы бы ни были их национальные традиции. Все новые государства, включая и Россию, находятся в процессе формирования новых типов образа жизни и культуры, к которым граждане каждого из них должны приспособиться и адаптироваться. Для некоторых, новый образ жизни окажется все более привлекательным; для других он будет казаться еще более чужим и неприемлемым.

Ясно, что некоторые из русских в Центральной Азии были просто временными гостями, людьми, которых направили в этот регион в советское время, и которые никогда не будут чувствовать себя удобно в условиях постепенного исчезновения общесоветской, российской культуры. Но у других в этом регионе имеются более глубокие корни, либо потому что здесь родились их предки, либо потому что они по своему духовному складу чувствуют себя более уютно в Центральной Азии. Третьи могут принять простые экономические решения в связи с тем, что они могут найти себе работу в этом регионе, или не могут позволить себе бросить жилье и накопленное имущество.

Понятно, что русские, которые остаются в Центральной Азии, не должны рассчитывать на большие права или льготы, чем у других граждан республики, но вместе с тем они не должны иметь меньшие права или льготы. Вполне разумно требовать, чтобы люди учились говорить на языке народа с которым они живут, но неразумно также притворяться, что людям не требуется пользоваться латынью для общения в Средиземноморье продолжали пользоваться латынью для общения длительное время спустя после распада Римской империи, а индийцы различных этнических групп продолжают говорить по-английски спустя столетия после того как Британский Раджа вернулся к себе домой. Английский или турецкий язык, персидский или китайский могут заменить русский в качестве языка межнационального общения в Центральной Азии, но это может произойти только постепенно, и скорее всего, на протяжении жизни не одного поколения.

Что касается политических прав, государства, которые предоставляют льготы одним гражданам и отказывают в них другим на основе

только цвета кожи или национальности, или религии, долго не существуют. Гражданство дает права, но вместе с тем налагает и обязанности. Те, кто хотя бы видит себя частью государства и принимать на себя ответственность за его развитие, должны приниматься в гражданство страны, а те, кто добивается только льгот, не соглашаясь на участие в развитии государства, должны быть вольны ехать куда угодно.

По этой же логике государства не должны использовать национальную принадлежность для оправдания вмешательства в дела своих соседей. Это нормально, когда международное сообщество проявляет озабоченность в отношении того, как то или другое государство обращается со всеми своими гражданами, но ненормально, когда одно государство выражает беспокойство по поводу того, как другое государство обращается, например, со своими русскими, не обращая внимания на то, как это государство обращается со своими уйгурами или, скажем, с узбеками.

Миф № 10: Население Центральной Азии особое — склонные к насилию, непредсказуемые «азиаты», которые не могут договориться между собой, и для управления которыми нужна железная рука. Политическая власть в конечном счете является функцией массы людей, поэтому правящие круги всегда считают целесообразным концентрировать внимание людей на том, что отличает их от других народов, а не на том, что является для них сходным. На протяжении двух столетий народы Центральной Азии сталкивались друг с другом в борьбе за природные ресурсы и блага. Это оставило наследие подозрительности, которая заставляет в одинаковой степени и руководителей, и граждан искать гарантий от каких-то третьих держав, которая, на их взгляд, будет беспристрастной. В действительности, однако, беспристрастной политики не бывает. Существует много пунктов расхождений между различными государствами Центральной Азии, но многие из проблем, с которыми они сталкиваются, идентичны. И что не менее важно, это то, что очень немногие из решений для этих проблем могут работать в одном отдельном государстве; большинство решений носят региональный характер, что требует регионального подхода к их реализации.

Что касается вопроса о том, отличаются ли народы Центральной Азии от других народов, наше столетие продемонстрировало без всякого сомнения одно: способность человеческих существ независимо от цвета своей кожи или места происхождения творить невообразимые вещи друг с другом. Самая разрушительная война в истории человечества началась в центре Европы, предполагаемом хранилище цивилизации. Тоталитарные режимы были и в Африке, и в Европе, так же, как там были и демократические режимы.

Демократии встречаются реже и их меньше, но не потому, что они зависят от цвета кожи или количества готических соборов и старинных библиотек у данной страны. Демократия процветает только там, где большинство людей чувствуют, что именно они ответственны за жизнедеятельность страны, и где они серьезно относятся к этой ответственности. Там же, где люди чувствуют, что их обманывают обладатели власти, где они чувствуют, что не могут прокормить свои семьи

или дать образование своим детям, где они убеждаются в том, что их руководители не прислушиваются к ним или лгут им, что руководители преследуют свои узкокорыстные интересы, там в конце концов люди поднимутся независимо от того, на каком континенте они живут или каково их происхождение.

Неудовлетворительным будет также объяснение необходимости деспотизма в качестве временной меры на период проведения экономической реформы. Люди способны на героическое самопожертвование, если они искренне убеждены, что они строят для себя или для своих детей светлое будущее. Но они могут стать безжалостными, независимо от расовой принадлежности, если начинают подозревать, что экономическая «реформа» ведет к обнищанию многих, чтобы только обогатить немногочисленную правящую верхушку.

Деспотизм или демократия не заложены в генах. В конечном счете государственная власть опирается на граждан, которые должны быть убеждены, что руководители заботятся об их интересах, если руководители хотят и дальше занимать свои должности. Правительства, которые устанавливают жесткий контроль над своим народом во имя его защиты от себя самого, оказываются в конечном счете слабыми и сбрасываются. Тысячелетний рейх Гитлера просуществовал всего двенадцать лет, а франксистская Испания не пережила Франко даже на один день. Даже Советский Союз, являющийся, возможно, наиболее полным в истории экспериментом по изменению человеческого поведения, просуществовал меньше продолжительности жизни одного человека.

Миф № 11: Ислам опасен в своей основе и требует сдерживания. Семидесятилетнее наследие пропаганды идеи, что религия является опиумом для народа, не может выветриться за 24 часа. На всей территории бывшего Советского Союза религию впустили в общественную жизнь с определенным сопротивлением и в значительной мере потому, что она служит в качестве социальной и культурной паллиативы, а не в качестве рецепта для жизни.

Но случай с исламом является особым по ряду причин. Религия вызывает широко распространенные сейчас опасения, и не только в бывшем Советском Союзе, но и большинство западных стран в значительной мере потому, что она может требовать от своих приверженцев такой же преданности, как и государство. И важным обстоятельством здесь является то, что нынешний ислам не удовлетворяется общей ролью утешителя, бальзама для облегчения болячек этого мира в ожидании перехода в иной мир, но скорее стремится рассматривать себя в качестве диагноза и рецепта в отношении того, как люди могут жить лучше.

Именно эта рецептурная часть угрожает правящим кругам, и обеспокоенные зарубежные страны склонны рассматривать ее в качестве «исламского фундаментализма», идеологии, которая по их мнению ведет своих приверженцев к насилию и неразумным действиям. Однако, при этом упускают из вида, что люди, которые довольны своей жизнью, не стремятся к альтернативному образу жизни и не нуждаются в других объяснениях и рецептах. Религия меньше всего выступает причиной человеческого поведения, но скорее является симптомом, способом реагирования людей на проблемы, которые они не могут решить иначе.

Сытые, довольные люди, уверенные в будущем для своих детей, не нуждаются в духовном утешении догматических религий.

Догматические, идеологические религии процветают среди тех людей, которые обнищали духовно или материально, или и в том и другом отношении одновременно. Когда люди боятся или не доверяют своим руководителям, когда их беспокоит то, что они не могут обеспечить свои семьи, когда им не во что верить, и отсутствует смысл их жизни, они обращаются к религии. Государственная власть, которая боится этого переноса лояльности на религию, может пытаться ограничить или запретить конкурента в лице религии, но если она также не будет стараться каким-то образом устранить те беды, которые в первую очередь заставили людей обратиться к религии, то попытка будет по меньшей мере бесполезна, так как люди, которым силой запрещают верить, в конце концов выступают против государства еще с большей силой.

Миф всех времен

Теперь я хотела бы рассмотреть еще один, последний миф, который на мой взгляд, в конечном счете, может быть наиболее важным не только для народов Центральной Азии, но для всех нас.

Миф № 12: Где-то есть правильный ответ, правильная политика, или настоящий руководитель, которые, если мы найдем их, принесут процветание, мир, и здоровье всем нам. Поиск единых решений для проблем является характерным для человеческого существа вообще и для ученых-обществоведов, в частности. Для политических деятелей являются характерными попытки вести людей к этим решениям, или чаще, навязывать эти решения людям, хотя они этого или не хотят.

Заслуга истории в том, что она напоминает нам, что nirvana никогда не достижима. Экономические и политические изменения при потере старыми правящими кругами своих мест и приходе на их место новых неизбежно приводят к нарушениям нормального хода вещей и несправедливостям. Некоторые хорошие, добрые, умные люди голодают, болеют и умирают, в то время как некоторые злые, грубые и глупые люди могут процветать. Насколько я знаю, ни один человек еще не смог изобрести учреждение, религию или политическую систему, которые другие люди не смогли бы исказить, испортить, или приспособить для своих собственных нужд.

По такому же признаку мы можем рассмотреть в интересах будущего не только здесь в Центральной Азии, но и на всей нашей крошечной планете, ту регулярно подтверждающуюся в истории истину, что существует много решений, которые люди находят для решения своих проблем, и ни одно из них не является совершенным. История учит, что самая большая опасность происходит от того, когда небольшая группа людей пытается навязать свое решение или решения намного большей группе, настаивая на том, что их политика является правильной и единственно верной.

Большую группу людей можно убедить на какое-то время или принудить к принятию диктата меньшей группы. В конечном счете, однако,

типы общества, в которых немногие люди очень богаты, а большинство народа очень бедно, долго не выживают. Точно также долго не существуют и социальные системы, в которых некоторые граждане пользуются полными правами просто по факту своего рождения, в то время, как другим эти права не предоставляются также по факту их рождения. Социальные системы, в которых руководители ревниво следят за тем, чтобы сохранить власть как привилегию узкого круга избранных людей, будут свидетелями того, что длительные периоды застойной стабильности будут перемежаться неизбежными взрывами, по большей части, вероятно, с применением насилия.

Короче говоря, мне кажется ошибочным для всех нас сосредотачиваться на поисках единственного ответа или единственной истины. Я думаю, будет лучше, если мы осознаем, что перед нами стоят многочисленные проблемы, и они будут меняться и трансформироваться уже в процессе наших попыток решить их; никакое решение не может быть долгоживущим или одним для всех людей. Самой большой ошибкой политических деятелей и руководителей может быть отваживание людей от поисков своих собственных решений, и запрещение пользоваться их плодами, когда люди думают, что нашли приемлемое решение. С потугами, медленно, путем проб и ошибок, но неуклонно народы вырабатывают формы государственного устройства, которые лучше всего отвечают их потребностям. Немногочисленная группа людей может навязать себя на какое-то время многочисленной группе, но история учит, что в конечном счете только те социальные системы процветают, в которых управляемое большинство считает себя деятелями и строителями государства, а не просто немymi строительными кирпичиками чужой социальной политики.

КАЗАХСТАНСКИЙ ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В 1995 ГОДУ: ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КИСИ ПРОВЕЛ МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ И СЕМИНАРЫ:

— совместно с Центризбиркомом Республики Казахстан — Международная научно-практическая конференция «Первые свободные выборы в Казахстане: опыт и проблемы утверждения демократии» (г. Алматы, 13 февраля). По ее результатам издан стенографический отчет;

— совместно с Министерством иностранных дел Республики Казахстан, Институтом политических и международных исследований Исламской Республики Иран, Российским центром стратегических и международных исследований — Международная научно-практическая конференция «Правовой статус Каспийского моря, проблемы и перспективы сотрудничества прикаспийских государств» (г. Алматы, 15—16 мая). По ее результатам издан стенографический отчет, подготовлены и направлены аналитические записки;

— 20 мая совместно с ОБСЕ проведен «Круглый стол» на тему: «Конституция Республики Казахстан и межнациональные отношения в республике». В «Круглом столе» приняли участие Верховный комиссар ОБСЕ по национальным меньшинствам г-н Ван дер Стул, эксперты ОБСЕ, представители Аппарата Президента Республики Казахстан, Кабинета Министров Республики Казахстан, политических партий и движений, Ассамблеи народов Казахстана и национально-культурных центров, представители посольства США в Республике Казахстан;

— 12—14 июля проведен международный семинар «Национальный план действий в области охраны окружающей среды и устойчивого развития» совместно с Представительством ООН в Казахстане, Гарвардским институтом международного развития. От имени семинара в Кабинет Министров направлено обоснование о необходимости создания Координационной Рабочей Группы (КРГ) по разработке национального плана действий в области охраны окружающей среды и устойчивого развития;

— 19—21 июля совместно с фондом Ф. Эберта проведен международный семинар «Участие неправительственных организаций в формировании условий устойчивого развития Казахстана»;

— 31 июля — 4 августа совместно с фондом Ф. Эберта и Представительством ООН в Казахстане проведены международные семинары «Партнерство ради устойчивого развития»;

7—11 августа совместно с Германским фондом международного развития (DSE) проведен международный семинар «Повышение квалификации экономических консультантов из Казахстана». На семинар были приглашены 21 экономический консультант — ответственные работники Аппарата Президента, Кабинета Министров, Национального банка, Государственного банка развития, ученые из ведущих экономических институтов республики;

— 10 октября совместно с Партией народного единства Казахстана и Национальной Академией наук Республики Казахстан проведена на-

учно-практическая конференция «Демократизация общества — магистральный путь развития Казахстана». По итогам конференции выпущен стенографический отчет и готовится к изданию книга;

— 17 октября совместно с Представительством ООН в Казахстане проведен круглый стол, посвященный 50-летию ООН;

— 31 октября — 1 ноября совместно с Посольством Индонезии в Российской Федерации проведен казахстанско-индонезийский семинар «Государственная идеология («Панча Сила») и механизмы демократии в Индонезии»;

— 7—8 декабря совместно с МИД Республики Казахстан и Международным институтом стратегических исследований (Лондон) проведен международный семинар «Региональная безопасность в Центральной Азии».

УЧАСТИЕ В РАБОТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ И СЕМИНАРОВ

Директор института У. Касенов выступил с докладами на международных научных конференциях:

— в Киеве (Украина) — «Процесс и механизм принятия внешнеполитических решений» (январь);

— в Исламабаде и Лахоре (Пакистан) — «Центральная Азия: проблемы региональной безопасности» (январь);

— в Хельсинки (Финляндия) — «По ту сторону патернализма: изменение отношения России к бывшим советским республикам» (январь);

— в Лондоне (Великобритания) — «Казахстан между Россией и Китаем» (январь);

— в Москве (Россия) — «Казахстанско-российские отношения: новый этап развития» (февраль);

— в Помона — колледж (США) — «Центральная Азия и внешний мир» (март);

— в Вашингтоне (США) — «Потенциальные конфликты в Центральной Азии и пути их предотвращения» (сентябрь);

— в Национальном университете имени Аль-Фараби на международном симпозиуме «Восток-Запад: диалог культур» — «Особенности становления и развития демократии в Республике Казахстан в цивилизационном контексте» (Алматы, октябрь);

— в Душанбе (Таджикистан) на международной научно-практической конференции «Геополитика и проблемы международных связей» — «Проблемы региональной безопасности в Центральной Азии» (октябрь);

— в Алматы на научно-практической конференции «Демократизация общества — магистральный путь развития Казахстана» — «От тоталитаризма к демократии: особенности и перспективы становления демократии в переходный период» (октябрь);

— в Алматы на заседании «Круглого стола» «50 лет ООН: проблемы и перспективы» — «ООН и Центральная Азия: проблемы обеспечения региональной безопасности» (октябрь).

Заместитель директора института Д. Елеукунов выступил с докладами:

— в Стэнфордском университете (США) — «Региональные проблемы безопасности в Центральной Азии» (август);

— в Алматы на заседании «Круглого стола» «50 лет ООН: проблемы и перспективы» — «ООН и проблемы нераспространения оружия массового уничтожения» (октябрь);

— Д. Елеукенов принял участие в работе научно-практической конференции «Россия и Казахстан: состояние и перспективы отношений» (Москва, 16—18 февраля);

— в работе казахстанско-американского семинара по экспортному контролю, состоявшегося в Вашингтоне с 23 по 31 марта. С его участием подготовлен Проект Закона Республики Казахстан «Об экспортном контроле» (передан в Кабинет Министров Республики Казахстан — апрель);

— в качестве наблюдателя в работе международной конференции по рассмотрению и продлению Договора о нераспространении ядерного оружия, состоявшейся в г. Нью-Йорке с 10 апреля по 12 мая;

— в работе международного семинара по нераспространению легкого оружия, проходившего в г. Нью-Дели (Индия) с 21 по 24 октября;

— в международной научно-практической конференции «Геополитика и проблемы международных связей» (Душанбе, 18—20 октября).

Директор института У. Касенов и заместитель директора Д. Елеукенов приняли участие в работе международной конференции «Оценка Программы Нанна-Лугара по сотрудничеству и уменьшению опасности», состоявшейся в г. Монтерее (США), 21—22 августа.

Ученый секретарь института К. Рахметова выступила с докладами:

— в Тегеране (Исламская Республика Иран) — «Природные ресурсы Центральной Азии и проблемы их эффективного использования» на международной конференции «Экономические ресурсы и потенциалы государств Центральной Азии и Закавказья» (январь);

— в Москве (Россия) — «Нефтяной фактор в казахстанско-российских отношениях» на научно-практической конференции «Россия и Казахстан: состояние и перспективы отношений» (16—18 февраля);

— на международной конференции «Правовой статус Каспийского моря, проблемы и перспективы сотрудничества прикаспийских государств» — «Перспективы взаимовыгодного сотрудничества в освоении нефтегазовых ресурсов» (Алматы, апрель);

— в Бишкеке (Кыргызстан) — «Экономический потенциал государств Центральной Азии: к новой модели взаимодействия» на международном семинаре «Региональная интеграция в Центральной Азии», организованного Германским фондом международного развития (ДФЕ) (26—30 июня);

— на международном семинаре «Повышение квалификации экономических консультантов из Казахстана», организованного Германским фондом международного развития (ДФЕ) — «Анализ социально-экономической ситуации республики, ход и результаты осуществления экономических реформ» (Алматы, август);

— в Анкаре (Турция) — по проекту программы Национального отчета по человеческому развитию «Казахстан в переходный период, 1996 г.» на международном региональном семинаре по подготовке Национальных отчетов по человеческому развитию (ноябрь);

— приняла участие в работе международного семинара «Методы и финансирование систем социального обеспечения: опыт Запада и выводы для центральноазиатских стран переходного периода», который состоялся в гг. Берлине, Бонне, Нюрнберге с 8 по 21 июля.

и. о. Заведующего отделом внутренней политики Б. Абдыгалиев выступил с докладами;

— в Брюсселе (Бельгия) — «Соблюдение прав национальных меньшинств в Казахстане; состояние и перспективы» на международной конференции «Межэтнические отношения в Казахстане» (январь);

— в Москве (Россия) «Этноконфессиональная ситуация в Казахстане» на научно-практической конференции «Ислам и этноконфессиональное взаимопонимание в меняющемся мире» (май);

— на научно-практической конференции «Демократизация общества — магистральный путь развития Казахстана» — «Политические партии и общественные объединения Казахстана» (Алматы, октябрь);

— в Ташкенте (Узбекистан) — «Особенности переходного периода в Казахстане» на международном субрегиональном семинаре «Социально-экономические аспекты демократических преобразований в Центральной Азии», организованного Азиатско-Тихоокеанским региональным отделением ЮНЕСКО (27—30 ноября).

Заведующий отделом экологической и ядерной безопасности В. Василенко выступил с докладами:

— в Алматы — «Проблемы устойчивого развития Казахстана» на заседании «Круглого стола» «50 лет ООН: проблемы и перспективы» (октябрь);

— в Лениногорске — «Региональные проблемы и приоритеты возрождения устойчивого развития Лениногорска как экотехнополиса в условиях переходного периода» на конференции «Региональные проблемы и приоритеты возрождения устойчивого развития Лениногорска» (9—11 ноября).

Ведущий научный сотрудник А. Султангалиева выступила с докладом:

— в Санкт-Петербурге — «Ислам и казахская идентичность» на международном семинаре «Ислам, этничность и секуляризм в Центральной Азии» (15—17 октября);

— приняла участие в работе международного субрегионального семинара «Социально-экономические аспекты демократических преобразований в Центральной Азии», организованного Азиатско-Тихоокеанским региональным отделением ЮНЕСКО (Ташкент, Узбекистан, 27—30 ноября).

Ведущий научный сотрудник М. Сеитова приняла участие в работе Всемирного Форума неправительственных женских организаций и IV-ой конференции ООН по проблемам женщин, которые состоялись в г. Пекине с 30 августа по 15 сентября.

УЧАСТИЕ В РАБОЧИХ КОМИССИЯХ

Директор института У. Касенов принял участие:

— в заседании Консультативного Совета по проблемам разоружения при Генеральном секретаре ООН 19—23 июня;

— в работе Центральноазиатской конференции по региональному сотрудничеству, проходившей под эгидой ООН на Иссык-Куле (Кыргызстан, 5—7 июня);

— в совещании-семинаре по проблемам безопасности и сотрудничества в Центральной Азии, состоявшемся в г. Ташкенте, 5—6 сентября в качестве эксперта, 15—16 сентября в качестве члена делегации;

— в международной конференции «Итоги деятельности и перспективы ОБСЕ» (Прага, Чехия, 27—28 октября).

Заместитель директора института Д. Елеукунов участвовал в казахстанско-американских переговорах по демонтажу шахтно-пусковых установок — январь;

Д. Елеукунов в составе группы экспертов участвовал в российско-казахстанских переговорах в г. Москве — июнь;

Заведующий отделом экологической и ядерной безопасности В. Василенко по приглашению Московского офиса Гарвардского института международного развития принимал участие в рабочих встречах по проблемам разработки «Казахстанской повестки дня на XXI век» в гг. Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде и Уральске — 7—25 августа.

Ведущий научный сотрудник Султангалиева А. К. стала членом Европейского научного Общества по изучению Центральной Азии (ESCAS), штаб-квартира в Утрехте (Голландия).

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

1. Касенов У. Т. Казахстанско-российские отношения: новый этап развития.— Стенограмма научно-практической конференции «Россия и Казахстан», г. Москва, 1995 г.

2. Касенов У. Т. Внешнеэкономическая стратегия Республики Казахстан.— Сб. «Региональная интеграция в Центральной Азии»— ДСЕ, Берлин, 1995 г.

3. Касенов У. Т. Приоритеты экономической интеграции стран Центральной Азии.— Сб. «Региональная интеграция в Центральной Азии»— ДСЕ, Берлин, 1995 г. (в соавторстве с Рахметовой К. Г.)

4. Касенов У. Т. По ту сторону патернализма: изменение отношения России к своим бывшим сателлитам. Стенограмма научно-практической конференции «Россия и Казахстан», Москва, 1995 г.

5. Касенов У. Т. Россия, Закавказье и Центральная Азия: нефть, трубопроводы и геополитика. // Казахстан и мировое сообщество // № 2, 1995 г.

6. Kassenov Umirserik T. Zentralasien und Rußland. Der dornige Weg zu gleichberechtigten Beziehungen. // Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien, 1995, № 14, S. 3-34.

7. Kasenov Oumirseric. The Institutions and Conduct of the Foreign Policy of Postcommunist Kazakhstan. // The Making of Foreign Policy in Russia and the New States of Eurasia. Armonk, New York, England, London, 1995, p. 263-285.

8. Kasenov Oumirseric. Military Aspects of Security in Central Asia: National and Regional Security Strategies. // The Development of the Soviet Successor States in Central Asia, Cologne, 1995, August, p. 85(90).

9. Елеукунов Д. Ш. Экспортный контроль в Республике Казахстан.— Сб. «Всемирный справочник по экспортному контролю», Лондон, 1995 г.

10. Елеукунов Д. Ш. Настоящее и будущее стратегического партнерства Казахстана и России.— Стенограмма научно-практической конференции «Россия и Казахстан», Москва, 1995 г.

11. Рахметова К. Г. Нефтяной фактор в казахстанско-российских отношениях.— Стенограмма научно-практической конференции «Россия и Казахстан», Москва, 1995 г.

12. Рахметова К. Г. Приоритеты экономической интеграции стран Центральной Азии — сб. «Региональная интеграция в Центральной Азии»— ДСЕ. Берлин, 1995 г. (в соавторстве с Касеновым У. Т.)

13. Рахметова К. Г. Перспективы взаимовыгодного сотрудничества в освоении нефтегазовых ресурсов. Стенографический отчет «Правовой статус Каспийского моря, проблемы и перспективы сотрудничества прикаспийских государств», Алматы, 1995 г.

14. Рахметова К. Г. Нефтегазовый комплекс Казахстана: проблемы и перспективы. Богатство должно работать.— // Казахстан: Экономика и жизнь, 1995, № 9.

15. Василенко В. Н. Экологическая рента — средство оздоровления Отечества.— // Мысль, 1995, № 5.

16. Василенко В. Н. Казахстан экологически уязвимая страна.— // Казахстан: Экономика и жизнь, 1995, № 9.

17. Лаумулин М. Т. Азиатская безопасность и СВМДА. // Казахстан и мировое сообщество, № 2, 1995 г.

18. Сыроежкин К. Л. Национально-государственное строительство в КНР: теория и практика — монография, 7,5 авт. л. / рукопись депонирована в Каз НИИ НКИ.— Алматы, 1995.

19. Сыроежкин К. Л. Казахстан-Китай: торгово-экономические отношения.— «Казахстан и мировое сообщество», 1995, № 1.

20. Сыроежкин К. Л. Демографическая ситуация в Синьцзяне: история, современность, перспектива.— «Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность», 1995, № 3.

21. Сыроежкин К. Л. Шестнадцать лет по пути реформ. К 45-й годовщине образования КНР.— «Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность», 1995, № 1.

22. Сыроежкин К. Л. Миграционные процессы в СУАР КНР и Казахстан.— «Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность», 1995, № 6—7.

23. Сыроежкин К. Л. Китай и Центральная Азия: история и современность.— «Казахстан и мировое сообщество», 1995, № 3 (в соавторстве с А. Ш. Кадырбаевым).

24. Султангалиева А. К. Идея Евразийского союза для СНГ и Казахстана (попытка реинтеграции постсоветского пространства на принципах партнерства). // Казахстан и мировое сообщество, № 1, 1995 г. (в соавторстве с Ахмеджановым А. Х.).

25. Султангалиева А. К.— Казахстан. Отчет по человеческому развитию 1995.— Алматы: 1995 г.

2.5. Социальное неравенство наиболее уязвимые группы.

2.6. Наука: пути выживания.

2.7. Доступ к информации.

26. Sultangalieva A.— the author of the parts of the book «Kazakhstan Human Development. Report, 1995».— Almaty, 1995.

2.5. The social Inequality: the Most Vulnerable Groups.

3.2. Science: A Struggle for Survival.

5.1. Access to Information.

27. Султангалиева А. К. Новые независимые государства Центральной Азии и ислам.—«Казахстан и мировое сообщество», п. 3, 1995.

28. Абдыгалиев Б. Б. Русские в Казахстане: проблемы, мифы и реальность. // Казахстан и мировое сообщество, № 2, 1995 г.

29. Муканова А. Д. Выборы по оценкам неофициальной прессы.— Сб. «Первые свободные выборы в Казахстане: опыт, проблема утверждения демократии»,— Алматы, 1995 г.

30. Кыдырбекулы Д. Б. Казахстан в системе региональной интеграции «Мысль», 1995 год, август, № 8.

31. Кыдырбекулы Д. Б., Формирование стратегии внешней политики Казахстана в переходный период —«Евразийское Сообщество», 1995 год, № 4—5.

Институт с октября 1994 г. выпускает ежеквартальный научно-аналитический журнал «Казахстан и мировое сообщество», в котором отражаются важнейшие аспекты внешней политики и национальной безопасности, экономического развития и экономической безопасности, военно-политической безопасности, экологической безопасности. В свет вышло четыре номера.

Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан является ответственным исполнителем Национального отчета по человеческому развитию «Казахстан в переходный период, 1996 г.».

Национальным координатором по выполнению отчета является директор института У. Касенов.

Международные научные связи института

Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан установил и поддерживает прямые связи с такими авторитетными зарубежными исследовательскими учреждениями, как Лондонский Международный институт стратегических исследований, Королевский институт международных отношений, Лондонская школа экономики и политических наук, Стокгольмский международный институт проблем мира, Университет национальной обороны США, Американская ассоциация содействия науке, Центр по научным

и международным исследованиям Гарвардского Университета, Монтерейский институт международных исследований (США), Стэнфордский университет (США), Браунский университет (США), Центр постсоветских исследований (США), Институт экономических исследований (ИФО) (ФРГ), Германский фонд международного развития (ДФЕ) (ФРГ). Китайский институт современных международных отношений при Госсовете КНР, Китайский институт международных стратегических исследований, Шанхайский институт международных исследований, Синьцзянский институт исследований научно-технической политики (СУАР КНР); Институт политических и международных исследований (Исламская республика Иран), Фонд по изучению национального развития и безопасности, Институт стратегических исследований (Пакистан), Российский Центр стратегических и международных исследований, (г. Москва), Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации.

РЕЦЕНЗИИ:

1. К. Токаев. Организация Объединенных Наций: полвека служения миру.— Алматы, 1995—187 с.

Книга министра иностранных дел Республики Казахстан Касым-жомарта Токаева повествует об основных итогах деятельности ООН в канун ее полувекового юбилея. Это первая крупная публикация об ООН, вышедшая в Казахстане.

Актуальность данного исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, в монографии анализируется деятельность ООН за полувековой период ее существования. Во-вторых, в ней обосновывается причина создания Организации Объединенных Наций, показаны успехи и некоторые просчеты в ее деятельности. В-третьих, в книге в систематизированном виде повествуется о системе и структуре ООН. В-четвертых, а это главное, показано участие Республики Казахстан в деятельности этой международной организации.

Цель данной книги, на наш взгляд,— исследовать деятельность ООН в различных направлениях и показать роль Республики Казахстан в развитии превентивной дипломатии. С этой целью автор справился. Во-первых, здесь кратко рассказывается об истории создания ООН и роли Генерального секретаря, которого справедливо называют, по словам автора, клерком, имеющим 185 хозяев. Во-вторых, показана система и структура ООН, процесс ее развития, функции основных ее органов. В-третьих, раскрыты основные направления деятельности ООН и дана личностная оценка этой всемирной организации в различных сферах: экономической, социальной, в развитии демократии и прав человека, проанализированы миротворческие инициативы ООН и их результативность. В-четвертых, исследована деятельность Республики Казахстан в ООН с момента вступления в нее 2 марта 1992 г., обоснована важность инициатив Президента нашей страны Н. А. Назарбаева в развитии превентивной дипломатии.

Миротворческая деятельность ООН находится в центре бурных споров дипломатов и политологов. Автор обосновывает свою точку зрения по этой проблеме следующим образом. Он считает возможным вмешательство ООН не только в решение межгосударственных конфликтов, но и внутригосударственных катаклизмов во имя мира на планете. Давая в целом положительную оценку деятельности ООН автор в то же время анализирует правовые аспекты применения организацией военной силы (с. 83—103). К. Токаев оправдывает необходимость «принуждения к миру» (санкции против Ирака, вторгшегося в Кувейт), операции по поддержанию мира в связи конфликтов в бывшей Югославии и установление высокой степени сотрудничества с ОБСЕ, показана четкая позиция Казахстана в вопросе поддержания мира в республиках бывшей Югославии — Хорватии, Сербии, Боснии и Герцеговине, Македонии, обосновано вмешательство ООН в тех случаях, когда нарушаются права человека и международные правовые нормы.

К. Токаев опровергает тезис некоторых политологов о том, что ООН терпит фиаско в бывшей Югославии, так как считает, что миротворчес-

кие акции ООН всего лишь акции, направленные на смягчение жестокости вооруженных конфликтов, столкновений.

В то же время автор признает, что ООН допускает просчеты невольно или сознательно, что связано со стратегическими интересами держав (с. 96—97).

Интересен для читателей раздел о текущих операциях ООН по поддержанию мира за 50 лет, где приводятся ежегодные расходы (за 50 лет более 10 млрд. американских долларов), текущая численность вооруженных сил (за период с 1948 г. по 30 мая 1994 г. 650 тыс.) и число смертных случаев с 1948 г. по 11 июля 1994 г.: 1135 (с. 101—103).

Особое внимание автор уделяет ДНЯО — договору, который был открыт для подписания всеми государствами в 1968 г., вступив в силу в 1970 г. Решением конференции ООН в апреле 1995 г. в связи с истечением срока ДНЯО продлен бессрочно. В книге показаны инициативы Республики Казахстан в положительном решении этой важной проблемы.

Большое внимание в книге уделяется сотрудничеству Казахстана с программой развития ООН в области энергетики, торговли, управленческой помощи, по Аральскому и Каспийскому морям и другим.

Заинтересует читателей сопоставление данных по объему помощи ПРООН Казахстану (в тысячах долларов США): 446 в 1994 г. и планируемая в 1995 г.—1817.

Не менее важен и анализ связи Казахстана с ЮНЕСКО с периода вступления нашей страны в эту международную организацию в мае 1992 г. (с. 144—145), с Международной Федерацией Красного Креста и Красного Полумесяца, ВТО, МАГАТЭ и др. (с. 145—152).

Научная новизна исследования проявляется прежде всего в том, что глубоким знанием и пониманием исследуемых вопросов Министр иностранных дел К. Токаев исследует такую важную для нашей страны проблему, как роль Казахстана в ООН, позицию Республики Казахстан по многим актуальным проблемам, обсуждаемым в ООН, Генеральной Ассамблеей и ее комитетами, участие в их деятельности.

*Е. А. Кузнецов
М. Б. Заславская*

2. «Muslim Communities Reemerge. Historical Perspectives on Nationality, Politics, and Opposition in the Former Soviet Union and Yugoslavia» — Durham and London: Duke University Press, 1994.—365 p.

Коллективная монография, опубликованная в США в известной серии Central Asia Book Series, представляет собой англоязычное издание книги на немецком языке «Die Muslime in der Sowjetunion und in Jugoslawien, Identität-Politik-Widerstand» (1989 Markus Verlag, Köln). В нее вошли материалы докладов конференции в Шлангенбаде (1987), посвященной проблемам ислама в коммунистических странах, в частности, в бывших Югославии и Советском Союзе. Среди авторов статей как европейские ученые, так и исследователи из США. Среди них: Эдвард Лаззерини, Увэ Альбах, Эдвард Оллуорт, Азаде Айше Рорлих, Мари Броксап, Герхард Симон и другие.

Книга построена по проблемно-хронологическому принципу и состоит из трех разделов: этнорелигиозная идентичность и национальное развитие мусульманских народов, официальная политика и ислам, исламская оппозиция.

Хронологические рамки охватывают историю и современность, в том числе эпоху Российской империи, период социализма. Обращение к истории составляет неотъемлемую часть большинства статей, в том числе и тех, что посвящены современности. Тем самым это позволило выявить и лучше понять истоки заложенные в прошлой истории, трагических конфликтов на этнической и религиозной почве, происходящих в наши дни в Боснии и Герцеговине, Таджикистане.

Югославия и Советский Союз были избраны в качестве объектов исследования как страны, в составе которых мусульманское население составляло значительный процент. Авторы предприняли попытку сравнить положение мусульманского населения в этих двух коммунистических государствах. При этом обнаружилось сходные черты как в положении ислама, так и в отношении официальной политики в отношении к нему. Это, прежде всего, усиление этнического и религиозного самосознания у мусульманских народов в этих государствах, что, по мнению авторов, свидетельствовало о двух вещах. С одной стороны, об усилившемся влиянии ислама за пределами собственно социалистического «лагеря», с другой — о слабости и неэффективности самой политико-идеологической системы социализма. Причем, экономическая неэффективность последней и кризис «однопартийной диктатуры», не позволяла расширять и укреплять противодействие растущему национальному и религиозному самосознанию. Но если в Югославии шаги по либерализации политики по отношению к религии и национальностям последовали еще в 60-е годы, то в Советском Союзе — только в конце 80-х, в период перестройки.

Одна из важных тем этой книги — проблема столкновения европейской и мусульманской культур, с остротой которой столкнулись многонациональные и полирелигиозные Российская империя, а затем Советский Союз. Этот вопрос рассматривается, в частности, через анализ соотношения политико-правовых концепций государства (нации) и религии, имеющих различное содержание в европейской и исламской политико-правовых традициях.

Книга, написанная в академическом стиле и на основе междисциплинарного подхода (история, социология, культурология, политология), способствует более глубокому пониманию содержания современных этнокультурных и этнополитических процессов, происходящих на территориях распространения ислама в бывших Советском Союзе и Югославии.

Алма Султангалиева

З. Джунусов М., Мансуров Т. Лики суверенитета, суверенитет в призме социальной истории. — Москва, 1994.

У отечественного читателя нет оснований сетовать на недостаток информации о вопросе возникновения и развития идей суверенитета, его юридических, социологических и политологических концепций. Иное дело, что статьи, во множестве появившиеся в самых разных общест-

венно-политических и научно-популярных изданиях, были преимущественно фактографическими и изобиловали весьма скоропалительными оценками и прогнозами. Реальная действительность оказалась гораздо сложнее.

В центре внимания авторов рецензируемой книги — известного ученого, доктора философских наук М. Джунусова и кандидата исторических наук Т. Мансурова (ныне Чрезвычайного и Полномочного Посла РК в Российской Федерации) — комплексное исследование возникновения и развития идей суверенитета через призму конкретного исторического опыта Казахстана.

Работы в соавторстве пишутся всегда непросто. В этом случае авторов подстерегает множество опасностей: вместо комплексного исследования нередко получаются сборники формально объединенных статей, возникают проблемы с различием авторских стилей и подходов, с многочисленными повторами и отсутствием общего видения картины, раздробленной на частные сюжеты. Авторам новой книги удалось в значительной мере избежать многих из подобных недостатков. Научный союз ученого-теоретика (М. Джунусов — автор многих известных монографий и весьма почитаемый философ в московской среде) и известного практического политика (Т. Мансуров занимал видные посты в партийно-государственной машине периода перестройки, был депутатом Верховного Совета Казахстана 12-го созыва, членом последнего Верховного Совета СССР) оказался весьма плодотворным. Как признаются авторы ряд вопросов в столь сложной проблеме лишь обозначен в порядке постановки, а по некоторым дается общее, эскизное положение. И это не случайно, ибо мы живем во времена, когда все пришло в движение: названия, границы, пристрастия (в том числе и научные), кумиры и многое другое. Исследуя историю идей суверенитета с учетом конкретно-исторического опыта Казахстана воочию убеждаешься, что огромный организм на изломе своего развития как геологический срез при землетрясении, выявил вековые наслоения самых разнообразных обстоятельств, которые были факторами его образования. Подготовку монографии, несомненно, стимулировали бурные споры, развернувшиеся в СССР в период перестройки и после распада Союза. Кроме того, актуальность данной темы в связи с интеграционными процессами в СНГ, острыми конфликтами, сотрясающими отдельные регионы бывшего Союза и Восточную Европу остается очевидной.

В первом разделе монографии — «Вопросы истории и теории суверенитета» проведен целостный философско-социологический анализ с широким экскурсом в историю. Детально прослежено возникновение идеи суверенитета в процессе образования централизованных государств (итальянское Возрождение, идея монархического и народного суверенитета в период образования Российского централизованного государства, Союза германских государств и т. д.). Специальные главы посвящены проблеме суверенитета в историческом эксперименте Федерации в Союзе ССР, структуре теории и суверенизации как социального феномена. Если учесть, что политологию и историю политических учений в настоящее время изучают во всех университетах и многих институтах, а учебников и пособий практически нет, то положение дел в этой области вообще — и не без основания — может показаться весьма пла-

чевным. Так что книга М. Джунусова и Т. Мансурова не просто нужна, а необходима для всех, кто самостоятельно или в рамках вуза изучает историю и теорию политологии вообще, и проблему суверенитета в частности. Ее вполне можно считать не только современной, но и крайне своевременной. Можно лишь искренне поблагодарить авторов, которые одними из первых взяли на себя нелегкий и ответственный труд и попытались провести комплексное исследование столь важной темы.

Сама идея издания книги с подобным названием — очень знаменательна и отраднa. Ведь в ней речь идет об истории социально-политической и философской мысли суверенитета в многоэпохальном историческом разрезе и одновременно прослеживается процесс становления и развития Казахстана как суверенного государства с 1991 по 1994 годы. Заслуживает внимания и анализ общественно-политических и социально-экономических процессов в Казахстане в первой половине 90-х годов, сделанный во второй главе «Многомерный анализ опыта суверенизации Казахстана». Эта глава интересна прежде всего и главным образом тем, что ее автор Т. Мансуров был непосредственным очевидцем и участником происходивших событий. На основе богатого фактического материала отслежены процессы политизации и поляризации массового сознания народа Казахстана, выраженного в принятии Декларации о суверенитете. Интересен анализ становления многопартийности в Казахстане, что позволяет сопоставить нашу политическую действительность с ситуацией в других странах СНГ и увидеть общие для динамики развития всех бывших республик СССР. Исследование социально-экономических проблем и казахстанской модели реформ ведется в книге на фоне формирования современной рыночной экономики, вопросов управления экономикой на макро- и микроуровнях, холдингизации, приватизации и других составных структурной реорганизации экономического базиса. Автор последовательно раскрывает государственно-правовые проблемы и первые самостоятельные внешнеполитические акции суверенного Казахстана. Для всех интересующихся экономической и политической историей, впервые представлено систематическое изложение концептуальных взглядов на новейшую историю Казахстана. Весьма плодотворен (но и весьма дискуссионен) такой концептуальный тезис автора: казахстанская модель перехода к рынку несколько отличается от российской: она основана на использовании многообразных форм государственного регулирования многоукладной, частной и государственной экономики и охватывает собой воздействие государства на денежное обращение, выбор валютного курса, определение банковских процентов, экспортно-импортных квот и лицензий, таможенных пошлин, а в социальном плане учитывается необходимость такого регулирования рыночной экономики, чтобы исключить резкую имущественную дифференциацию населения. Вывод: глобальный переход придает новое содержание и процессам в нашей экономике, где не только зарождаются рынок и частная собственность, но и существует потенциальная возможность прорыва к новому качеству общественного развития.

В структуре рецензируемой книги особое место занимают система взглядов Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева. Есть все основания считать, что вопросы, обсуждаемые в седьмой главе, которая носит название «Социально-экономические проблемы суверени-

зации. Казахстанская модель экономической и политической реформы», вызовут особый интерес у тех читателей, знакомых с монографией Н. Назарбаева «Стратегия ресурсосбережения и переход к рынку» (М., 1993) и «Рынок и социально-экономическое развитие» (М., 1994).

Политологические работы стареют быстро. За время, пока книга выходила в свет, в Казахстане произошли большие события, связанные с роспуском парламента и всенародным референдумом по продлению президентских полномочий Президента Н. Назарбаева до 2000 года. Сейчас идет всенародное обсуждение проекта новой Конституции, который опять же будет вынесен на референдум. В конце года состоятся парламентские выборы. В связи с этим в рецензируемой книге проскальзывают остатки отдельных устаревших идеологических парадигм. Но в целом книга написана без нажима, без претензий. Она читается легко, свободно, с интересом, лишена пресловутого академизма и псевдонаучного многословия и бесцветности. Авторы не навязывают своей позиции как истины в последней инстанции, зачастую оставляя проблему открытой для мысли, дальнейшего обсуждения, для самостоятельного творческого поиска читателя. И это замечательно! Мы уже устали от книг с нудными поучениями и безапелляционно самодовольными суждениями. Тираж книги (5000 экз) смехотворно мал и не может в полной степени удовлетворить голод по политологической литературе в нашей стране. Книга была подготовлена для издания Фондом развития «Казахстан» и была напечатана в одном из московских издательств. Книгу необходимо переиздать большим тиражом и в гораздо большем объеме. Ее целесообразно было бы расширить, углубить, избавить от очеркового характера, от фрагментарности, придав ей больше систематичности, полноты и последовательности. Хотелось бы пожелать авторам успехов в их дальнейшей благородной и благодарной работе, а читателям — скорейшей встречи с их новыми книгами.

Ермухамет Ертысбаев

4. Хафизова К. Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии. XIV—XIX вв. — Алматы: Гылым, 1995. — 288 с.

Монография Хафизовой К. Ш. охватывает значительный исторический период контактов Китая с государствами Центральной Азии, характерной особенностью которого являлось то, что на смену пассивной внешней политике Сунской династии приходит активная внешняя политика династии Мин и политика завоеваний династии Цин, осуществляемые в условиях глобальных изменений в Центральной Азии, где консолидирующую роль империи Тимура к началу XVII в. наследует могущественное государство ойратов — Джунгарское ханство.

Монография, посвященная особенностям феодальной дипломатии Китая, фактически охватывает более широкий круг вопросов, связанных с формированием в китайской политической практике таких понятий, как «Сиюй» — «Западный край», «гун-лай» — «дань», «вассалитет», «варвары», и т. д., ставшими ключевыми как в контактах с народами Центральной Азии в рассматриваемый в монографии исторический период, так и имеющими свое значение в понимании политической культу-

ры и особенностей китайской дипломатии в Центральной Азии в наше время.

В этом же смысле существенный практический интерес представляет и вторая глава монографии «Политическая культура и дипломатия Китая», в которой на большом фактическом материале рассматриваются особенности китайского дипломатического этикета и протокола, предъявляемые к послам и сотрудникам посольств требования, специфика содержания и финансирования посольств, характер взаимоотношений пограничной администрации с посольствами, соседними государствами и центральным китайским правительством.

Следующая глава описывает дипломатические институты в Китае, к числу которых автор относит: институт дань-подарки, институт титулования, заложничества и вассалитета, каждый из которых принимал особую форму в зависимости от того с каким государством вступал Китай в дипломатические контакты, насколько могущественным ощущал он себя в этот период и в какой степени подлежали китайской аккультурации народы этих государств, если таковое вообще было возможно.

Несомненный интерес представляет и заключительная глава работы, посвященная традиционной духовной культуре Китая и ее влиянию на китайскую дипломатию. Понимание этих вопросов составляет существенную часть любой серьезной работы, касающейся анализа внутри- и внешнеполитической деятельности Китая, к какому бы периоду истории она не относилась.

Монография К. Ш. Хафизовой представляет собой еще одну страницу в изучении политической истории средневекового Китая и его взаимоотношений со странами Центральной Азии, она имеет не только высокую научную, но и практическую ценность, поскольку понимание рассматриваемых в ней вопросов позволяет более детально прогнозировать дипломатическую активность современного Китая и характер его отношений с окружающей его ойкуменой.

К. Сыроежкин

RESUME

CHINA IS OUR NEIGHBOUR

Quanysh Sultanov

The article of the Kazak Ambassador is devoted to present Kazak-Chinese relations. He marks that China is great and equal partner of Kazakhstan. China is neighbour of Kazakhstan since ancient times. Now the geopolitical situation demands new stage in development of bilateral relations between Kazakhstan and China. The visit of the President of Kazakhstan N. Nazarbaev to China in September 1995 has given a way to intensification of relations. Kazakhstan and China find a common point in their mutual efforts to establish of peace and stability on Asian continent. The priority of bilateral relations is economic cooperation. An exchange of experience in economic and technic development is very important and useful. An observation of neighbourship principles is one of main factors in integration of Kazakhstan into World Community.

INTEGRATION IN CENTRAL ASIAN REGION: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

Serik Primbetov

The problems of integration between Central Asian states are very important for the Nations of this region. Three countries of Central Asia — Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan concluded the Treaty of United Economic Space Creation in 1994. This Treaty regulates and guarantees favourable trade exchange, interfinancial relations, transport and communication development, etc. between these countries. The main advantage of the members of Treaty is presence of fuel and energetic resources which give possibilities of joint using and self-providing. The new states of Central Asia are connected between themselves with the geopolitic situation, common borders, rich natural resources, presence of transport relations for the integration. The author considers that an intensive process in economic integration of the Central Asian states foresees three stages: the organization of common market, intimacy of national economic legislations, creation of free financial and economic space in region on the base of mutual esteem and observation of the international principles.

THE OIL OF KAZAKSTAN IN CENTRAL ASIA, RUSSIAN AND WORLD CONTEXT

Khairgeldy Qabyldin, Anatoly Lobaev, Klara Rahmetova

The article tells about possibilities in realization of pipeline construction plan within Kazakhstan to reduce dependence on other countries of CIS each of which establishes own cost and price in accordance to world

demand. The purchase of Russian oil is very expensive for Kazakstan. The geopolitical situation of the Central Asian states including Kazakstan with the rich fuel resources on the one hand, and West Europe, Asia and Pacific Region are in need of oil and gas connected with the high temps of economic increase on the other hand make Kazakstan take measures in domestic economic policy. The comparative analysis shows the oil potential of Russia and Kazakstan, their possibilities to continue output and export of oil in future. The Pavlodar and Shymkent factories for remaking of oil can get a raw oil from Western Kazakstan (Tengiz, Emba, Janajol, Kenqiaq) and Central Kazakstan (Qumkol) by the constructing of pipelines which would unite all regions of the Republic of Kazakstan. But in order to realize this plan it's necessary at first to build the pipeline Western Kazakstan-Qumkol (Kenqiaq-Qumkol) with further transportation of this oil to Shymkent.

CENTRAL ASIA IN THE WESTERN POLITOLOGISTS' OPINION

Murat Laumullin

The study of Western Politology is valuable for the forming political science of Kazakstan. The author has tried to overcome the stereotypes and consequences of the Soviet propaganda about altruist policy of the West in the period of «Cold War». He analyses the works of the American scientists who consider the region of Central Asia as new sphere of US influence issues from spreading of values like democracy and human rights observation. The American politologists consider the important to paralyse the threat of Russian Empire restoration and strengthening of the Islamic fundamentalism with the antiwestern trends which can cause a new confrontation in the World. The problems of Central Asia are attracted attention of such Western politologists like G. Fuller, Sh. Hunter, S. Muller, R. Dannreuther, J. Lepingwell, J. Critchlow, H. Malik, etc.

CHINA AND CENTRAL ASIA: THE HISTORY AND MODERN TIME

Konstantin Syroyezhkin, Alexander Kadyrbaev

The relationship problems between China and Central Asian states are considered in their historic retrospect and modern stage of development. There is showed a history of Chinese-Central Asian contacts formation, mutual influence and penetration of cultures of these peoples. The countries of Central Asia are presented as a bridge uniting China with the Western Eurasia since ancient times. The authors see specific development of trade, economic and political relations between China and the newly independent states of the post-Soviet Central Asia as well as the peculiarities of their relations in accordance to new arrangement of political forces in the World including in Central Asian region after the collapse of USSR.

NEWLY-INDEPENDENT STATES OF CENTRAL ASIA AND ISLAM

Alma Sultanghalieva

As rule, the researchers tell about Islam in new sovereign states of Central Asia as indivisible regional «image». They identify the Islamic religion with the «Islamic Fundamentalism» that is negative point of view. The author of this article tried to look at forming of modern Islam «picture» in this region. She applies to historic peculiarity of islamization. First of all, she makes out the attitude of modern official policy to Muslim Institutes and reveals common and specific features of this process in separate countries. A special place of Kazakstan with its own significances distinguishes it among other countries of this region that is attracted in position of Islam in this country. The author analyses some main peculiarities of Islam role in society and Kazakh society's attitude to it. The uses for it such sources like interrogatory of the Kazak students, modern Kazak mass-media.

THE STRATEGY FOR XXI CENTURY: FROM ENVIRONMENTAL VULNERABILITY TO SUSTAINABLE DEVELOPMENT

*Vasily Vasilenko, Abdumalik Nysanbaev,
Vitaly Shabelnikov, Mursalnabi Tuyaqbaev*

The article considers the problems of ecology as complicated complex of tasks in Central Asia which are vulnerable in environment. The authors distinguish the ecological problems as main factor among the economic, social, political, juridical and technological reforms. They suggest to work out special status for the countries of Central Asian region. The schemes attract biosphere ecology as well as the engineering, human, social and political aspects of ecology. These aspects are tightly and mutual connected between themselves. The authors mark a solution of environmental problems as priority for XXI century and draw up them as important strategic trend.

TWELVE MYTHES OF CENTRAL ASIA

Martha Brill Olcott

The professor of Colgate University tells about twelve mythes of Central Asia as the illusions of governments. She refutes such extreme points of view as the full sovereignty of the states, CIS as a supernational structure, a restoration of the Soviet or Russian Empire, assistance of the international organizations to them, an eternity of the present elites, the peoples of region have tired of democracy, only the winners can realize the political and economic reforms, nationalism is eternal category, the Russians leaving, a need in dictatorship because of mentality, a danger of Islamic religion, the right leader as guarantee of peace and prosperity. The author emphasizes on complex consideration and solution of problems in the process of independent formation.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВАСИЛЕНКО ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ, заведующий отделом экологической и ядерной безопасности Казахстанского Института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, член координационной рабочей группы при Правительстве Республики Казахстан по разработке Национального Плана действий в области охраны окружающей среды и устойчивого развития (НПД ООС и УР), кандидат философских наук

КАБЫЛДИН КАИРГЕЛЬДЫ МАКСУТОВИЧ, начальник Управления трубопроводного транспорта и телекоммуникаций Министерства нефтяной и газовой промышленности Республики Казахстан

КАДЫРБАЕВ АЛЕКСАНДР ШАЙДАТОВИЧ, ведущий научный сотрудник института истории и этнологии Национальной Академии наук Республики Казахстан, кандидат исторических наук

ЛАУМУЛИН МУРАТ ТУРАРОВИЧ, ведущий научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, кандидат исторических наук

ЛОБАЕВ АНАТОЛИЙ СТЕПАНОВИЧ, вице-президент Государственной холдинговой компании «Мунайгаз»

НЫСАНБАЕВ АБДУМАЛИК НЫСАНБАЕВИЧ, директор Института философии Национальной Академии наук Республики Казахстан, член-корреспондент Национальной Академии наук Республики Казахстан, Президент Академии социальных наук, доктор философских наук

ОЛКОТТ МАРТА БРИЛЛ, профессор Колгейтского Университета

ПРИМБЕТОВ СЕРИК ДОСТАНОВИЧ, председатель Исполнительного комитета Межгосударственного Совета Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Узбекистан

РАХМЕТОВА ҚЛАРА ГАЛИМОВНА, ученый секретарь Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, кандидат экономических наук

СУЛТАНГАЛИЕВА АЛМА КАДЫРГАЛИЕВНА, ведущий научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, кандидат исторических наук

СЫРОЕЖКИН КОНСТАНТИН ЛЬВОВИЧ, ведущий научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, кандидат исторических наук

ТУЯҚБАЕВ МУРСАЛНАБИ ШАЙЗАДАЕВИЧ, второй секретарь Министерства иностранных дел Республики Казахстан, член координационной рабочей группы при Правительстве Республики Казахстан по разработке Национального Плана действий в области охраны окружающей среды и устойчивого развития (НПД ООС и УР), экономист-эколог, кандидат физико-математических наук

ШАБЕЛЬНИКОВ ВИТАЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ, консультант Администрации Президента Республики Казахстан, академик международной академии информатизации, доктор психологических наук

Требования к рукописям, публикуемым в журнале

Рукописи статей должны быть отпечатаны на пишущей машинке или принтере в двух экземплярах через полтора интервала, без помарок и заверены личной подписью автора (авторов).

Объем рукописи не должен превышать 24 страниц.

Список используемых источников указывается на языке оригинала в конце статьи в следующем виде.

Номер по порядку, Автор (Ф.И.О.), название работы (статьи), название источника (книги, журнала), месяц и/или год издания.

Ссылки в тексте по порядковому номеру в списке источников указываются в квадратных [] скобках.

Графики, диаграммы и другие графические материалы распечатываются на отдельных листах. В тексте указывается желаемая позиция для размещения графического материала.

К рукописи может прилагаться дискета с текстом статьи и графическими материалами в формате ASCII (например, подготовленная с помощью редактора Лексикон) или в любом формате, допустимом в среде Windows 3.1. (.WRI, .DOC, PMA4 и т. д.). Возвращение дискеты гарантируется.

В сопроводительном письме должны содержаться следующие сведения об авторе (авторах):

Фамилия, имя, отчество; место работы и должность; служебный и домашний адреса; номера служебного и домашнего телефонов.

Рукописи статей не возвращаются, не рецензируются и не восстанавливаются.

Ответственность за содержание статьи несет автор (авторы).

Редакция оставляет за собой право публикации или отклонения рукописи.